

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (22)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 2 (22)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации
президент ГАОУ ВО МГПУ,

Рябов В.В.

заместитель председателя

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Жиляков И.Г.

доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.В.

кандидат исторических наук, профессор

Корнилов В.А.

кандидат исторических наук, профессор

Карпачев С.П.

доктор исторических наук, профессор

Малышева О.Г.

доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

заместитель главного редактора

доктор исторических наук, профессор

Осиновский И.Н.

доктор исторических наук, профессор

Пашенцев Е.Н.

доктор исторических наук, профессор

Ртищева Г.А.

кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А.А.

кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Бессонова Т.В.* Мещанство в структуре российского общества
конца XVIII – первой половины XIX веков: к вопросу
о социальных определениях 8
- Черножуков А.С.* Борьба Московского земства с холерой
в 1907–1908 годах 18

Новейшая история России

- Зеленская Ю.Н.* Мобилизация и подготовка кадров
для Кировской железной дороги в годы
Великой Отечественной войны 22
- Печерский В.А.* Структура и кадровый состав прокурорских органов
Красноярского края в годы Великой Отечественной войны 31
- Скотони Дж.* Суд над итальянскими военными преступниками:
советское расследование дела капитана Гуидо Музителли 39
- Пискунов С.А.* Государственное переселение в сельскую местность
Нечерноземья РСФСР: вторая половина 1960-х – первая половина
1980-х годов 48

Всеобщая история

- Ляпустин Б.С.* Проблема «шкалы доходности» Катона
в контексте *mos maiorum* 56
- Винокуров Н.И., Крыкин С.М.* Рим, Боспор и Фракия
в середине I в. н. э. 64
- Сидоров Н.В.* Значение турниров и турнирных поединков
в формировании европейского рыцарского сословия 74
- Фурцев Р.В.* Рейхстаги и имперские реформы
в конце XV – начале XVI веков 79

Методика преподавания истории

- Шульгина Д.П.* Комплексный анализ действующих УМК по истории для 11 класса с позиции их соответствия федеральным нормативным актам, историко-культурному стандарту и социальным ожиданиям..... 93

Критика. Рецензии. Публицистика

- Сергованцев Д.Н.* В России «...свобода вводится через армию». Рецензия на книгу Б.Б. Давыдова «Военные поселения в России XIX века. Очерки истории» (М.: Минувшее, 2015. 48 с.)..... 103

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2016, № 2 (22).....

109

Требования к оформлению статей.....

111

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Bessonova T.V.* The Petty Bourgeoisie in the Structure of Russian Society at the End of XVIII – First Half of XIX Century: the Question of Social Definitions 8
- Chernozhukov A.S.* The Struggle of the Moscow Zemstvo with Cholera in the Years 1907–1908..... 18

Modern History of Russia

- Zelenskaya Yu.N.* Mobilization and Personnel Training for the Kirov Railroad in the Days of the Great Patriotic War 22
- Pecherskij V.A.* Structure and Cadre of Procuratorial Bodies of Krasnoyarsk Region during the Years of the Great Patriotic War 31
- Scotoni G.* The Trial of Italian War Criminals: the Soviet Investigation on Captain Guido Musitelli's Case 39
- Piskunov S.A.* The State Resettlement to the Countryside of the Non-Chernozem Zone of the RSFSR in the Second Half of 1960s – the First Half of 1980s 48

General History

- Lyapustin B.S.* The Problem of Cato's « Profitability Scale» in Context of *mos maiorum* 56
- Vinokurov N.I., Krykin S.M.* Rome, Bosphorus and Thracia in the Middle of the I-st Century AD 64

<i>Sidorov N.V.</i> The Role of Tournaments and Tournament Combats in the Formation of European Knightage	74
<i>Furtsev R.V.</i> Reichstag and Imperial Reforms in Late XV – Early XVI Century	79

Methodology of Teaching History

<i>Shulgina D.P.</i> Complex Analysis of Current Educational- Methodical Sets for 11th Form from the Position of Their Compliance with Federal Regulations, Historical and Cultural Standard and Social Expectations	93
---	----

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Sergovantsev D.N.</i> In Russia, «...Freedom is introduced through the army». Review of B.B. Davydov's book «Military settlements in Russia of the XIX century. Essays on History» (M. : Minushee, 2015. 48 pp.)	103
--	-----

«MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies», 2016, № 2 (22)	109
---	-----

Style Sheet	111
--------------------------	-----

История России: с древнейших времен до 1917 года

Т.В. Бессонова

Мещанство в структуре российского общества конца XVIII – первой половины XIX веков: к вопросу о социальных определениях

Цель данной статьи — исследование терминологии, применяемой при изучении одной из крупнейших социальных групп городского населения России конца XVIII – первой половины XIX веков. Анализ социальных определений мещанства проводится как в рамках сословно-классовой парадигмы, так и с учетом иных трактовок, предлагавшихся российскими и зарубежными учеными. Приводится обзор различных понятий, используемых исследователями разных методологических школ, а также закрепленных в массовом сознании исторической эпохи.

Ключевые слова: мещанство; социальные структуры; сословие; класс; городское гражданство.

Неотъемлемой характеристикой российского общества изучаемого периода является его стратификация. Более того, в течение всего XVIII столетия в России происходили его существенные структурные изменения. Чрезвычайная дробность социальной структуры допетровской России, отмеченная еще В.О. Ключевским [10: с. 213], преодолевалась не только благодаря объективным макропроцессам, но и сознательному решению государства по ее упорядочению и консолидации отдельных групп. Таким «сконструированным» сословием стало мещанство.

Социальная структура с точки зрения новой социальной истории — «система иерархически взаимосвязанных социальных позиций, которые фиксируют общественное положение, права и обязанности людей, обладающих различным статусом и престижем, и совокупность ролевых предписаний, предъявляемых обществом к лицам, занимающим эти позиции» [17: с. 47]. Необходимым фундаментом исследования образа жизни мещанства является

понимание природы данной социальной группы, контуры которой определяются как формально-юридическими определениями, так и социально-экономическими реалиями.

Структурный анализ российского общества дореформенного периода поставил вопрос о необходимости социальных определений, сконцентрированный вокруг сословно-классовой парадигмы. Выделение мещанства как социальной группы происходило посредством законодательных установлений, поэтому его юридическое определение становится первым в ряду социальных формулировок. В российском законодательстве XVIII – первой половины XIX веков для определения мещанства использовался термин «состояние» (нем. Stand, фр. état). Так, Городовое положение 1785 года, завершившее процесс правового оформления мещанства, применяет понятие «состояние» в юридическом смысле как определение прав и обязанностей различных категорий городских обывателей. Под термином «состояние» понималась «особая порода людей», имеющая отличительные юридические признаки, не совпадающие с другими категориями населения, например дворянством [8: с. 35]. Л.О. Плошинский, замечая, что именно при Екатерине II произошло всестороннее развитие юридической жизни городского состояния [15: с. X], подробно описывает его правовое положение, трактуя мещанство как один из разрядов состояния городских обывателей. В литературном языке понятие «состояние» также употреблялось применительно к характеристике социальных групп. Так, в «Полном немецко-русском лексиконе» 1798 года слово «Stand» переводится как «состояние, род, происхождение, чин» [21: с. 558].

В первой половине XIX века в литературном и делопроизводственном языке все чаще стал употребляться термин «сословие». Исследуя этимологию данного понятия, выдающийся российский языковед академик В.В. Виноградов указывал, что уже в пушкинскую эпоху слово «сословие» употреблялось в двух значениях: «1. общественная группа, отличающаяся от других общественных групп своими закрепленными законом наследственными правами и обязанностями; 2. группа лиц, объединенных профессиональными интересами» [2: с. 136–137]. В академическом словаре 1847 года понятие «сословие» употреблялось уже в четкой социально-юридической трактовке: «Разряд людей какого-либо звания, отличающийся от прочих особыми правами и обязанностями. Сословие дворянства. Сословие купечества. Сословие ученых» [22: с. 397]. Таким образом, понятие «сословие» постепенно становится синонимом общества, корпорации, имеющей обособленность как в юридическом плане (дворянское сословие), так и по иным признакам (например, сословие литераторов).

Подчеркивая юридический смысл сословного деления общества, В.О. Ключевский отмечал, что сословная структура в России отличается необычайной подвижностью и изменчивостью, поскольку в отличие от европейских государств в России сначала сложились сословные обязанности в виде государственных

повинностей, разверстанных по имущественному состоянию, и только в XVIII веке произошло формирование сословных прав [10: с. 37–38]. Екатерининское законодательство положило начало формированию сословной структуры российского общества, еще более четко оформленной Законами о состояниях Свода законов Российской империи 1832 года, в результате чего сложились четыре сословия российского общества: дворяне, духовенство, городские обыватели и крестьяне (сельские обыватели). Наиболее отчетливо этой позиции придерживались историки государственной школы, в частности К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, М.П. Погодин, взгляды которых по данному вопросу обстоятельно изложены В.О. Ключевским в курсе лекций «История сословий в России» [10: с. 27–29]. Таким образом, в терминологии дореформенной эпохи формально мещанство не было отдельным сословием. Сословные права, в том числе и главное право прежнего посадского населения — заниматься торгово-промышленной деятельностью, получили в целом городские обыватели. Любой представитель других групп населения, прежде чем войти в данную деятельность, должен был приобрести на нее право — вступить в число городских обывателей, которым это занятие было присвоено как сословная привилегия.

Советская наука, основанная на марксистском подходе к социальной классификации, для исследования социальной истории оперировала понятием «класс». В основе позиции советских ученых лежало ленинское определение классов, к которым он относил «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда» [12: с. 15].

Советская историческая энциклопедия выделяет в структуре общества основные классы, порожденные господствующим способом производства, неосновные классы, представляющие остатки предшествующего или зародыши последующего способа производства, а также промежуточные классы и слои, находящиеся между двумя основными классами, к которым относилось в том числе и мещанство [9: с. 400–401]. Классовый анализ социальной структуры наиболее последовательно использовался при исследовании пореформенной России, в которой развитие капитализма способствовало процессу образования классов буржуазного общества, а мещанство пополняло собой два основных класса — мелкую буржуазию и пролетариат [6: с. 336].

Применяя понятие «класс» к индустриальному периоду российской истории, исследователи использовали его и для дореформенного времени, однако, констатируя классовый характер российского общества, ученые фактически приходили к выводу о наличии в нем сословного деления. М.Т. Белявский в статье с идеологически выверенным названием «Классы и сословия феодального общества в свете ленинского наследия» отмечал, что, несмотря на значительные отличия российской социальной структуры от европейской, дореформенная Россия была

сословным обществом, а «основные черты сословного строя сохранялись и в период перехода страны в стадию империализма» [1: с. 79]. Подробно исследуя российское законодательство о сословиях, А.В. Елпатьевский констатирует классовую природу российского государства, одновременно уточняя, что общество было разделено на неравноправные группы-сословия, а государство было заинтересовано в сохранении сословных рамок как средства консервации феодально-самодержавного строя [5: с. 34].

Таким образом, большинство советских исследователей, учитывая специфику российской социальной структуры в сравнении с европейской, придерживались мнения, что дореформенная Россия была сословным обществом, в котором по мере развития капитализма происходило разрушение сословий и формирование классов, но сословные пережитки достаточно долго сохраняли свое присутствие. Соответственно социальная структура городов первой половины XIX века квалифицировалась как сословно-классовая. Отсюда проистекает некоторая эклектика в терминологии, появляются понятия «группа-сословие», «сословие-класс» [16: с. 67–68].

Особенно трудно в сословно-классовую схему вписывалось мещанство. Акцентируя внимание на терминологии, П.Г. Рындзюнский аргументировал целесообразность использования понятия «городское гражданство», отмечая принципиальные отличия городских обывателей от крестьян, особенно выделяя право участия в городском самоуправлении как реализацию гражданских прав городского населения. П.Г. Рындзюнский подчеркивал, что купцы, мещане и цеховые использовали общее наименование «городские граждане», тем самым идентифицируя себя в целом как городское сословие [18: с. 3]. Исследуя документацию магистратов городов Тверской губернии конца XVIII века, Н.В. Середа также отмечает, что мещане, купцы и цеховые рассматривали себя как общую группу городских граждан, а используемое в законодательстве понятие «городское гражданство» трактовалось современниками как «купеческое и мещанское общество» [1: с. 100]. С.И. Сметанин в статье «Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг.» пришел к выводу, что «мещанство и купечество были фактически не двумя, а одним городским сословием, наиболее богатая часть которого и являлась купечеством» [20: с. 171]. Выделяя наследственность прав как главное юридическое определение сословия, Ю.Г. Глазов в работе, посвященной правовым проблемам социальной структуры России, под сословием понимает городское население, обладающее правами городских обывателей, в составе которого купечество и мещанство образуют сословные группы [4: с. 18].

Таким образом, большинство исследователей истории городского населения России в качестве единого сословия обозначали в целом непривилегированные городские слои, выделяя внутри него различные разряды, отличающиеся по своему юридическому положению, основными из которых были купечество и мещанство. В фундаментальном исследовании социальной истории

России XVIII – начала XX веков Б.Н. Миронов подчеркивал, что «даже после утверждения сословной парадигмы, не говоря уже о более раннем времени, каждое из четырех сословий, как оно определялось в законе, никогда не составляло единого целого, а подразделялось на разряды, весьма различные по своему юридическому положению» [13: с. 81].

Подробно анализируя мнения, выработанные отечественной и зарубежной исторической наукой, З.М. Кобозева приходит к выводу, что «сословная парадигма» в позднеимперской России для современного исторического общества так же, как и для их предшественников, является некоей травмирующей ситуацией, заставляющей исследователей когнитивно определяться в отношении терминов («класс», «сословие», «класс-сословие»), метафор («*sedimentary society*» Г. Фриза; «пирог» А. Каплуновского») [11: с. 38–39].

Некритичное отношение российских исследователей к терминам, в частности использование понятий «класс» и «сословие» в качестве взаимозаменяемых, отмечал американский историк Г. Фриз в работе «Сословная парадигма и социальная история России» [24: с. 121]. Анализируя дореволюционную и советскую историографию вопроса, ученый подверг переоценке мнения российских исследователей разных эпох, признающих за государством ключевую роль в формировании социальной структуры российского общества, которая в своем сословном виде сложилась в XVIII веке, а по мере буржуазной модернизации пореформенного периода неизбежно эволюционировала в сторону классовой [24: с. 125]. Автор полагает, что сословия в целом сложились только к началу XIX века и включали далеко не все социальные группы. В течение дореформенного времени сословная система продолжала развиваться, приобретая зрелость и стройность, достаточно адекватно отражая социальную действительность [24: с. 137]. Ключевую роль в данном процессе играло не только государство, значительным было влияние экономических, культурных, социальных факторов. Государство постоянно реагировало на импульсы снизу, по мере возможности адекватно учитывая интересы сословий в той части, где они не противоречили интересам государства в целом, что свидетельствует о жизнеспособности системы [24: с. 145]. К такому же выводу пришел немецкий историк М. Хильдермайер, изучающий городские сословия в России в социально-структурном разрезе [25]. В значительной мере подобный симбиоз способствовал эффективности сословного строя и после Великих реформ: обособленность сословий усиливалась различиями в системе ценностей, образе жизни, религиозной практике, образовании. В результате возникновение классов в пореформенную эпоху происходило на фоне сохранения сословной системы, в чем было заинтересовано не только государство, но и значительная часть населения, особенно корпоративно организованного [24: с. 151]. Сочетая идеи государственного института и общественной группы, сословие как понятие, по мнению Г. Фриза, наиболее адекватно соответствовало дворянству и горожанам [24: с. 133].

Российская сословная система была дифференцированной и гибкой: между различными социальными группами не было непреодолимого барьера, социальный статус менялся не только в силу экономических обстоятельств, но и образования, этнической и религиозной принадлежности, изменения места жительства и т. п. Внутри сословий образовывались отдельные группы, что свидетельствует о маневренности системы. Подробно этот феномен российского сословного общества на примере разночинцев исследовала Э. Фиртшафтер, показывая, что смешивались и перекрывали друг друга все социальные категории и их типы, представляя собой переплетение формальных положений, классификаций и определений, отражающих изменчивость образа жизни [3: с. 43]. Подобное общество А. Дж. Рибер называл «седиментарным», допускающим существование внутрисистемных, постоянно перекрывающих друг друга слоев социальной организации [26: с. 346–366].

Убедительным подтверждением подобного вывода является свидетельство современников. П.И. Пестель в третьей главе «Русской правды» писал, что «много существует различных сословий, состояний или классов людей в России. Каждое из оных имеет свои особенные отличительные виды и преимущества, свои особенные определенные выгоды и ограничения. По соображению настоящего положения вещей оказывается таковых сословий в народе до двенадцати различных...», в том числе купечество и мещанство [14: с. 150].

Таким образом, разделяя мнение Б.Н. Миронова, Г. Фриз полагает, что сословия в XVIII–XIX веках не были простой иерархией четырех социальных групп, в России было четыре юридических состояния, внутри которых находились собственно сословия. Так, состояние городских обывателей включало в себя мещан и купцов — подразделения внутри состояния, наделенного юридическим правом [24: с. 139].

Необходимость определиться терминологически заставляет вернуться к языку эпохи, к тем определениям, которые закрепились в массовом сознании. Г. Фриз убедительно доказал, что в законодательном, литературном и делопроизводственном языке с начала XIX столетия помимо отмеченных определений социальных групп современники употребляли термин «сословие». На необходимость анализировать социальную структуру именно в сословном разрезе обращает внимание Б.Н. Миронов, поскольку русское законодательство признавало существование сословий, а массовое сознание — сословную парадигму [13: с. 78].

Таким образом, с момента своего появления и до Великих реформ мещанство было частью сословно-структурированного общества. Однако и в пореформенное время оно оставалось элементом сословной системы, довольно успешно сохранившейся в своих основных чертах. Конечно, проницаемость сословных рамок стала значительно выше, межсословная мобильность активизировалась не только в связи с финансово-материальными изменениями, но и профессиональными, социокультурными, этноконфессиональными характеристиками. Многослойность

идентичностей в пореформенной России А. Каплуновский образно сравнил с пирогом, в котором, по его мнению, уже отсутствовали условия для формирования и воспроизводства мещанского самосознания и устойчивого социокультурного типа. Тем не менее, анализируя основные мещанские повинности в поздней имперской России, А. Каплуновский доказывает, что мещанство продолжало сохранять свое значение для государства как налоговой категории и института социального контроля и обеспечения, что являлось главной объединяющей силой для российских сословий. Таким образом, А. Каплуновский подчеркивает, что «в поздней империи сословная система и другие формы социокультурной идентичности и самоорганизации, основанные, например, на профессиональной или этноконфессиональной принадлежности, не только сосуществовали, но и взаимодополняли друг друга» (Kaplunovski A. A Social Phantom: Meshchanstvo in the Socio-Cultural Context of Late Imperial Russia // *Ab imperio*. [Электронный ресурс] URL: <http://abimperio.net/portal/outreach/AKberlin.pdf> (дата обращения: 26.08.2015).

Некоторые исследователи оперировали понятием «сословие» даже применительно к советской эпохе. Так, американский историк Ш. Фицпатрик пришла к выводу, что официально декларированные классы общества — сознательный конструкт советской власти, а в действительности социальные группы советского общества более похожи на «советские сословия» [23: с. 176–177].

Среди современных отечественных исследователей наиболее обстоятельно вопрос сословно-классовой парадигмы изучен в монографии Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой «Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века)». В известной мере эта работа стала подведением итогов всей предшествующей историографии. Авторы применяют понятие «сословие» как к дореформенной, так и к пореформенной эпохе, связывая начало образования классов с индустриальным периодом истории России [7: с. 217]. В монографии определены ключевые признаки сословия: законодательное закрепление сословных прав, обязанностей и занятий, передача их по наследству; сословное общественное управление путем сословных корпоративных организаций; участие в местном самоуправлении, при этом отмечено, что применительно к городскому населению процесс формирования сословных признаков охватил XVIII – первую треть XIX века [7: с. 329].

Таким образом, за обществом признали право на множественность иерархий, а историческое сообщество вернулось к понятиям, наиболее прочно закрепившимся в массовом сознании изучаемой эпохи.

Литература

1. *Белявский М.Т.* Классы и сословия феодального общества в свете ленинского наследия // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1970. С. 68–72.
2. *Виноградов В.В.* Историко-этимологические заметки IV // *Этимология* 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М.: Наука, 1968. С. 111–138.
3. *Виртшафтер Элис К.* Социальные структуры: различия в Российской империи. М.: Логос, 2002. 272 с.

4. Глазов Ю.В. Место купечества в социальной структуре российского общества XVIII – первой трети XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. научных статей. Вып. 5. Курск: Курский государственный университет, 2012. С. 13–23.
5. Елаптьевский А.В. Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности царской России // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М.: Наука, 1986. С. 34–73.
6. Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России: сб. статей к 85-летию со дня рождения академика Н.М. Дружинина. М.: Наука, 1971. С. 312–340.
7. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
8. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. М.: Б/и, 1909. 474 с.
9. Классы и классовая борьба // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 400–411.
10. Ключевский В.О. История сословий в России. Петроград, 1918. 276 с.
11. Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2014. 738 с.
12. Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 3–29.
13. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. 3-е изд. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
14. Пестель П.И. Русская правда // Восстание декабристов. Документы. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1958. 692 с.
15. Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб.: б/и, 1852. 290 с.
16. Преображенский А.А. Об эволюции сословно-классового строя в России // Общество и государство в феодальной России: сб. статей, посвященных 70-летию академика Л.В. Черепнина. М.: Наука, 1975. С. 69–72.
17. Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
18. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 556 с.
19. Середа Н.В. К изучению терминов «гражданство», «мещанство», «купечество» (по документам городских магистратов Тверской губернии) // Мир источниковедения. М.; Пенза: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1994. С. 97–101.
20. Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг. // Исторические записки. 1978. Т. 102. С. 153–182.
21. Сословие // Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматикально-критического словаря господина Аделунга составленного. СПб., 1798. Т. 2. 558 с.
22. Сословие // Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 3. 2-е изд. СПб., 1867–1868. С. 397.
23. Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 174–207.

24. *Фриз Грегори Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 121–162.

25. *Hildermeier M.* Bürgertum und Stadt in Russland, 1760–1870: Rechtliche Lage und soziale Structur. Köln, Wien, Bölau, 1986. 680 s.

26. *Rieber Alfred J.* The Sedimentary Society // Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West, eds. Between Tsar and Peole: Educated Society and the Quest for Public Identity in the Late Imperial Russia. Prinseton, 1991. P. 346–366.

Literatura

1. *Belyavskij M.T.* Klassy' i sosloviya feodal'nogo obshhestva v svete leninskogo naslediya // Vestnik MGU. Seriya 9. Istoriya. 1970. S. 68–72.

2. *Vinogradov V.V.* Istoriko-e'timologicheskie zametki IV // E'timologiya 1966. Problemy' lingvogeografii i mezh'yazykovy'x kontaktov. M.: Nauka, 1968. S. 111–138.

3. *Virtshafter E'lis K.* Social'ny'e struktury': raznochincy' v Rossijskoj imperii. M.: Logos, 2002. 272 s.

4. *Glazov Yu.V.* Mesto kupechestva v social'noj strukture rossijskogo obshhestva XVIII – pervoj treti XIX veka // Istoriko-pravovy'e problemy': novy'j rakurs: sb. nauchny'x statej. Vy'p. 5. Kursk: Kurskij gosudarstvenny'j universitet, 2012. S. 13–23.

5. *Elapt'evskij A.V.* Zakonodatel'ny'e istochniki po istorii dokumentirovaniya soslovnoj prinadlezhnosti czarskoj Rossii // Istochnikovedenie otechestvennoj istorii: sb. statej 1984. M.: Nauka, 1986. S. 34–73.

6. *Ivanov L.M.* O soslovno-klassovoj strukture gorodov kapitalisticheskoy Rossii // Problemy' social'no-e'konomicheskoy istorii Rossii: sb. statej k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika N.M. Druzhinina. M.: Nauka, 1971. S. 312–340.

7. *Ivanova N.A., Zheltova V.P.* Soslovnnoe obshhestvo Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX veka). M.: Novy'j xronograf, 2010. 752 s.

8. *Kizevetter A.A.* Gorodovoe polozhenie Ekateriny' II. M.: B/i, 1909. 474 s.

9. Klassy' i klassovaya bor'ba // Sovetskaya istoricheskaya e'nciklopediya. T. 7. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1965. S. 400–411.

10. *Klyuchevskij V.O.* Istoriya soslovij v Rossii. Petrograd, 1918. 276 s.

11. *Kobozeva Z.M.* Meshhanskaya povsednevnost' provincial'ny'x gorodov Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk. Samara, 2014. 738 s.

12. *Lenin V.I.* Velikij pochin // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 39. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1970. S. 3–29.

13. *Mironov B.N.* Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i i pravovogo gosudarstva. 3-e izd. T. 1. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 548 s.

14. *Pestel' P.I.* Russkaya pravda // Vosstanie dekabristov. Dokumenty'. T. 7. M.: Gospolitizdat, 1958. 692 s.

15. *Ploshinskij L.O.* Gorodskoe ili srednee sostoyanie russkogo naroda v ego istoricheskom razvitii ot nachala Rusi do novejsnix vremen. SPb.: b/i, 1852. 290 s.

16. *Preobrazhenskij A.A.* Ob e'volucii soslovno-klassovogo stroya v Rossii // Obshhestvo i gosudarstvo v feodal'noj Rossii: sb. statej, posvyashheny'x 70-letiyu akademika L.V. Cherepnina. M.: Nauka, 1975. S. 69–72.

17. *Repina L.P.* «Novaya istoricheskaya nauka» i social'naya istoriya. M.: Izd-vo LKI, 2009. 320 s.
18. *Ry'ndzyunskij P.G.* Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoj Rossii. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 556 s.
19. *Sereda N.V.* K izucheniyu terminov «grazhdanstvo», «meshhanstvo», «kupechestvo» (po dokumentam gorodovy'x magistratov Tverskoj gubernii) // *Mir istochnikovedeniya*. M.; Penza: Rossijskij gos. gumanit. un-t, 1994. S. 97–101.
20. *Smetanin S.I.* Razlozhenie soslovij i formirovanie klassovoj struktury' gorodskogo naseleniya Rossii v 1800–1861 gg. // *Istoricheskie zapiski*. 1978. T. 102. S. 153–182.
21. *Soslovie* // *Polny'j nemecko-rossijskij leksikon, iz bol'shogo grammatikal'no-kriticheskogo slovarya gospodina Adelunga sostavlennogo*. T. 2. SPb., 1798. 558 s.
22. *Soslovie* // *Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka*. T. 3. 2-e izd. SPb., 1867–1868. S. 397.
23. *Ficzpatrik Sh.* «Pripisy'vanie k klassu» kak sistema social'noj identifikacii // *Amerikanskaya rusistika: vexi istoriografii poslednix let. Imperatorskij period: antologiya / sost. M. De'vid-Foks*. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2001. S. 174–207.
24. *Friz Gregori L.* Soslovnaya paradigma i social'naya istoriya Rossii // *Amerikanskaya rusistika: vexi istoriografii poslednix let. Imperatorskij period: antologiya / sost. M. De'vid-Foks*. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2000. S. 121–162.
25. *Hildermeier M.* Bürgertum und Stadt in Russland, 1760–1870: Rechtliche Lage und soziale Structur. Köln, Wien, Bölau, 1986. 680 s.
26. *Rieber Alfred J.* The Sedimentary Society // Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West, eds. *Between Tsar and Peole: Educated Society and the Quest for Public Identity in the Late Imperial Russia*. Prinseton, 1991. P. 346–366.

T.V. Bessonova

The Petty Bourgeoisie in the Structure of Russian Society at the End of XVIII – First Half of XIX Century: to the Question about Social Definitions

The purpose of this article is the study of the terminology used for study of one of the largest social groups of urban population of Russia in the late XVIII – early XIX century. Analysis of social definitions of petty bourgeoisie is conducted in the framework of the paradigm of estate and class, and with regard to other interpretations offered by Russian and foreign scientists. A review of the different concepts used by researchers of different methodological schools, and also enshrined in the mass consciousness of the historical epoch is carried out.

Keywords: petty bourgeoisie; social structures; estate; class; urban citizenship.

А.С. Черножуков

Борьба Московского земства с холерой в 1907–1908 годах

Статья посвящена борьбе Московского земства с эпидемией холеры в 1907–1908 годах. Распространение болезни привело к мобилизации всех возможностей земских органов, усилия были направлены как на подавление эпидемии в Московской губернии, так и на создание действенных методов предотвращения вспышек заболевания.

Ключевые слова: холера; медицинская служба; земства.

Земские органы самоуправления в дореволюционной России играли важную роль в хозяйственной жизни регионов. Одной из задач, которые решали земства, была борьба с эпидемиями различных заболеваний, в том числе с холерой. Среди болезней, которыми так богато начало XX века, холера занимала исключительное место. В истории холеры отмечают шесть больших пандемий, последняя продолжалась с 1901 по 1926 годы [1: с. 247].

В международной санитарной конвенции 1866 года говорится, что «холеру распространяет человек, и никогда холера не шла быстрее человека в его передвижениях». Однако в России существовали и другие источники распространения заболевания: войны, плохое санитарное состояние населенных пунктов, отсутствие должного санитарного контроля, устаревшие способы борьбы с болезнью.

Сильнейшая эпидемия холеры началась в России в 1907–1908 годах. Болезнь распространилась на 71 губернию, заболело 30709 человек, умерло 15 543 человека, больше всех пострадали Петербургская, Саратовская, Астраханская, Самарская губернии, не обошла холера стороной и Московскую губернию [1: с. 276].

Московское земство еще с середины XIX века вело борьбу с заболеванием. В период с 1858 по 1868 годы в России (в том числе в Московской губернии) возникают врачебные общества, они ставят перед собою задачу борьбы с повседневными болезнями [5: с. 8]. В 1869 году появился устав медицинских обществ. Его первый параграф раскрывал цели создания подобных организаций: изучение санитарного состояния губерний, составление их медицинских топографических и санитарных карт, рассмотрение условий, при которых в данной губернии развиваются и распространяются болезни, сбор и учетная переработка статистических материалов о заболеваниях и смертности, содействие в повсеместном оспопрививании населения, популяризация медицинских знаний [5: с. 9].

В 1870-е годы по инициативе Тверского земства начинают собираться губернские съезды врачей. В 1885 году открывается Пироговское общество, ставившее задачу создания основ организации санитарной и врачебной медицины.

17 декабря 1883 года Московское губернское земство постановляет избрать комиссию, которой поручается совместно с врачами изучить санитарное состояние Московской губернии [2]. В 1884 году земство выработало устав медицинско-санитарной организации, куда вошли санитарные советы и санитарные попечительства (ЦГАМ ЦХД до 1917 года. Ф. 185. Оп. 1. Д. 361. Л. 57). Это событие положило начало созданию санитарной службы, земской организации, ставшей в дальнейшем инициатором многих своевременных начинаний: исследование условий труда и быта сельскохозяйственных рабочих, организация лечебно-продовольственных пунктов, изучение сельскохозяйственного травматизма. Было также организовано санитарно-статистическое бюро, в 1891 году открыты городские санитарные службы и бактериологический кабинет [4: с. 17].

Постепенно уровень медицинского обслуживания в стране, а также и в Московской губернии повышался. «Развитие губернских больниц пошло по линии специализации и преобразования их в клинические учреждения. Уровень оказания медицинской помощи в них был достаточно высок. Губернские земские больницы являлись крупными центрами подготовки фельдшерского персонала и переподготовки врачей, проводниками современных научных идей. В число земских учреждений входили психиатрические отделения и лечебницы, а также учреждения, специализирующиеся на призрении различных категорий населения, нуждающихся в социальной защите. Они включали приюты для неизлечимо больных, богадельни, приюты для подкидышей, сиротские дома» [3: с. 212]. В ожидании холерных эпидемий Московское земство и земское самоуправление других губерний проводили приблизительно одинаковый набор мер: своевременное выявление и изоляция больных, объединение руководства по предотвращению эпидемий в руках одного органа, разделение городов и уездов на санитарные участки, распространение среди населения листовок и инструкций санитарного характера, очистка населенных пунктов, в ряде случаев — очистка колодцев, ремонт водопроводов и, конечно, дезинфекция. Таким образом, местное самоуправление постоянно отслеживало санитарно-эпидемиологическое состояние городов и уездов губернии, играло значительную роль в сохранении и поддержании здоровья населения.

Как уже было сказано выше, угроза распространения заболевания холерой в Московской губернии пришлось на лето 1907 года. Многие уездные земства предпринимали отчаянные шаги по предотвращению эпидемии. К контролю над ситуацией подключилось даже Министерство внутренних дел. Например, в циркуляре МВД от 2 августа 1907 года губернскому и уездным земствам содержалось следующее указание: «Ввиду появления на востоке заболеваний холерой и принимая во внимание, что в настоящее время Московская губерния вследствие ярмарки находится в постоянном общении с Нижегородской губернией, уже объявленной угрожаемой по холере, предлагаем уездным земским управам, городским головам и старостам Московской губернии в целях предупреждения заноса эпидемии: 1. установить постоянное врачебное наблюдение, 2. уездным земствам и городским врачам сообщать о всяком остром желудочном заболевании» (ЦГАМ

ЦХД до 1917 года. Ф. 185. Оп. 1. Д. 361. Л. 3). В свою очередь губернское и уездные земства продолжают самостоятельную борьбу со сложившейся ситуацией. В июле 1907 года принимается решение «ввиду весьма значительного пассажирского движения по реке Москве при обнаружении случаев заражения холерой... помещать заразившихся в городские и земские больницы незамедлительно» (ЦГАМ ЦХД до 1917 года. Ф. 185. Оп. 1. Д. 361. Л. 2). На основании циркуляра МВД многие уездные органы местного самоуправления постановляют «сообщать в управы о подозрительных по отношению к холере заболеваниях, своевременно ознакомить население с мерами по борьбе с холерой» (ЦГАМ ЦХД до 1917 года. Ф. 185. Оп. 1. Д. 361. Л. 1). Тревожные вести заставляют задуматься о предупреждении распространения болезни среди солдат тех подразделений, которые были расквартированы в Московской губернии (ЦГАМ ЦХД до 1917 года. Ф. 185. Оп. 1. Д. 361. Л. 5). В сентябре 1907 года состоялось заседание Московской губернской управы, на котором были приняты следующие положения: образовать совещательно-распорядительные комиссии по борьбе с холерой, разработать план борьбы с болезнью, увеличить количество средств, создать постоянные эпидемиологические отряды, создать запас людей, умеющих ухаживать за больными (ЦГАМ ЦХД до 1917 года. Ф. 185. Оп. 1. Д. 361. Л. 20).

В итоге была образована специальная комиссия, целью которой стала выработка комплексного подхода по предотвращению эпидемий холеры на территории губернии. Результат ее работы – появление документа, где прослеживаются три основных направления деятельности по борьбе с заболеванием.

Первый раздел назван «Ожидание холеры». На данном этапе комиссия предлагает заняться обеспечением больниц необходимыми лекарственными средствами и оборудованием, строить постоянные «заразные бараки», чтобы при необходимости изолировать больных и не дать распространиться инфекции.

Во втором разделе «Появление первых случаев холеры в России» рекомендуется увеличение фельдшерского персонала, закупка дезинфицирующих средств, заключение контрактов с фирмами на их поставку, распространение специальной литературы среди грамотного населения и массовая вакцинация. Дается указание тратить на одного заболевшего холерой не более 30 рублей в месяц. Третья часть документа — «Холера в пределах московской губернии» — регламентирует пополнять инвентарь во всех больницах, проводить плановое обучение медицинского персонала, осуществлять мониторинг ситуации в губернии (ЦГАМ ЦХД до 1917 года. Ф. 185. Оп. 1. Д. 361. Л. 31–31 об.). Как показывают архивные документы, комиссия собиралась несколько раз. Так, в мае 1908 года принимается решение «улучшить санитарное состояние фабрик и сел, организовать пункты питания для чернорабочих и богомольцев, санитарное попечительство для жителей губернии (ЦГАМ ЦХД до 1917 года. Ф. 185. Оп. 1. Д. 361. Л. 53).

Подводя итог, можно отметить значительный вклад Московского земства в дело борьбы с холерой и ее последствиями: налажена комплексная работа не только по предотвращению заболеваемости, но и по предупреждению эпидемий, все городские и земские больницы были готовы принять граждан

и провести необходимое лечение, причем из земских средств выделялись значительные суммы на покупку лекарств и организацию ухода за больными. Из архивных документов видно, что губернское и уездные земские органы постоянно координировали свою деятельность, работала губернская комиссия, взаимодействующая с Министерством внутренних дел и другими правительственными учреждениями. Такая работа стала возможной благодаря тому, что правительство легализовало в 1892 году деятельность земских и городских санитарных комиссий, признав значение общественности в организации противоэпидемических мероприятий.

Литература

1. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 397 с.
2. Денисов Л.А. Страницы истории санитарного дела. М.: Ториус, 2013. 343 с.
3. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, Е.В. Шерстнева, Н.Н. Блохина, С.Г. Гончарова; под ред. Р.У. Хабриева. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
4. Лунев В.П., Фомичева Н.Е. Историко-правовые аспекты развития санитарно-эпидемиологической службы в России. Орел: ОГУ, 2011. 76 с.
5. Страшун И.Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907–1917 годы. М.: Медицина, 1964. 205 с.

Literatura

1. Vasil'ev K.G., Segal A.E. Istorija e'pidemij v Rossii. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo medicinskoj literatury', 1960. 397 s.
2. Denisov L.A. Straniczy' istorii sanitarnogo dela. M.: Torius, 2013. 343 s.
3. Istorija zdavoohraneniya dorevolucionnoj Rossii (konecz XVI – nachalo XX v.) / M.V. Poddubny'j, I.V. Egory'sheva, E.V. Sherstneva, N.N. Bloxina, S.G. Goncharova; pod red. R.U. Xabrieva. M.: GE'OTAR-Media, 2014. 248 s.
4. Lunev V.P. Fomicheva N.E. Istoriko-pravovy'e aspekty' razvitiya sanitarno-e'pidemiologicheskoy sluzhby' v Rossii. Orel: OGU, 2011. 76 s.
5. Strashun I.D. Russkaya obshhestvennaya medicina v period mezhdv dvumya revolyuciyami 1907–1917 gody'. M.: Medicina, 1964. 205 s.

A.S. Chernozhukov

The Struggle of the Moscow Zemstvo with Cholera in the Years 1907–1908

The article is devoted to the struggle of the Moscow zemstvo with a cholera epidemic in the years 1907–1908. The spread of the disease led to the mobilization of all the opportunities of zemsky bodies. The efforts were focused on stopping the epidemic in Moscow province as well as establishing effective methods of preventing further outbreaks of the disease.

Keywords: cholera; medical service; zemstvos.

Ю.Н. Зеленская

Мобилизация и подготовка кадров для Кировской железной дороги в годы Великой Отечественной войны

В статье на основе архивных источников и периодической печати рассматриваются процессы мобилизации и подготовки кадров для Кировской железной дороги, которая приобрела стратегическое значение в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Кировская железная дорога; мобилизация; подготовка кадров.

В отечественной историографии вопрос мобилизации и подготовки кадров для железных дорог в годы Великой Отечественной войны рассматривался неоднократно [1–5]. Вместе с тем, учитывая особые условия функционирования отдельных железнодорожных магистралей в рассматриваемый период, данная тема представляется недостаточно изученной.

Кировская железная дорога, протянувшаяся с севера на юг от заполярного Мурманского железнодорожного узла до Волховстроевского, в годы Великой Отечественной войны получила стратегическое значение. По Кировской железной дороге, пролежавшей вдоль линии самого протяженного Карельского фронта, осуществлялась эвакуация материально-технической базы и населения региона в тыловые районы страны, транспортировка грузов, поступавших в порт г. Мурманска от союзников по антигитлеровской коалиции. Приоритетным направлением деятельности Кировской магистрали на всем протяжении войны оставалось снабжение армий Карельского фронта, которое осуществлялось через армейские склады, размещенные на железнодорожных станциях Кола, Кандалакша, Кемь и Сегежа.

Безусловно, обеспечение бесперебойного функционирования железнодорожной магистрали в условиях прифронтовой полосы в годы войны во многом зависело от полной укомплектованности ее штата квалифицированными специалистами.

Однако уже с первых дней войны численность работников Кировской магистрали стала сокращаться. Только за первое военное полугодие след-

ствие мобилизации в Красную армию, добровольного ухода на фронт, эвакуации с имуществом дороги в тыловые районы страны, гибели в ходе массированных налетов авиации противника кадровый состав Кировской магистрали уменьшился в два раза: если в 1940 году на железной дороге работало 40 415 чел., то в 1941 году — уже 28 626 чел., а в начале 1942 года — 17 210 чел. (НАРК¹. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 171).

Очевидно, что резкое сокращение численности работников магистрали неминуемо вело к сбоям в соблюдении графиков движения поездов и, как следствие, к перебоям в снабжении армий Карельского фронта.

Решением кадрового вопроса на Кировской магистрали занимались группы кадров, труда и заработной платы, дорожный отдел приема и увольнения, отдел подготовки кадров, т. е. автономные подразделения, действовавшие в структуре администрации дороги. Для оперативного принятия решений, согласованности действий по приему и увольнению работников на основании распоряжения Народного комиссариата путей сообщения (далее — НКПС) № 1057/ц от 8 октября 1942 года и приказа по Кировской железной дороге № 703 от 26 октября 1942 года названные выше подразделения были объединены в отдел кадров, который в свою очередь подразделялся на четыре сектора: руководящих кадров, труда и заработной платы, рабочих кадров и подготовки кадров (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 1/4. Л. 101).

Таким образом, осенью 1942 года на смену самостоятельным подразделениям пришел единый отдел, ведавший кадровыми вопросами. Перед новым отделом так же, как и его предшественниками, стояли важнейшие задачи — сохранить имевшийся на дороге контингент рабочих, производить поиск и прием новых специалистов.

Для решения поставленных задач отдел кадров Кировской магистрали приглашал на работу ветеранов-железнодорожников (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 23/133. Л. 65.), принимал вернувшихся по постановлению ГКО от 16 мая 1942 года с фронта работников дороги, привлекал местное население республики и осуществлял мобилизацию жителей Архангельской, Кировской и Вологодской областей, нанимал учеников школ ФЗО и направленных ВЛКСМ комсомольцев (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 718. Л. 12, 13, 16).

Однако проводимые мероприятия не давали ожидаемого результата. Мобилизация местного населения затруднялась эвакуацией жителей в тыловые районы страны и оккупацией противником части территории Карело-Финской ССР. Вербовка населения других областей осложнялась нежеланием властей направлять своих работников на Кировскую железную дорогу в связи с нехваткой рабочих рук у себя на местах. Ситуацию усугублял постоянный отток рабочих, вызванный болезнью, смертью, арестом, переводом в специальные формирования и т. д. Так, в 1942 году на Кировскую железную дорогу поступило 4822 чел. и выбыло 4203 чел., т. е. 87 % от принятых в этом году на работу (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12.

¹ Национальный архив Республики Карелия.

Д. 59/329. Л. 68). В 1944 году на работу были приняты 7135 чел. Рост числа трудоустроенных в этом году объясняется постепенным возвращением населения из эвакуации, освобождением летом 1944 года части территории КФССР от оккупации, переводом с других железных дорог и т. д. Выбыло в указанном году 4571 чел. (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1276. Л. 8, 8 об.)

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны на Кировской железной дороге постоянно ощущалась острая нехватка рабочих рук. Администрация дороги при содействии НКПС и СНК КФССР предпринимала меры, направленные на сохранение контингента рабочих и мобилизацию новых кадров.

Специфика работы на железной дороге требовала наличия специальных знаний и умений. Поэтому вопросы, связанные с обучением и повышением квалификации работников железной дороги, требовали особого контроля со стороны управления магистрали.

До начала Великой Отечественной войны Кировская железная дорога имела свою стационарную учебную базу. Подготовка специалистов с отрывом от производства осуществлялась в Лодейнопольском механическом и Волховстроевском путевом техникумах, курсовой школе станции Кемь, выпускавших паровозных машинистов и дежурных по станции. На основе этих учебных заведений действовала курсовая сеть по подготовке работников массовых профессий.

В результате наступления финских войск на петрозаводском и олонекском направлениях в июле 1941 года возникла необходимость перебазирования техникумов в тыл, подальше от линии фронта. В августе 1941 года учебные заведения дороги, расположенные на территории, которая находилась под угрозой захвата противником, вместе с преподавательским составом были эвакуированы в глубь страны. Единственной базой для проведения обучения с отрывом от производства осталась курсовая школа станции Кемь, где в соответствии с приказом начальника Кировской железной дороги № 11/НК от 9 января 1942 года началась подготовка крановщиков углеподъемных кранов, машинистов водокачек и электросварщиков (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 1/2. Л. 6, 7).

Наиболее трудным для коллектива школы оказался 1941/1942 учебный год. Медленное комплектование учебных групп, отсутствие преподавателей по профильным предметам (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 167), частые тревоги, иногда сопровождавшиеся бомбежками, отрицательно сказывались на осуществлении образовательного процесса (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 678. Л. 135). Несмотря на все трудности, школа работала и в 1943 году переросла в Дорожную техническую школу. Началась подготовка высококвалифицированных специалистов: паровозных машинистов, начальников станций, дежурных по станции, дорожных мастеров, бригадиров пути, машинистов, помощников машинистов электростанций и др.² В 1944 году состоялся первый выпуск Дорожной школы. Документы об образовании получили 774 специалиста (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1276. Л. 15).

² Больше внимания обучению специалистов // Кировская магистраль. 25 марта 1945 г. № 38. С. 2.

Для подготовки работников массовых профессий (паровозных и вагонных слесарей, токарей и т. д.) 1 февраля 1944 года при Дорожной технической школе открылась школа бригадного ученичества. В школу набирали подростков в возрасте от 15 до 18 лет. Теоретическое обучение проводилось на базе Дорожной технической школы, практические занятия — в мастерских Кемского депо (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 3/13. Л. 5).

Дорожная техническая школа станции Кемь и созданная на ее базе школа бригадного ученичества не могли удовлетворить потребность Кировской железной дороги в профессионально подготовленных кадрах. Поэтому в годы войны при хозяйственных единицах Кировской железной дороги возникла курсовая сеть, на базе которой получили распространение такие новые формы обучения, как индивидуальное и бригадное ученичество, стахановские школы. Для решения кадровой проблемы также использовались курсы повышения квалификации и обучение второй профессии без отрыва от производства.

Практика передачи знаний через индивидуальные занятия началась на Кировской железной дороге во втором полугодии 1941 года. За шесть месяцев 1941 года через индивидуальное ученичество было подготовлено 587 чел. На индивидуальное и бригадное обучение принималась молодежь, достигшая 14-летнего возраста. Профессиональная подготовка осуществлялась по учебным программам и планам, разработанным в НКПС. Решением наркомата из учебных программ были сняты общеобразовательные дисциплины и сохранены только профильные предметы. Учебными пособиями служили книги, которые хранились в технических библиотеках хозяйственных единиц дороги. По окончании обучения ученик сдавал выпускные испытания постоянно действовавшей и утвержденной начальником дороги комиссии (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 678. Л. 134).

С 1 января по 1 июня 1942 года через индивидуальное ученичество было подготовлено 429 чел. (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 678. Л. 134). В 1944 году индивидуальным порядком профессию получили уже 4476 чел. (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1276. Л. 14; Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 61/344. Л. 27).

В марте 1943 года на станциях Кемь и Кандалакша открылись молодежные образцовые общежития. В этих общежитиях проживала молодежь хозяйственных единиц, которая пришла на дорогу из школ ФЗО. Обучение осуществлялось в порядке бригадной и индивидуальной подготовки. На базе этих учебных заведений слесари-паровозники получали профессию помощника машиниста, слесари-вагонники — осмотрщиков вагонов, кондукторы — диспетчеров. Многие обучающиеся вошли в ряд стахановцев. Например, 16-летний токарь Вадим Деркач выполнял норму выработки на 300 %. Молодой слесарь депо Кандалакша Константин Казенный — на 284 % (НАРК. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 169; Оп. 12. Д. 60/336. Л. 41 об.).

Таким образом, обучающиеся молодежных общежитий получали вторую, более востребованную профессию.

В годы Великой Отечественной войны переквалификация рабочих Кировской железной дороги через получение второй профессии стала еще одним способом решения кадровой проблемы (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 678. Л. 135).

Получение второй профессии дало возможность работать по совместительству. В паровозном депо станции Мурманск в начале войны по совместительству работали 10 чел. Помощник машиниста А. Пугачева работала электросварщицей, котельщик И. Максаков — печником, электровозные машинисты Н. Лебедев, Н. Фролов, И. Лукинский, Ф. Соколов — машинистами паровозов и др. (Мурманский областной краеведческий музей. Ф. НВ. Д. 4323-5пид. Л. 91 об.).

В 1944 году получение железнодорожниками второй профессии позволило укомплектовать штаты для участков Кировской магистрали, освобожденных от оккупации. Например, 22 стрелочника освоили профессию кондуктора. Кондукторы Щипакин и Рысляков получили профессию нарядчика. Третью специальность дежурного по станции получил старший стрелочник станции Пинозеро Кутин, который до этого выучился на кондуктора³. Технические занятия для паровозных бригад и рабочих Петрозаводского депо начались в 1945 году. Уже в апреле этого года 27 машинистов и 12 помощников машинистов успешно сдали итоговые испытания по профессии слесарь 5-го разряда, 9 кочегаров получили квалификацию слесаря 3-го разряда⁴.

В годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство работников железнодорожного транспорта повышали свою техническую грамотность через стахановские школы и курсы повышения квалификации [З: с. 291].

Стахановские школы на Кировской железной дороге открылись после выхода 27 мая 1942 года приказа № 198 начальника политотдела дороги А. Румянцева «О развертывании стахановских школ в годы войны». К этому приказу прилагались организационно-методические указания, регламентировавшие проведение занятий в этих школах. Процесс обучения состоял из четырех элементов. Обучение начиналось со вступительной беседы о методе стахановца. Затем следовал производственный показ, на котором стахановец практическим путем демонстрировал свои достижения. Третий элемент — производственный инструктаж, где стахановец наблюдал за работой учеников, направлял их. Завершалось обучение заключительной беседой с подведением итогов. А. Румянцев требовал «избегать волокиты» и комплектовать большие группы. Обучение в стахановских школах не должно было превышать 15–20 час. (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 1/2. Л. 150, 154).

После выхода 11 октября 1941 года приказа НКПС «О повышении квалификации работников массовых профессий железнодорожного транспорта» [З: с. 285] на Кировской железной дороге открылись курсы повышения квалификации. На курсах железнодорожники изучали новые типы паровозов, лунинский метод ухода за паровозом, вождение тяжеловесных поездов, скоростные методы ремонта товарных вагонов, культурное обслуживание пассажиров и т. д. (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1276. Л. 15 об.).

³ Готовим кадры // Кировская магистраль. 16 марта 1944 г. № 33. С. 2.

⁴ Повышаем квалификацию, готовим кадры // Кировская магистраль. 28 апреля 1945 г. № 51. С. 2.

За годы войны в стахановских школах и на курсах повышения квалификации было обучено 18 988 чел. (НАРК. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 169).

В ситуации кадрового кризиса мужчин на железнодорожном транспорте заменили женщины. Активная подготовка женщин началась в 1942 году. Женщины осваивали профессии машинистов, помощников машинистов, диспетчеров, дежурных по станциям, бригадиров пути, дорожных мастеров, электромехаников и т. д. (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 1/2. Л.9). Например, девушки из села Малошуйка в 1942 году получили профессию связистки. Обучение проводилось в вечернее время руководящими работниками одной из дистанций Кировской железной дороги⁵. Комсомолки железнодорожного узла Кандалакша М. Викторова и Н. Елисеева получили специальности старшего кондуктора и паровозного кочегара. Всего за годы войны на Кандалакшском узле профессии для работы на железнодорожном транспорте получили 140 девушек (ГАМО⁶. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 316. Л. 28). По состоянию на 1 января 1944 года на Кировской железной дороге работало 9 988 женщин, что составляло 50 % от общего числа рабочих магистрали (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 209/1973. Л. 7об.).

Все работники Кировской железной дороги, «обнаружившие недостаточные познания в своем деле», по соответствующим программам могли пройти обучение техническому минимуму. Этот вид обучения производился без затраты государственных средств. После окончания обучения ученик сдавал итоговые испытания (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 678. Л. 135).

В годы войны при технических кабинетах хозяйственных единиц дороги работали учреждения технической пропаганды. Важнейшая роль технической пропаганды как одной из форм повышения уровня производственной культуры рабочих была отмечена в приказе НКПС от 11 января 1943 года [3: с. 292]. Техническая пропаганда представляла собой эпизодические лекции, технические консультации, просмотр кинофильмов, освещавших вопросы новейших по тем временам достижений советской и иностранной техники. В 1944 году техническую пропаганду на Кировской железной дороге осуществляли пять технических кабинетов и вагонов технической пропаганды. В этом же году на Кировской железной дороге состоялись 6 конференций, 876 лекций, 290 бесед на технические темы, 365 консультаций, 168 киносеансов и т. д. (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1276. Л. 16).

В октябре 1944 года на Кировскую железную дорогу из эвакуации возвратились Волховстроевский путейский и Лодейнопольский механический техникумы.

Не вызывает сомнений, что 1944/1945 учебный год стал новым этапом в истории техникумов Кировской железной дороги. Отсутствие необходимых помещений, учебно-методических пособий, безусловно, сказались на их деятельности. Однако, несмотря на все трудности, на Кировской железной

⁵ Будущие связистки // Кировская магистраль. 5 марта 1942 г. № 15. С. 3.

⁶ Государственный архив Мурманской области.

дороге вновь возобновилась работа стационарных учебных заведений. Следовательно, преодоление дефицита квалифицированных кадров оставалось делом времени.

Рассматривая процесс подготовки кадров на Кировской железной дороге в годы войны, следует учесть и тот факт, что планы подготовки специалистов прежде всего массовых профессий утверждался и спускался из НКПС.

Документы из фондов Национального архива Республики Карелия свидетельствуют, что в годы войны, невзирая на отсутствие стационарной учебной базы, администрации Кировской железной дороги не только удалось соблюсти установленные нормы подготовки, но даже перевыполнить их на 19,2 % в 1942 году, 5,9 % в 1943 году и 12,2 % в 1944 году. Однако, несмотря на перевыполнение плана НКПС по подготовке кадров, на Кировской железной дороге в 1942 году план подготовки паровозных и вагонных слесарей, электромехаников и котельщиков полностью выполнить не удалось (НАРК. Р-528. Оп. 12. Д. 59/329. Л. 68 об.). В 1943 году для выполнения установленного наркоматом плана, индивидуальное обучение было заменено бригадным с отрывом от производства (НАРК. Р-528. Оп. 12. Д. 2/10. Л. 52). В 1944 году Кировская железная дорога выполнила общий план подготовки специалистов. При этом годовой план по подготовке специалистов ведущих профессий выполнить не удалось.

Невыполнение плана НКПС по подготовке специалистов в 1944 году, как и в 1942 году, было связано с отсутствием на Кировской железной дороге контингента для обучения. На дорожном совещании-семинаре по кадрам, проходившем на Кировской железной дороге с 5 по 8 декабря 1944 года, начальник Дорожной технической школы станции Кемь Соловьев рассказал, что Кемское паровозное отделение прислало для обучения на курсах машинистов Фофанова и Родькина, которые по своему образовательному уровню не могли учиться. Из Мурманского отделения на курсы начальников станции прислали Миронову, которая училась на этих курсах в 1942 году и была откомандирована обратно за неуспеваемость. Первое паровозное отделение направило на курсы крановщиков человека, который по состоянию здоровья оказался непригодным к работе по этой специальности (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1360. Л. 17).

18 ноября 1944 года НКПС издал приказ № 1012/Ц «О подготовке и техническом обучении кадров массовых профессий железнодорожного транспорта». План подготовки кадров массовых профессий в четвертом квартале 1944 года составил 935 чел. Через курсы повышения квалификации требовалось провести 400 чел. Начальник Кировской железной дороги П.Н. Гарцуев после получения этого приказа направил на линию телеграмму, охватывавшую основные организационные вопросы по реализации приказа. Вслед за телеграммой он подписал приказ № 344/Н «Об организации подготовки и повышения квалификации кадров массовых профессий при хозяйственных единицах дороги». Для обеспечения выполнения плана подготовки и повышения квалификации кадров в четвертом

квартале 1944 года была проведена персональная проверка обучающихся и составлены графики экзаменов. При технических кабинетах и библиотеках начали проводиться консультации. Состоялось совещание узловых инспекторов по подготовке кадров (НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1276. Л. 15). По требованию руководства дороги Дорожная техническая школа станции Кемь закончила учебный год досрочно. В результате по группе дорожных мастеров невыполнение запланированной учебным планом нагрузки составило 1102 часа, по группе бригадиров пути — 688 часов, по группе паровозных машинистов — 463 часа, по группе помощников паровозных машинистов — 450 часов (НАРК. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 162/1445. Л. 71 об.). В итоге в четвертом квартале 1944 года выпуск специалистов массовых профессий, подготовленных без отрыва от производства, составил 1101 чел., т. е. 112 % от полученного плана. Через курсы повышения квалификации прошли 2817 чел, т. е. в 7 раз больше установленной НКПС нормы.

Очевидно, что в погоне за выполнением планов НКПС, нарушались графики учебного процесса, что не могло не сказаться на качестве обучения. Рабочие места ушедших специалистов занимали плохо подготовленные, неопытные кадры.

Таким образом, особое значение для организации бесперебойной работы Кировской железной дороги в рассматриваемый период имело наличие квалифицированных кадров. Сокращение численности кадрового состава особенно на начальном этапе войны (на 42,5 %) потребовало от администрации дороги оперативной замены выбывших специалистов. Для эффективного решения кадровой проблемы осенью 1942 года были реорганизованы и объединены в один отдел кадров автономные подразделения, ведавшие приемом и увольнением, подготовкой кадров, оплатой труда и т. д. Для привлечения новых работников отдел кадров в годы войны производил мобилизацию местного населения, вербовку жителей соседних областей, нанимал учеников школ ФЗО и присланных по направлению ВЛКСМ комсомольцев. Большинство трудоустроившихся на дорогу людей не имели специальной подготовки и опыта работы на железной дороге. Поэтому в условиях отсутствия стационарных учебных заведений (за исключение курсовой школы станции Кемь) вплоть до октября 1944 года обучение производилось в индивидуальном и групповом (бригадном) порядке преимущественно без отрыва от производства, в стахановских школах и технических уголках, на курсах повышения квалификации. Создание различных форм обучения было направлено также на выполнение ежегодно утверждаемых наркоматом путей сообщения планов подготовки кадров. Порой для соблюдения установленных нормативов управление Кировской железной дороги было вынуждено сокращать учебный план, переводить студентов на обучение с отрывом от производства, досрочно выпускать учебные группы. Безусловно, подобные меры отрицательно сказывались на уровне подготовки специалистов. Однако в условиях военного времени, когда на счету был каждый работник, такие действия имели логическое оправдание.

Литература

1. Железнодорожный транспорт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под ред. Н.С. Конарева. М.: Транспорт, 1985. 575 с.
2. Захарченко А.В., Солдатова О.Н. Волжская рокада и железнодорожное строительство в Поволжье в годы Великой Отечественной войны. Самара: Изд-во «Ас Гард», 2014. 264 с.
3. Куманев Г.А. Война и железнодорожный транспорт СССР 1941–1945 гг. М.: Наука, 1988. 368 с.
4. Луценко В.Т. Деятельность КПСС по обеспечению бесперебойной работы железнодорожного транспорта в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): учебное пособие. М.: Всесоюзный заочный институт инженеров железнодорожного транспорта, 1969. 158 с.
5. Митрофанова А.В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 486 с.

Literatura

1. Zheleznodorozhny'j transport v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. / pod red. N.S. Konareva. M.: Transport, 1985. 575 s.
2. Zaxarchenko A.V., Soldatova O.N. Volzhskaya rokada i zheleznodorozhnoe stroitel'stvo v Povolzh'e v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny'. Samara: Izd-vo «As Gard», 2014. 264 s.
3. Kumanev G.A. Vojna i zheleznodorozhny'j transport SSSR 1941–1945 gg. M.: Nauka, 1988. 368 s.
4. Lucenko V.T. Deyatel'nost' KPSS po obespecheniyu besperebojnoj raboty' zheleznodorozhnogo transporta v period Velikoj Otechestvennoj vojny' (1941–1945 gg.): uchebnoe posobie. M.: Vsesoyuzny'j zaochny'j institut inzhenerov zheleznodorozhnogo transporta, 1969. 158 s.
5. Mitrofanova A.V. Rabochij klass Sovetskogo Soyuza v pervy'j period Velikoj Otechestvennoj vojny'. M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1960. 486 s.

Yu.N. Zelenskaya

Mobilization and Personnel Training for Kirov Railroad in the Years of the Great Patriotic War

In the article on the basis of archival sources and periodical press the author considers the processes of mobilization and personnel training for Kirov railroad, which acquired a strategic importance in the years of the Great Patriotic war.

Keywords: Great Patriotic war; Kirov railroad; mobilization; personnel training.

В.А. Печерский

Структура и кадровый состав прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны¹

В статье на основе анализа как опубликованных источников, так и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов рассматриваются вопросы, связанные с изменением структуры и кадрового состава прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Исследуются проблемы, связанные с перестройкой работы органов прокуратуры на военный лад, мобилизацией прокурорских работников в армию, подготовкой кадров для прокуратуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красноярский край; прокурорские органы; работники прокуратуры.

В период Великой Отечественной войны различные отрасли экономики и сферы государственного управления испытывали острый дефицит кадров. Это в полной мере относилось и к органам юстиции. Война потребовала максимального напряжения людских и материальных ресурсов, способствовать этому должны были органы прокуратуры.

В этих условиях структура и кадровый состав прокурорских органов были подчинены решению задач военного времени. Особую актуальность приобрела борьба с нарушениями трудовой и воинской дисциплины, хищениями государственного и общественного имущества, самовольным оставлением работы на предприятиях [3: с. 73]. Прокуратура должна была усилить надзор за исполнением законов военного времени. На плечи ее сотрудников легли новые обязанности.

Целью данной статьи является изучение изменений в структуре и кадровом составе прокурорских органов одного из крупнейших регионов РСФСР — Красноярского края в период войны.

Типовая структура аппарата краевой (областной) прокуратуры была установлена Постановлением ВЦИК РСФСР от 10 октября 1930 года. В состав региональной прокуратуры должны были входить следующие отделы: общего надзора, по наблюдению за судебными органами, по наблюдению за местами заключения, по охране труда и производства, по наблюдению за органами ОГПУ [1: с. 126]. Данная структура соответствовала задачам, возложенным на прокуратуру советским законодательством.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 15-1119002 «Военный вклад Хакасии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») и Правительства Республики Хакасия.

В ноябре 1941 года помощник прокурора СССР Кузнецов провел проверку работы прокуратуры Красноярского края в целом и некоторых ее отделов в частности за период с 22 июня по 28 октября 1941 года. Ни один из отделов, по мнению проверяющего, не сумел перестроить свою работу на военный лад. Так, было отмечено, что отдел общего надзора «в военное время оперативно-живым руководством работой горрайпрокуроров до последнего времени занимался недостаточно». Выражалось это в том, что руководство отдела вместо конкретных указаний периферийным прокурорам издавало директивные письма и указания. С 22 июня по 10 ноября 1941 года по инициативе сотрудников отдела общего надзора городским и районным прокурорам было разослано 19 директивных указаний. Нередко эти директивы издавались без учета их необходимости, иной раз они были безграмотны и не продуманы (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 152. Л. 132).

Отдел по надзору за деятельностью милиции, по мнению старшего помощника прокурора СССР, также не проявил должного старания в работе с периферийными прокурорскими органами. За обследованный период сотрудники отдела не провели ни одной проверки работы городских и районных прокуратур по надзору за милицией, ограничившись знакомствами с актами проверки, которые присылали им сотрудники городских и районных прокуратур. Работники, обязанные надзирать за милицией не удосужились за эти месяцы ознакомиться ни с одним из дел, которые расследовали районные отделения милиции (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 152. Л. 144).

Таким образом, если в одном из отделов краевой прокуратуры сотрудники оказывали чрезмерное давление на нижестоящие прокуратуры, то в другом, напротив, практически не обращали внимания на их работу. И те и другие продемонстрировали формальный подход к делу, который требовал безусловного пересмотра, на что руководству краевой прокуратуры было указано Кузнецовым.

Недостатки в работе краевой прокуратуры и подчиненных ей прокурорских органов объяснялись кадровыми проблемами как возникшими до войны, так и порожденными условиями военного времени.

Пост прокурора Красноярского края с марта 1939 года занимал В.А. Дорогов. Василий Андрианович родился в 1906 году, был членом ВКП (б) с 1929 года, имел высшее юридическое образование (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 154. Л. 1). С должности он был снят в августе 1942 года за «непартийное» поведение (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 149. Л. 56). В.А. Дорогова сменил И.М. Гуков, бывший до того его заместителем. Иосиф Михайлович находился в должности до ноября 1947 года.

На 1 января 1942 года в штатах прокурорских органов края должно было числиться 114 человек, фактически же было — 100, в том числе: прокурор края — 1, заместителей прокурора края — 2, помощников прокурора края по спецделам — 4, начальников отделов — 8 (должно было быть — 9), помощников

прокурора края — 12 (должно было быть — 15), городских и районных прокуроров — 58 (должно было быть — 67), следователей — 3, прокуроров областей округов, транспорта, гарнизонов и их заместителей — 12 (должно было быть — 13). Серьезной проблемой военного времени была текучесть кадров: с июня 1941 года по январь 1942 года в РККА было призвано 80 сотрудников прокурорских органов края, из них 18 человек из аппарата краевой прокуратуры, 16 — районных прокуроров, 15 — помощников районных прокуроров, 31 — следователь. На другую работу были переведены 4 человека, еще 2 были уволены из прокурорских органов. Таким образом, из органов прокуратуры за первые восемь месяцев войны вышло 86 сотрудников (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 422. Л. 9–10).

Освобождавшиеся должности замещались путем перемещения сотрудников внутри прокурорских органов и переводом в состав различных прокуратур сотрудников краевой коллегии адвокатов. Кадровый состав прокурорских органов края пополняли и юристы, эвакуированные из западной части СССР.

Летом – осенью 1941 года на должности районных прокуроров и помощников районных прокуроров в Красноярском крае было назначено 11 человек, прибывших с временно оккупированных территорий, а в аппарат краевой прокуратуры поступило 5 беженцев. Так, Т.Г. Бурдюк, ранее работавший районным прокурором на Украине, по путевке прокурора УССР 21 августа 1941 года прибыл в Красноярский край, где 8 сентября 1941 года был назначен прокурором Сухобузинского района. Бывший сотрудник прокуратуры Черниговской области Н.М. Доненко был направлен прокурором УССР в распоряжение прокурора края и был назначен помощником прокурора Минусинского района. Одессит Я.М. Бровик приказом прокурора края от 8 декабря 1941 года получил должность прокурора Березовского района. Бывший прокурор Поченковского района Смоленской области И.А. Самутенко был направлен прокурором РСФСР в распоряжение прокуратуры края и 3 ноября 1941 года принял назначение на должность прокурора Манского района. Всего из 11 новых районных прокуроров и их помощников 10 прибыли из УССР, 1 из РСФСР (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 152. Л. 168–169).

Эвакуированные сотрудники прокурорских органов получали в крае должности, равноценные, а иной раз и более высокие, чем те, которые они занимали до эвакуации. Это объяснялось тем, что по описанным выше причинам в прокурорских органах края постоянно освобождались вакантные места.

Несмотря на то, что выходцы с Украины и из западных областей РСФСР прибывали в край по путевкам прокуроров своих республик, их документы не были оформлены надлежащим образом. Эвакуация осуществлялась в спешке и ни один из беженцев — членов партии не успел сняться с партийного учета. Многие вновь назначенные сотрудники прокурорских органов не имели документов об эвакуации. Каждый юрист, претендовавший на должность в прокурорских органах края, должен был быть утвержден отделом

кадров крайкома ВКП (б), однако В.А. Дорогов часто назначал прокуроров, минуя партийные органы. Так, бывший председатель Сталинского областного суда А.Ф. Блыскавка, прибывший в край по путевке наркомата юстиции РСФСР, обратился в прокуратуру края, В.А. Дорогов назначил его своим помощником по спецделам, проигнорировав необходимость специальной проверки вновь прибывшего сотрудника и мнение крайкома, желавшего направить А.Ф. Блыскавку в распоряжение краевого управления НКЮ для судебной работы (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 152. Л. 170–171).

Желая оперативно заполнить освобождавшиеся места, прокурор края проявлял излишнюю самостоятельность, нарушая субординацию, характерную для отношений внутри различных ветвей власти советского государства. Это было одной из причин снятия его с должности.

При отборе кадров краевая прокуратура и крайком ВКП (б) отдавали предпочтение членам партии и комсомольцам. Принцип партийности доминировал над остальными критериями при формировании корпуса прокурорских работников. На 1 января 1942 года 19 сотрудников управления краевой прокуратуры являлись членами ВКП (б), 2 — кандидатами в члены партии, 2 — комсомольцами, 7 — беспартийными. Среди прокуроров районов 45 состояли в партии, 4 — проходили кандидатский стаж, 1 — был членом ВЛКСМ. Беспартийных среди руководителей периферийных органов прокуратуры не было (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 422. Л. 11).

Уровень подготовки и качество образования прокурорских работников в военные годы оставлял желать лучшего. К 1 января 1942 года высшее юридическое образование имели 10 сотрудников управления краевой прокуратуры, 3 — окончили одногодичную юридическую школу, 7 — шестимесячные юридические курсы, 10 — не имели юридического образования. Из районных прокуроров лишь 1 окончил юридический институт, 10 — одногодичную юридическую школу, 15 — шестимесячные курсы, 13 — трехмесячные курсы, 11 — не имели юридического образования. В 1941 году уровень образования сотрудников прокурорских органов края улучшился: на 1 января 1942 года в управлении краевой прокуратуры количество специалистов с высшим образованием выросло с 8 до 10, с высшим неюридическим — с 5 до 7, с общим средним — с 13 до 17, с начальным снизилось с 18 до 6. В крае в 1941 году не работал ни один районный прокурор с высшим или средним образованием. Число же районных прокуроров без юридического образования за 1941 год снизилось с 19 до 11 (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 422. Л. 11–12).

Прибытие эвакуированных юристов способствовало росту образовательного уровня сотрудников прокурорских органов края. Как правило, сотрудники органов юстиции из западных регионов страны были лучше образованы, чем сибиряки. В европейской части СССР было значительно больше юридических институтов и школ, добираться до них потенциальным студентам было проще.

Многие молодые прокурорские работники овладевали юридическими знаниями уже в ходе трудового процесса. Стаж работы по юридической специальности до одного года на 1 января 1942 года имели 7 сотрудников управления краевой прокуратуры, от 1 до 2 лет — 5, от 2 до 5 лет — 5, свыше 5 лет — 13. Из числа районных прокуроров не было ни одного, имевшего опыт работы до года, от 1 до 2 лет — 13, от 2 до 5 — 23, свыше 5 — 14. Другим критерием компетентности прокурорских кадров был опыт работы в конкретной должности. По стажу в занимаемых должностях сотрудников аппарата краевой прокуратуры на 1 января 1942 года работало до одного года — 20, от 1 до 2 лет — 6, от 2 до 5 — 4. Из числа районных прокуроров менее одного года в данной должности трудились 14 человек, от 1 до 2 лет — 19, от 2 до 5 — 15, свыше 5 — 3 (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 422. Л. 11).

Самые большие изменения произошли в аппарате краевой прокуратуры, где большинство сотрудников трудились в занимаемой должности меньше года. При этом более половины из них имели достаточно длительный стаж работы по юридической специальности. Среди районных прокуроров перемены были не столь велики, хотя лишь трое из них занимали эту должность свыше пяти лет. Подобное положение объяснялось не только введением в состав прокурорских органов края эвакуированных юристов, но и частыми ротациями прокурорских работников еще в довоенный период, вызванными в том числе репрессиями 1937–1938 годов.

Из 184 прокурорских работников края в середине 1942 года 94 не имели юридического образования. Высшее же юридическое образование было лишь у 21 прокурорского работника (ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 14. Д. 21. Л. 6). Столь значительное ухудшение, произошедшее с начала 1942 года объяснялось тем, что и в первом полугодии 1942 года сотрудники прокурорских органов по-прежнему призывались в армию, в том числе и эвакуированные юристы.

Всего с 1 января по 1 июля 1942 года в РККА было призвано 39 прокурорских работников, в том числе 1 — начальник отдела краевой прокуратуры, 4 — помощники краевого прокурора, 4 — городских и районных прокуроров, 15 — помощников городских и районных прокуроров, 15 — народных следователей. Это привело не только к ухудшению качественного состава сотрудников прокурорских органов, но и нехватке кадров. На 1 июля 1942 года по штатному расписанию в составе прокурорских органов края должно было состоять 229 человек, было — 184. Помощников краевого прокурора должно было быть 28, работало — 24, прокурор РСФСР утвердил к тому времени лишь 7 кандидатур. Помощников районных, городских и окружных прокуроров полагалось иметь 57, работал только 41 специалист. Полностью были укомплектованы лишь должности районных, городских и окружных прокуроров, которых числилось 57 согласно штатному расписанию, без представления и утверждения работало 18 из них (ГАКК. Ф. Р-1434. Оп. 14. Д. 21. Л. 9–9 об.). Как видно из этих данных, особенно острой проблемой было комплектование низовых должностей

как в краевой, так и в региональных прокуратурах. Должности помощников прокуроров, как правило, занимали молодые люди, которые в первую очередь подлежали призыву.

Для того, чтобы заменить призванных в армию сотрудников крайком ВКП (б) давал указания секретарям райкомов выдвинуть на прокурорско-следственную работу сотрудников партийного и советского аппаратов. В лучшем случае новые прокурорские работники оканчивали трехмесячные юридические курсы, а зачастую они не получали до поступления на должность даже элементарной теоретической подготовки. Специалисты с высшим образованием в прокурорские органы поступали крайне редко.

Исходя из ситуации, СНК СССР дал распоряжение юридическим институтам провести в декабре 1941 года и в январе 1942 года досрочный выпуск. В органы прокуратуры назначения получили 142 выпускника пяти действовавших в то время в СССР юридических институтов (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 19. Д. 20. Л. 6). Для работы в прокурорских органах Красноярского края в 1942 году были распределены лишь двое молодых специалистов, окончивших Свердловский юридический институт. Это были Л.А. Высоцкий, 1920 года рождения, назначенный на должность народного следователя (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 19. Д. 20. Л. 27) и О.П. Титова, 1920 года рождения, член ВЛКСМ (ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 19. Д. 20. Л. 82).

Такое количество выпускников высших юридических учебных заведений никоим образом не могло удовлетворить потребность прокурорских органов страны вообще и Красноярского края в частности в высококвалифицированных специалистах. Получение же заочного образования сотрудниками прокурорских органов края сталкивалось с объективными трудностями — удаленностью края от городов, в которых находились юридические институты и загруженностью служебными обязанностями.

Кадровые трудности в прокурорских органах края усугубились начиная с 1943 года. Помимо призывов в армию многие прокурорские работники были переведены на службу в освобожденные от оккупации районы. Всего за 1943 год для работы в освобожденных районах было откомандировано 155 сотрудников НКВД, НКГБ, судебных и прокурорских органов из номенклатуры крайкома ВКП (б). К концу 1943 года в составе прокурорских органов края трудились 100 человек, из которых 95 являлись членами ВКП (б), 4 — кандидатами в члены партии, 1 — беспартийным. Высшее юридическое образование имели 10 человек, среднее юридическое — 11, юридические курсы закончили — 63, не имели юридического образования — 43. При этом с общим средним образованием было 27 сотрудников прокурорских органов, с общим начальным — 63. (ГАКК. Ф. П-26, Оп. 4. Д. 144. Л. 11–12).

Таким образом, к началу 1944 года прокурорские органы края сократились численно, а их качественный состав вновь изменился к худшему: специалисты с высшим образованием составляли лишь 10 процентов прокурорских

работников, абсолютное же большинство были людьми малообразованными, имевшими низшее общее образование и не получившими никакого юридического. В результате мобилизаций молодых работников в армию, в составе прокурорских органов не осталось ни одного комсомольца.

Нехватка кадров заставила крайком ВКП (б) сократить номенклатуру по сектору судебно-прокурорских работников с 817 человек на 1 января 1944 года до 517 на 15 сентября 1944 года. Из них в аппарате краевой прокуратуры должно было работать 16 человек, работало — 14, в городских и районных прокуратурах — 78, числилось же — 75 сотрудников (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 80. Л. 161).

Ротация прокурорских кадров продолжалась и в конце войны. В 1944 году в крае сменилось 36 прокурорских работников, из которых один был отозван на партийно-советскую работу, 5 были освобождены как не справившиеся с работой, 7 лишились должностей за совершенные проступки, 3 были переведены из одного района в другой в той же должности, 3 получили повышение, 6 были откомандированы в другие области, 4 были освобождены по другим причинам. В 1945 году сменилось 29 прокурорских работников.

В последний военный год причины сменяемости сотрудников прокурорских органов изменились по сравнению с 1944 годом. Так, в 1945 году 4 человека были сняты с должностей как не справившиеся с работой, 9 получили повышение, один был освобожден от работы за совершенные проступки, 3 были откомандированы в другие области, один был освобожден по другим причинам (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 58. Л. 41).

К концу войны возрос профессионализм прокурорских работников. По компрометирующим обстоятельствам с работы было снято значительно меньше сотрудников, чем в 1944 году. Меньшее число работников, переведенных в другие области, объяснялось тем, что к концу 1944 года прокурорские органы освобожденных районов были в основном укомплектованы кадрами. Практически прекратилась мобилизация прокурорских работников в армию.

В 1945 году численный состав прокурорских органов края еще более сократился. На 1 января 1946 года штат работников составлял 83 человека. Фактически работало 79 человек. Были свободны вакансии начальника следственного отдела краевой прокуратуры, помощника краевого прокурора по спецделам, городского прокурора Игарки и прокурора Эвенкийского округа (ГАКК. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 58. Л. 41).

Структура прокурорских органов края соответствовала задачам, поставленным перед ними советским законодательством. Кадровый состав этих органов не всегда позволял выполнить данные задачи. Уровень подготовки прокурорских работников был достаточно слабым, в силу объективных причин должности в прокуратурах различного уровня занимали люди малообразованные, часто незнакомые с прокурорской работой. Со временем численность прокурорских органов края сокращалась и возрастала нагрузка на оставшихся сотрудников.

Литература

1. История прокуратуры России. Историко-правовой анализ / под ред. А.Г. Звягинцева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 223 с.
2. *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953. М.: РОССПЭН, 2001. 536 с.
3. Советская прокуратура. Страницы истории. Прокуратура сегодня. М.: Юридическая литература, 1982. 352 с.

Literatura

1. Istorija prokuratury' Rossii. Istoriko-pravovoj analiz / pod red. A.G. Zvyaginceva. M.: YuNITI-DANA, 2010. 223 s.
2. *Zvyagincev A.G., Orlov Yu.G.* Prigovorennyy'e vremenem. Rossijskie i sovetskie prokurory'. XX vek. 1937–1953. M.: ROSSPE'N, 2001. 536 s.
3. Sovetskaya prokuratura. Straniczy' istorii. Prokuratura segodnya. M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. 352 s.

V.A. Pecherskij

**Structure and Cadre of Procuratorial Bodies of Krasnoyarsk Region
during the Years of the Great Patriotic War**

In the article on the basis of an analysis of both the published sources and archival materials, introduced into scientific circulation for the first time, issues connected with change of a structure and cadre of procuratorial bodies of Krasnoyarsk region during the years of the Great Patriotic War are considered. Issues, connected with work redesign of bodies of the prosecution service for a military style, procuracy employees' mobilization to the army, staff training for the prosecution service are studied.

Keywords: the Great Patriotic War; Krasnoyarsk region; procuratorial bodies; procuracy employees.

Дж. Скотони

Суд над итальянскими военными преступниками: советское расследование дела капитана Гуидо Музителли

В статье рассказывается о военных преступлениях офицера 8-й итальянской армии на временно оккупированной территории СССР. Анализируя значительное число документов, автор развенчивает миф о якобы незаконном удержании в советских лагерях для военнопленных фашистских военных преступников; на основе рассекреченных архивных источников ФСБ России приводятся достоверные доказательства вины капитана Альпийского корпуса Музителли, «последнего узника Сталина».

Ключевые слова: Вторая мировая война; русский фронт; 8-я итальянская армия; военные преступники; холодная война.

В Италии одной из малоизученных тем считаются действия войск Королевской армии, участвовавших в «русском походе» периода Второй мировой войны, в том числе и злодеяния отдельных военнослужащих в отношении мирных советских граждан. Лишь в последние годы, в связи с открытием ранее засекреченных российских архивных фондов, возникла возможность расширения источников документального исследования фашистского «нового порядка» в зоне действий 8-й итальянской армии.

Как известно, гитлеровская коалиция государств вела на территории СССР две войны. Первая — «традиционная война» против Красной армии; второй была война против *восточного врага*, представителя так называемой неполноценной расы. По немецкими расчетам в «Плане Ост» предполагалось изгнать или уничтожить 30 миллионов советских граждан, чтобы дать место для поселения 10 миллионов немцев. Таким образом «война против России велась как завоевательная и истребительная, война без всяких «но» и «если». Классификация военного противника как «недочеловека» снижала во время восточного похода порог физического уничтожения, этническая чистка и традиционная война сплелись в организованную систему насилия и разрушения» [3: с. 7].

В отличие от «идеологического боевика» вермахта лишь немногие из итальянских военнослужащих разделяли нацистскую теорию истребления «чуждых народов». Оказавшись на советско-германском фронте в большей части по принуждению, они не участвовали в массовых карательных акциях специальных частей СС и немецкой жандармерии. Однако и среди итальянцев были офицеры, совершавшие на оккупированных территориях военные преступления против мирного населения. Открывшиеся документальные источники

ФСБ России позволяют восстановить картину совершенных ими наказуемых деяний.

Итальянские войска принимали непосредственное участие в кампании «Барбаросса» с августа 1941 года. На советско-германский фронт был отправлен Экспедиционный корпус «КСИР» (*Corpo di spedizione italiano in Russia*) в составе 62 000 военнослужащих. 9 июля 1942 года все войска итальянского корпуса были объединены в 8-ю армию «АРМИР» (*Armata Italiana in Russia*).

В составе группы армий «Б» АРМИР вышел к Дону, прикрывая левый фланг 6-й армии Паулюса. 8-я армия включала 10 дивизий и насчитывала 229 тыс. человек, 16 700 автомашин, 4470 мотоциклов, 1130 тракторов, 25 тыс. лошадей и выючных животных, 588 пушек армейской и корпусной артиллерии, 28 пушек 65/17 мм, 278 противотанковых 47/32-мм пушек, 224 зенитные 20-мм пушки, 423 миномета 81-мм, 874 миномета 45-мм, 55 танкеток L3, 19 самоходно-артиллерийских установок L6, около 100 самолетов [4: с. 179].

С этого времени к гитлеровским союзникам перешли функции обеспечения безопасности на оккупированной ими территории. На Дону была создана временная итальянская администрация. Действия немецких союзников в отношении мирного населения (хоть и в гораздо меньшем масштабе) сопровождалось грабежами, насилием и убийствами. И тому есть немало документальных подтверждений.

Зимой 1942–1943 годов в ходе наступления Красной армии на Среднем Дону (операция «Малый Сатурн») и на Верхнем Дону (Острогожско-Россошанская наступательная операция) 8-я армия была почти полностью уничтожена.

Вторая оборонительная битва на Дону, как ее принято называть в итальянской историографии, стала самым крупным поражением за 150-летнюю историю итальянской армии. По данным Исторического бюро армии, общие потери составили 84 830 убитых и пропавших без вести, 29 690 раненых и обмороженных [6: с. 464].

В ходе контрнаступательной операции войска Красной армии получили приказ «опрашивать население, проживавшее на оккупированных врагом территориях. Целью этих опросов являлось получение документально подтвержденных сведений о проводимых немецкими, венгерскими и итальянскими войсками противоправных действиях в отношении советских военнопленных и гражданских лиц. Эти своеобразные свидетельские показания представителей местного населения и бывших военнопленных, очевидцев событий, оформлялись по горячим следам (...) Как документы, так и опубликованные свидетельства очевидцев подтверждают, что наименьшее число притеснений, зверств, расстрелов мирных граждан на оккупированных территориях Воронежской области допускали итальянцы» [5: с. 137].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных

красноармейцев» были возбуждены тысячи уголовных дел. В рамках международных соглашений с июля 1943 года в СССР состоялся ряд открытых судебных процессов над фашистами, виновными в злодеяниях, совершенных против советского народа. «Еще в ходе войны был издан приказ НКВД СССР от 9 сентября 1944 года № 001130 «О содержании особых категорий военнопленных в лагерях НКВД № 99 и 171». В соответствии с этим приказом были созданы режимные лагеря УПВИ — Карагандинский и Суслонгерский — для содержания участников злодеяний и зверств над гражданами СССР, активных фашистов и сотрудников разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника, а также военнопленных, совершивших побег или проявляющих активные стремления к организации побегов» [5: с. 43].

В годы войны и послевоенный период советскими органами безопасности были выявлены свыше 80 тыс. военных преступников. Советскими судами к ответственности было привлечено не менее 25 209 военных преступников из числа иностранных военнопленных, и главным образом немецких войск [1].

После окончания войны на основании материалов комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков 28 итальянских военнослужащих, оказавшихся в плену, были осуждены советским судом за совершенные ими и доказанные в ходе судебного разбирательства военные преступления. Из них 3 генерала альпийского корпуса — Баттисти, Пасколини, Рикагно, 11 офицеров и 14 рядовых.

В Риме обвинение солдат и офицеров АРМИРА в военных преступлениях сразу переросло в масштабный скандал. В 1948 году в Италии развернулась очередная избирательная кампания, и судьба плененных итальянцев могла отвлечь электорат от набравшей политический вес коммунистической партии. «Римское право» признало их дальнейшее пребывание в СССР незаконным. «Непрерывно начинались демонстрации перед посольством СССР с участием родственников тех солдат, которые не вернулись из России, а иногда происходили даже нападения на местные секции ИКП» [7: с. 58–59].

На парламентских выборах 18 апреля 1948 года Партия христианских демократов во главе с Де Гаспери получила подавляющее большинство; сразу же в Италии началась кампания по дискредитации советского государства и антифашистских сил. Тем самым был создан долгоиграющий миф о 28 заключенных итальянцах, забытых в России. Среди осужденных был капитан дивизии «Юлия» Музителли, получивший 25-летний тюремный срок за совершенные им военные преступления. Однако уже в 1954 году он был досрочно выпущен из-под стражи и репатрирован на родину.

С начала холодной войны западный блок строил «новый символический порядок», в котором СССР изображался как «империя зла» и идеологический противник. Бывшие участники антигитлеровской коалиции стали постепенно отходить от общеправовых принципов и начали действовать в угоду собственным геополитическим интересам. Западные союзники массово освобождали

из заключения сотрудников гитлеровских спецслужб, имевших знания и опыт работы против СССР.

В Италии правительство Де Гаспери объявило о «компромиссе с прошлым». Во имя борьбы против коммунизма оно скрыло все документальные материалы — тысячи личных дел, свидетельства, показания выживших, фамилии и звания командиров и рядовых военных преступников — материалы о фашистском терроре не только в СССР, но и в Европе в целом, включая собственно Италию. «В 1947 году неизвестная рука заставила молчать прокуроров и похоронила все материалы, подтверждающие факты злодеяний, и все уголовные дела с именами тех, кто должен отвечать за массовые убийства, материалы были похоронены в хранилище Военного генерального прокурора. Министерство юстиции не устанавливало ни предварительного следствия, ни судебных дел. Все было окутано молчанием по поводу нацистских погромов, проведенных в нашей стране. Итальянское государство приняло решение не преследовать лиц, ответственных за массовые злодеяния, во имя союза с Германией, членом НАТО, и во имя холодной войны. Таким образом, была совершена наибольшая несправедливость по отношению к итальянскому народу. Убийцы оставались безнаказанными шестьдесят лет. Доказательства, описания и свидетельства их преступлений были обнаружены случайно, спустя половину столетия» [8: с. 7].

Только в 1994 году в Риме были найдены 695 из тысяч уголовных дел, скрытых в подвале палаты Чези-Гадди в старом шкафу — «шкафу позора».

В советских архивах также сохранились свидетельства о преступлениях, совершенных итальянскими военнослужащими на оккупированных территориях СССР. Эти документы долгое время носили гриф «совершенно секретно» и были недоступны для исследователей. Одна из таких папок Центрального архива ФСБ России позволяет пролить свет на доказанные военные преступления «последнего узника Сталина» (как его именует итальянская пресса) — капитана итальянского Альпийского корпуса Гуидо Музителли.

Этот офицер 8-й армии прибыл на Советско-германский фронт в качестве командира отряда снабжения артиллерийской группы «Удине» третьего альпийского полка артиллерии дивизии «Юлия». Был пленен советскими войсками 22 января 1943 года в районе Россози и обвинен в зверствах против мирного населения. 27 июля 1948 года военным трибуналом Киевской области был приговорен к 25 годам заключения.

Уголовное дело Музителли вместе с делами других итальянцев — Феличе Боэлла, Джакомо Сардиско, Альберто Раффаэле Масса, Энрико Реджинато, Джованни Маньяни, Гуидо Франко, Эмилио Баттисти, Этвольдо Пасколини, Умберто Реканьо — хранится в архивных фондах ФСБ России (Ф. 1657. Оп. 1. Д. 1, 94, 106.1. Ф. 1832. Оп. 1. Д. 12.1. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92, 260).

Согласно документам следственного дела с конца сентября 1942 года по 11 января 1943 года капитан Музителли был командиром итальянской зоны села Сергеевка Подгоренского района Воронежской области. Во время

оккупации реквизирует у крестьян скот, продукты, продовольственные ресурсы, а также одежду; арестовывал местных жителей; на допросах, вместе со старшим лейтенантом карабинеров Карузо жестоко избивал женщин. В ноябре 1942 года приказал повесить колхозника за отказ от работы.

Из протоколов допроса свидетелей.

Ульяна В. Степанцова:

«7 ноября 1942 года в день празднования Октябрьской революции мой муж Степанцов Степан Иванович не вышел на работу; в связи с этим по распоряжению начальника итальянской жандармерии рано утром пришли к нам два полицейских домой и арестовали моего мужа и в этот же день он был публично повешен... На нем была повешена табличка: «Житель с. Сергеевка Степанцов Степан Иванович, повешан итальянцами, как саботажник»¹ (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 234–234 об.).

Елена И. Светошева, Константин И. Пащенко свидетельствуют: «7 ноября утром, итальянские жандармы и местная полиция, всех жителей с. Сергеевка насильным путем выгоняли из квартир и собирали на площади, где вешали Степанцова» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247 Л. 232–232 об.); «Только за то, что он в это время был болен и не мог выполнить приказ начальника жандармерии — сложить печь. Перед повешением Степанцова полицейские и жандармы силой оружия собрали большую часть населения с. Сергеевка, которые были окружены итальянскими солдатами, вооруженными винтовками и пулеметами. Повешенный Степанцов провисел на виселице 7 суток и потом был похоронен женой; а через день или два Степанцова С.И. отрыли полицейские и по приказанию итальянской жандармерии одели его в одежду, в которой он был повешен в первый раз, и повесили его второй раз» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 233–233 об.).

Свидетель Василий Н. Сергеенко, хорошо знавший Музителли (который проживал у его родственницы), составил его точный портрет: «...среднего роста, плотного телосложения, носил усы, волосы черные и были зачесаны всегда наверх, глаза черные, под глазами у него была отвислость в виде синих оттенков; с ним жил в одной квартире переводчик по имени Борис» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 236–236 об.). Сергеенко уточнил, что «при повешении Степанцова присутствовал начальник итальянской жандармерии Музителли со своим переводчиком Борисом и сказал, что Степанцов будет сейчас повешен за неподчинение итальянской жандармерии; при этом Борис предупредил собравших жителей к месту казни, что если в дальнейшем кто-либо не выполнит распоряжения итальянской жандармерии будет так же повешен, как и Степанцов» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 236–236 об.).

За невыход на работу капитан Музителли приказал арестовать Татьяну Ф. Снеговскую: «...итальянский жандарм, явившись в (мою) квартиру вместе со старостой села, напали на меня и начали жестоко избивать кулаками

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация документа.

и палкой по голове и спине» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 235–235 об.). Впоследствии женщина была арестована со своей сестрой и направлена в лагерь для советских военнопленных в село Должик за то, что они скрывали у себя в квартире бежавшего из плена лейтенанта Красной армии: «При этом он (Музителли. — Дж. С.) наносил всякие оскорбления нам и предупредил, что он нас отправляет в лагерь и что мы оттуда не вернемся» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 235–235 об.).

Александра И. Черникова, 1892 года рождения, свидетельствовала: «Итальянская жандармерия арестовывала и избивала арестованных мирных граждан только за то, что они являлись членами семьи коммунистов или просто были советскими активистами... Арестовали меня в начале декабря 1942 г. и подряд 6 суток держали меня в сарае с закованными руками и я была повешана на веревке. Затем меня отвязали и начали допрашивать; при допросах сильно избивали, раздевали меня догола, выводили на снег и сажали меня полураздетую с закованными руками. (...) После неоднократных допросов и издевательств надо мною, меня направили в город Россось в жандармерию, где меня также заковывали и в течение 3-х дней держали в холодном сарае, а потом посадили в тюрьму. (...) Я узнаю итальянского коменданта, который находился в с. Сергеевка, который арестовывал и избивал мирных советских людей с. Сергеевка в том числе и меня; кроме того он приказал повестить колхозника Степанцова за то, что он не вышел на работу» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 231–231 об.).

Прасковья И. Тонконова говорила о том, как во время допросов в итальянской комендатуре и в тюрьме города Россось фашисты подвергли ее мужа Г.Д. Тонконова «пыткам и избиениям со стороны солдат и офицеров итальянской армии, в результате чего его здоровье было подорвано и 6.02. 1943 г. он умер» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 238).

Объективную оценку тяжелых условий оккупации в селе Сергеевка представили не только местные жители, но и итальянские военнопленные — очевидцы событий.

Так, Джузеппе Бенямино Станиоли, альпийский стрелок третьего полка артиллерии дивизии «Юлия», подробно рассказал о методах сослуживца: «Музителли со своей группой обеспечения находился в с. Сергеевка, он отдавал приказания всему населению и он же снабжал солдат и офицеров, находившихся на передовой боеприпасами и продовольствием. Он лично приказал отобрать у крестьян с. Сергеевка весь скот для итальянской армии, и было отобрано скота около 700 голов в с. Сергеевка, с. Поповка и др. прилегающих деревнях. Этот скот кушала итальянская армия, а оставшийся скот капитан Музителли приказал частью уничтожить, а частью увести с собой при отступлении. Он много отдавал распоряжений солдатам, отбирать продукты питания, картофель, зерно, овес, пшеницу и др. и создал запас для солдат и офицеров на 5–6 месяцев. (...) По распоряжению капитана Музителли были отобраны куры, гуси

в потребном количестве, для итальянских солдат отбирались валенки и шубы. (...) Капитан Музителли издевался над мирными жителями села Сергеевка. Он их посылал на работу разутыми и раздетыми, а кто не выходил по уважительной причине — больные и др. — штрафовал хлебом или отбирал последние запасы, оставлял их голодными и даже вешал, как урок для остальных. (...) Грабежей и издевательств со стороны и по распоряжению капитана Музителли было много» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 229–229 об.).

Другой альпийский стрелок третьего полка артиллерии дивизии «Юлия» Джованни Джузеппе Мантовани уточнял: «Капитан Музителли был помощником коменданта села Сергеевка. С первых дней его работы он дал приказание переписать наличие продуктов питания, коров, овец, свиней, кур и другого имущества, находившихся в личном пользовании крестьян. В начале декабря 1942 г. дал приказ изъять продукты питания и скот у крестьян, приступили к отбору, сразу пригнали 180 штук коров в с. Сергеевка; эти коровы были разделены на три батареи и группы обслуживания и 50 % запаса зерна и картофеля у населения отобрали. (...) Капитан дал мне распоряжение собрать кур и гусей, и я отобрал у населения примерно 40–50 штук в пятидневку, для офицеров. Кроме этого капитан Музителли приказал мне отобрать швейные машинки, я отобрал 14 штук; а хозяйка машинку спрятала, тогда капитан послал 2-х солдат вооруженных найти машинку. Далее с наступлением морозов он приказал изъять у населения меховые шубы для часовых, отобрали 30 штук. Сам капитан Музителли часто посылал посылки в Италию — рис, кофе, масло, муку и др. Эти посылки отправлял 2–3 раза в неделю. Даже он посылал своего денщика в Италию с несколькими ящиками посылок. Кроме грабежа и насилия капитан Музителли чинил издевательства над мирными гражданами: одному мальчику, который был старостой квартала, Музителли приказал мне связать руки назад и канатом подвесить к потолку, чтобы он мог ходить, но не мог ложиться, и посадили его в холодную будку, и приказал не кормить его; после этого приказал раздеть его догола и привязать к столбу, собрать население и нанести ему 50 плеточных ударов; я его раздел, привязал к столбу, а на улице было холодно, собрал население, но избивать резиновой палкой я отказался; тогда капитан приказал бить резиновой палкой русскому полицейскому; избил его плеткой до потери сознания, после чего отвязали и он упал от ударов и холода, а капитан Музителли наблюдал и радовался этим зрелищем и угрожал всему населению» (ЦА ФСБ РФ. В. 6247. Л. 229–229 об.)

В дополнение к протоколу допроса 4 октября 1948 года сам капитан Музителли рассказал о своих действиях в отношении 50-летней гражданки села Сергеевка А.И. Черниковой, избитой по причине хранения советской литературы: «Ст. лейтенант карабинер Карузо, не добившись никаких показаний от женщины, которая подозревалась в хранении партизанской литературы, предложил мне убить ее. Часовой, охранявший ее одну в домике, должен был убить ее, как бы при попытке к бегству. Я безусловно, отказывался» (ЦА ФСБ РФ. В. 15521. Л. 29–30). Такими

были методы «проведения антисоветской агитации» среди мирного населения итальянскими военнослужащими, «забытыми в России».

Архивные документы подтверждают ответственность за преступления одного из «28 итальянцев, забытых в России». Протоколы допроса МВД НКВД имеют солидные доказательства. В отличие от версии «презумпции невиновности» итоги проверки архивных материалов говорят о том, что Музителли был виновен в преступлениях, за которые он был осужден на 25 лет.

После смерти Сталина Берия и Молотов, «заинтересованные в установлении нормальных отношений с окружающим миром, направили 14 апреля 1953 г. в ЦК КПСС записку о пересмотре приговоров на осужденных к лишению свободы иностранцев. 5 июня 1953 г. Военная коллегия досрочно освободила итальянских пленных. Последние 11 пленных из последних 28 отправили в Вену для передачи итальянским представителям. (...) На Родине их встретили как национальных героев» [2].

Сам Музителли после возвращения в Италию так и не признал свою вину, считая себя жертвой коммунистического режима и «узником НКВД». По его словам, он до конца «сопротивлялся пропаганде русских, а также итальянских коммунистов, которые были в России — Тольятти, Д'Онофрио, Роботти и другим так называемым комиссарам, — которые приходили к нам, чтобы читать лекции о политике» [9]. В своих пространственных интервью итальянской прессе он вспоминал о судебном процессе лишь как об организованном фарсе: «Шутовство! Суд вышел и через минуту вернулся с тремя машинописными страницами. Все уже было подготовлено» [2].

После принятия Закона РФ от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» в органы военной прокуратуры обратились с заявлением тысячи бывших иностранных заключенных, пребывавших в советских лагерях в военный и послевоенный период. Некоторые из них были реабилитированы. Однако Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 21 января 1998 года была окончательно закреплена, что действие вышеуказанного Закона на лиц, осужденных по ст. 1 указа 1943 года, не распространяется. В ходе тщательной проверки архивного уголовного дела Музителли российская военная прокуратура окончательно подтвердила справедливость вынесенного ему приговора.

Литература

1. Епифанов А.Е. Реабилитация иностранцев, осужденных за военные преступления // Российская юстиция. 2001. № 1. С. 21–22.
2. Жирнов Е.П. Их оставалось двадцать восемь // Коммерсант. 12.03.2002. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/313619>
3. Истребительная война на Востоке Преступления вермахта в СССР. 1941–1944: доклады / под ред. Г. Горцка, К. Штанга. М.: АИРО, 2005. 96 с. URL: <http://militera.lib.ru/h/xenowar/index.html>
4. AA.VV. Gli italiani sul Fronte russo. Bari: De Donato, 1982. 570 p.

5. AA.VV: La Campagna di Russia. Roma: Edizioni Nuova Cultura, 2013. 290 p.
6. AA.VV. Le operazioni delle unità italiane al fronte russo 1941–1943. Roma: USSME – Stato maggiore dell’esercito, Ufficio storico, 2000. 832 p.
7. *Bigazzi F., Zhirnov E.* Gli ultimi 28. Milano: Mondadori, 2002. 243 p.
8. *Giustolisi F.* L’armadio della vergogna. Roma, Ed. Nutrimenti, 2004. 306 p.
9. *Morandi G.* Italiani cannibali nei lager di Stalin Firenze, ‘La Nazione’, 28.01.2002.

Literatura

1. *Epifanov A.E.* Reabilitaciya inostrancev, osuzhdenny’x za voenny’e prestupleniya // Rossijskaya yusticiya. 2001. № 1. S. 21–22.
2. *Zhirnov E.P.* Ix ostavalos’ dvadczat’ vosem’ // Kommersant. 12.03.2002. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/313619>
3. Istrebitel’naya vojna na Vostoke Prestupleniya vermaxta v SSSR. 1941–1944: doklady’ / pod red. G. Gorczka, K. Shtanga. M.: AIRO, 2005. 96 s. URL: <http://militera.lib.ru/h/xenowar/index.html>
4. AA.VV. Gli italiani sul Fronte russo. Bari: De Donato, 1982. 570 p.
5. AA.VV: La Campagna di Russia. Roma: Edizioni Nuova Cultura, 2013. 290 p.
6. AA.VV. Le operazioni delle unità italiane al fronte russo 1941–1943. Roma: USSME – Stato maggiore dell’esercito, Ufficio storico, 2000. 832 p.
7. *Bigazzi F., Zhirnov E.* Gli ultimi 28. Milano: Mondadori, 2002. 243 p.
8. *Giustolisi F.* L’armadio della vergogna. Roma, Ed. Nutrimenti, 2004. 306 p.
9. *Morandi G.* Italiani cannibali nei lager di Stalin Firenze, ‘La Nazione’, 28.01.2002.

G. Scotoni

The Trial of Italian War Criminals: the Soviet Investigation of Captain Guido Musitelli’s Case

The article tells about the war crimes of an officer of the 8th Italian Army in the temporarily occupied territory of the USSR. By analyzing a large number of documents, the author debunked the myth of the supposedly illegal retention in the Soviet prison camps for P.O.W. Fascist war criminals; based on declassified archival sources of the Russian FSB the author provides a reliable evidence of guilt against the captain of the Alpine Corps Musitelli «the last Stalin’s prisoner».

Keywords: Second World War; Russian front; 8th Italian Army; war criminals; «Cold War».

С.А. Пискунов

Государственное переселение в сельскую местность Нечерноземья РСФСР: вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х годов

В статье исследуется политика государственного переселения в аграрный сектор Нечерноземья РСФСР во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов. Рассмотрены перечень и объемы основных мер миграционного стимулирования: безвозвратное пособие, кредитование строительства домов и приобретения скота. Определены результаты проведения планового переселения в хозяйства региона.

Ключевые слова: переселение; государство; демографический переход; урбанизация; переселенческие льготы.

Нечерноземье РСФСР включало Центральный, Северный, Северо-Западный, Волго-Вятский экономические районы, Пермскую, Калининградскую, Свердловскую области и Удмуртскую АССР. Здесь в начале 1970-х годов проживало более 58 млн чел. (44 % жителей республики). Важную роль Нечерноземная полоса играла в сельскохозяйственном производстве РСФСР. На ее долю приходилось 55 % картофеля, 95 % льна волокна, 44 % овощей, 31 % мяса, 40 % молока, 36 % яиц [14: с. 180–181].

Учитывая значение региона, понятным становится интерес географов, экономистов, историков, демографов и других специалистов к различным аспектам развития этой природно-экономической зоны, среди которых особое место заняли миграционное и естественное движение ее жителей [1; 5; 6; 7; 8; 13 и др.]. В отношении сельской миграции преимущественно изучалось перемещение жителей региона в направлении «село – город», тогда как обратный вектор отражен в литературе фрагментарно [1–4 и др.]. Тем самым целью статьи является исследование практики централизованного привлечения населения в аграрный сектор российского Нечерноземья во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х годов.

Государственное переселение в сельскую местность в отдельные области было связано с задачами наращивания демографического потенциала Ленинградской и Калининградской областей. В отдельные годы 1950-х практика организованного привлечения в сельскую местность осуществлялась в Кировской и Владимирской областях. Более того, в последней к этому опыту снова обратились в 1963 году.

В 1960-е годы хозяйства и другие субъекты Нечерноземья стали принимать переселенцев на условиях, установленных в 1959 году. Наибольшие льготы

в количественном отношении получали новоселы Калининградской области. Так, денежное пособие на главу семьи составляло 55¹ руб., на каждого члена — по 17,5 руб. Кредит на строительство дома равнялся 2,2 тыс. руб., 40 % из которых компенсировалось государством, 150 руб. — на обзаведение скотом. Помимо этого, переселенцы, а также колхозы, их принявшие (пропорционально числу семей), освобождались² от налогов сроком на 3 года. Остальные же области региона имели меньшие преимущества. Так, пособие на главу семьи составляло 20 руб., на каждого члена — по 10 руб., одна тыс. руб. кредитовалась на строительство жилья, при этом государственное софинансирование не предполагалось. На покупку коровы предусматривалась ссуда размером 150 руб. Меньшим был льготный налоговый период — 2 года. Помимо того, вне зависимости от субъекта приема, по поясным розничным ценам главе семьи отпускалось 1,5 ц зерна или муки, а членам семьи — по 0,5 ц [11]. Такое положение связано, очевидно, с тем, что подавляющая часть административно-территориальных единиц региона не относилась к областям миграционного притяжения, а напротив, они долгое время считались трудоизбыточными.

Однако в условиях сокращения численности сельских жителей остро обострился дефицит рабочих рук в аграрном секторе некогда благополучных областей. Так, согласно данным отдела по использованию трудовых ресурсов Владимирского облисполкома, в 1968 году недостаток кадров в совхозах исчислялся в 2,3 тыс., а в колхозах — 2 тыс. (ГАРФ. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 74. Л. 114).

Стремление власти нарастить объемы производства в регионе, решить кадровый и другие вопросы выразилось в принятии постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» от 20 марта 1974 года (№ 206), предполагавшего решение ряда социально-бытовых и производственных проблем благодаря государственным капитальным вложениям (ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 875. Л. 1–47). Несмотря на то, что в документе прямо не давались указания на осуществление планового переселения в хозяйства региона, органы по использованию трудовых ресурсов активизировали усилия в этой области именно после его выхода. Льготы новоселам были определены принятыми в течение 1973–1976 годов нормативно-правовыми актами (табл. 1).

Наиболее выгодными оставались меры поддержки новоселов Калининградской области. Так, пособие на главу было установлено на уровне 150 руб. и 50 руб. на каждого члена семьи. Кредит на строительство жилья возрос до 5 тыс. руб., 1,5 тыс. руб. из которых погашались хозяйством, 1,3 тыс. руб. — бюджетом, остальное — новоселами. На приобретение скота максимальный

¹ Здесь и далее размеры пособий и кредитов указаны с учетом осуществленной в 1961 году денежной реформы.

² Согласно постановлению Совета Министров СССР от 13 марта 1959 года (№ 259) переселенцы-колхозники были освобождены от сельскохозяйственного, рабочие совхозов — от подоходного или сельскохозяйственного налогов с населения по доходам от сельского хозяйства, тогда как колхозы — от подоходного налога по числу принятых семей.

Таблица 1

**Льготы переселяющимся внутри субъектов Нечерноземья РСФСР
в 1970-е годы³**

Единовременное пособие ⁴		Кредит на покупку жилья, руб.			Кредит на покупку скота, руб.		
на главу семьи, руб.	на члена семьи, руб.	Всего	Погашение за счет		Всего	Погашение за счет	
			гос. бюджета	хоз-в		гос. бюджета	хоз-в
1973–1976 гг.							
50	17,5	4500	1200	1000	500	–	100
1977 г.							
		10 000	3000	4500			

Таблица составлена на основе источников: [10; 12: с. 219–224].

размер займа составил 550 руб., из них 150 руб. за счет хозяйства. Выразившие желание переехать, например, в деревню Вологодской области, получали меньшие льготы. Так, безвозвратное пособие составляло 100 руб. главе и 35 руб. члену семьи; из 4,5 тыс. руб., выдаваемых на приобретение дома, государство списывало только 1,2 тыс., доля хозяйства составляла 1 тыс. руб., остальное — погашалось семьей; меньшим был и размер кредита на корову — 500 руб., 400 руб. из которых выплачивали новоселы [9: с. 231–245].

Об изменении объемов переселенческих потоков, направляемых в сельскую местность Нечерноземной зоны РСФСР, дают представление таблица 2 и диаграмма.

Таблица 2

Численность человек, отправленных на сельскохозяйственные предприятия областей и АССР Нечерноземья РСФСР, 1960–1984 гг.

Годы	Отправлено человек			
	Внутриобл. переселение	Межобл. переселение	Межреспублик. переселение	Всего
1960–1964 гг.	10 211	3958		14 169
1965–1969 гг.	10 020	2 094		12 114
1970–1974 гг.	7 953	3 830		11 783
1975–1979 гг.	23 902	1 914		25 816
1980–1984 гг.	37 469	6 115	805	44 389
Всего	89 555	17 911	805	108 271

Таблица составлена на основе источников: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-518. Оп. 1. Д. 163. Л. 128; Д. 195. Л. 109; Д. 216. Л. 109; Д. 239. Л. 109, 111; Д. 266. Л. 99–100; Д. 290. Л. 81, 84; Д. 308. Л. 123, 126; Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 2, 4; Д. 82. Л. 43–44, 46; Д. 118. Л. 14, 16; Д. 166. Л. 9, 11; Д. 218. Л. 152, 155; Д. 270. Л. 147, 149; Д. 325. Л. 151, 153; Д. 393. Л. 144,

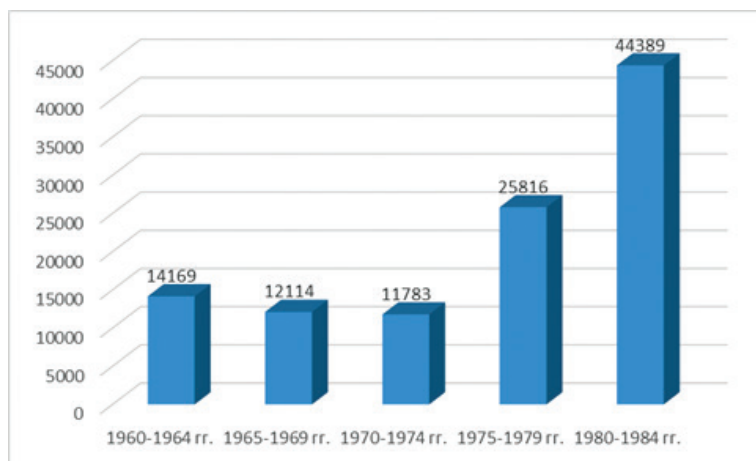
³ Без Калининградской области.

⁴ Кроме Вологодской области.

147; Д. 454. Л. 140–141, 143; Д. 522. Л. 145–146; Д. 581. Л. 107, 108, 110; Д. 650. Л. 129–130, 132; Д. 719. Л. 94–95, 97; Д. 794. Л. 97–98, 100; Д. 908. Л. 118–119, 122; Д. 984. Л. 125–126, 128; Д. 1050. Л. 116–118, 120; Д. 1120. Л. 107–109, 111.

Диаграмма

Динамика численности отправленных человек в хозяйства Нечерноземья РСФСР, 1960–1984 гг.

Данные таблицы и диаграммы показывают, что численность переселенцев стала возрастать именно после 1974 года. Так, соотношение объема этой формы организованной миграции за 1960–1964 годы к 1975–1979 годам выглядит как 1 : 1,8, а к 1980–1984 годам — 1 : 3,1. При этом необходимо иметь в виду, что до 1974 года в переселенческом потоке существенной была роль Калининградской области, хозяйства которой начали принимать новоселов с 1946 года. После 1974 года ситуация стала меняться. Если в 1960–1964 годах доля этой области составляла 75,5 %, в 1965–1969 годах — 57,0 %, в 1970–1974 годах — 66,7 %, то в 1975–1979 годы снизилась до 26,8 %, а в 1980–1984 годы — до 13,2 %. Подобного рода динамика свидетельствовала об изменении задач государственной переселенческой политики в отношении Нечерноземья РСФСР: на первый план вышло решение преимущественно социально-экономических проблем.

За 1960–1984 годы села Нечерноземья приняли более 100 тыс. человек, однако демографическая ситуация там кардинально не изменилась, что в свою очередь свидетельствует о недостаточности принятых мер. Анализ статистических данных, характеризующих механическое движение по РСФСР показывает, что доля организованного привлечения семей на постоянное жительство в общем потоке была крайне низкой. Так, в Вологодскую область в 1980 году пришло 19 244 человека, из них 684 (3,55 %) — по переселению, в Брянскую область 18 310 и 197 (1,08 %), Калининскую 21 977 и 758 (3,45 %), соответственно (ГАРФ. Ф. 10005. Оп. 1. Д. 794. Л. 97–98; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 63. Д. 2043. Л. 1).

В то же время переселение в регион следует рассматривать как одну из мер, направленную на обеспечение рабочими руками нуждавшегося в них аграрного

производства, и, что немаловажно, попытку положительного влияния на половозрастную структуру населения деревень Нечерноземья, поскольку одним из критериев отбора семей являлось наличие как минимум двух трудоспособных, а также имевших сравнительно неплохое здоровье членов семьи.

При характеристике политики организованного переселения следует уделить внимание адаптируемости семей.

Количественную сторону адаптации переселенцев целесообразно оценивать через объемы выбытия. Следует иметь в виду, что органами по использованию трудовых ресурсов (впоследствии органов по труду), обеспечивавших наряду с прочими функциями реализацию задачи централизованного привлечения семей в сельскую местность на постоянное жительство, до 1982 года включительно фиксировались данные спустя два года после приезда новоселов, а с 1983 года — спустя только один год.

Анализ источников позволяет сделать вывод о том, в 1965–1969 годах при среднероссийском показателе оттока 16,85 %, статистика по Нечерноземью выглядела более благоприятной — 10,63 %, при том, что из Вологодской, включенной в группу областей-реципиентов, — 13,77 %. В 1970–1974 годах показатель выбытия также был ниже уровня РСФСР — 14,11 % против 7,79 %. С 1975 года во многом благодаря государственной поддержке сельского хозяйства Нечерноземья, обусловленной принятием постановления ЦК КПСС и Совета Министров 20 марта 1974 года (№ 206), поток плановых переселенцев увеличился, о чем свидетельствуют данные таблицы 2 и диаграммы. Доля закрепившихся семей, несмотря на рост объемов переселения, по-прежнему была выше, чем в среднем по РСФСР: 89,26 % против 86,72 %. Исключение составили Ивановская (78,06 %), Горьковская (79,80 %), Тульская (83,55 %), Владимирская (85,04 %), Кировская (85,71 %) и Орловская (86,17 %) области, большинство из которых приняли новоселов впервые. За три года — с 1980 по 1982 год — из сел региона выбыло 10,65 %, тогда как в среднем по РСФСР — 14,84 %. В то же время из Кировской области — 20,22 %, Костромской — 17,23 %, Ивановской — 15,32 %, что, вероятно, объясняется привлечением в хозяйства жителей не только собственной территории, но и других областей союзных республик и РСФСР. Вплоть до конца 1980-х годов фиксирование выезда семей органами по труду велось только по прошествии года с момента вселения, что ожидаемо благоприятно отразилось на приводимых в отчетах цифрах. Так, в 1983–1984 годы при среднем по России уровне 5,5 % тех, кто не пожелал остаться в местах приема, в Нечерноземье их доля равнялась 3,4 % (ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 308. Л. 158–159, 162; Ф. 10005. Оп. 1. Д. 22. Л. 39–40; Д. 82. Л. 8–9, 11–12; Д. 118. Л. 45–46, 50; Д. 166. Л. 41–42, 45; Д. 218. Л. 193–194, 198; Д. 270. Л. 189–190, 193; Д. 325. Л. 191–192, 196; Д. 393. Л. 183, 185, 187; Д. 454. Л. 181, 183–185; Д. 522. Л. 188–193; Д. 581. Л. 152–158; Д. 650. Л. 151–153; Д. 719. Л. 125–127; Д. 794. Л. 129–131; Д. 908. Л. 154–156; Д. 984. Л. 162–164; там же. Д. 1050. Л. 152–153, 156–158; Д. 1120. Л. 146–148).

Таким образом, в рассматриваемый период в условиях демографического перехода и урбанизации сокращалась численность жителей сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР. Ситуация усугублялась тем, что наряду с объективными процессами, регион долгое время выступал в роли донора для так называемых слабозаселенных районов. Критичность положения вынудила власть осуществить действия, одним из которых явилось централизованное переселение. Выразившим желание переехать в сельскую местность выдавалось пособие, они обеспечивались жильем и скотом. Но несмотря на предпринятые шаги, сокращение жителей нечерноземной деревни продолжилось, что позволяет сделать вывод о малозначительности объемов плановых миграционных «вливаний». Тем не менее опыт переселения следует рассматривать как одну из мер государственной политики по сохранению демографического потенциала жителей деревни Нечерноземной зоны РСФСР.

Литература

1. *Алексеев А.И.* Многоликая деревня (население и территория). М.: Мысль, 1990. 266 с.
2. *Алексеев А.И., Данилова И.А. Зубаревич Н.В., Никулин Е.И.* Современные переселения «город – село» в Нечерноземной зоне РСФСР (опыт изучения на примере Вологодской области) // Вестник Московского университета. Серия «География». 1979. № 1. С. 55–61.
3. *Горбачев О.В.* Экономические факторы миграции сельского населения Центрального Нечерноземья (1946–1970 гг.). Брянск: Изд-во Брян. гос. пед. ун-та, 1999. 96 с.
4. *Горбачев О.В.* Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья (1945–1985 гг.): дис. ... док-ра ист. наук. М., 2003. 482 с.
5. *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня: Нечерноземье в 1960–1980-е гг. М.: РАН, 1996. 216 с.
6. *Иоффе Г.В.* Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы. М.: Наука, 1990. 164 с.
7. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 3. Кн. 1: 1960–1979. М.: РОССПЭН, 2005. 304 с.
8. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 3. Кн. 2: 1980–1990. М.: РОССПЭН, 2011. 295 с.
9. О льготах по переселению: Постановление Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г. № 364 // Собрание действующего законодательства СССР. М., 1974. Раздел 12. Законодательство о сельском хозяйстве. Кн. 4. Т. 32. С. 231–246.
10. Об увеличении размера кредита на строительство жилых домов для переселенцев: Постановление Совета Министров СССР от 23 июня 1977 г. № 555 // Собрание Постановлений Совета Министров СССР. 1977. № 20. Ст. 125.
11. Об упорядочении льгот по переселению: Постановление Совета Министров РСФСР от 6 апреля 1959 г. № 573 // Собрание постановлений Совета Министров РСФСР. 1959. № 3. Ст. 34.
12. Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР. Т. 12. Б/м., 1979.

13. Социально-экономическое и культурное развитие села Нечерноземья в условиях перестройки: сб. науч. трудов. Ярославль: ЯГУ, 1990. 186 с.

14. *Шевельков А.И.* Аграрная политика по развитию Нечерноземья в 1970–1980-е гг. // Документ. Архив. История. Современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 8. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 180–199.

Literatura

1. *Alekseev A.I.* *Mnogolikaya derevnya (naselenie i territoriya)*. М.: Му'сл', 1990. 266 с.

2. *Alekseev A.I., Danilova I.A. Zubarevich N.V., Nikulin E.I.* *Sovremennyy'e pereseleniya «gorod – selo» v Nechernozemnoj zone RSFSR (opy't izucheniya na primere Volodgodskoj oblasti)* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya «Geografiya»*. 1979. № 1. С. 55–61.

3. *Gorbachev O.V.* *E'konomicheskie faktory' migracii sel'skogo naseleniya Central'nogo Nechernozem'ya (1946–1970 gg.)*. Bryansk: Izd-vo Bryan. gos. ped. un-ta, 1999. 96 с.

4. *Gorbachev O.V.* *Migraciya sel'skogo naseleniya Central'nogo Nechernozem'ya (1945–1985 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2003. 482 с.*

5. *Denisova L.N.* *Ischezayushhaya derevnya: Nechernozem'e v 1960–1980-e gg.* М.: RAN, 1996. 216 с.

6. *Ioffe G.V.* *Sel'skoe khozyajstvo Nechernozem'ya: territorial'ny'e problemy'*. М.: Nauka, 1990. 164 с.

7. *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. T. 3. Kn. 1: 1960–1979.* М.: ROSSPE'N, 2005. 304 с.

8. *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. T. 3. Kn. 2: 1980–1990.* М.: ROSSPE'N, 2011. 295 с.

9. *O l'gotax po pereseleniyu: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 31 maya 1973 g. № 364 // Sobranie dejstvuyushhego zakonodatel'stva SSSR. M., 1974. Razdel 12. Zakonodatel'stvo o sel'skom khozyajstve. Kn. 4. T. 32. S. 231–246.*

10. *Ob uvelichenii razmera kredita na stroitel'stvo zhily'x domov dlya pereselencev: Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 23 iyunya 1977 g. № 555 // Sobranie Postanovlenij Soveta Ministrov SSSR. 1977. № 20. St. 125.*

11. *Ob uporyadochenii l'got po pereseleniyu: Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 6 aprelya 1959 g. № 573 // Sobranie postanovlenij Soveta Ministrov RSFSR. 1959. № 3. St. 34.*

12. *Sistematicheskoe sobranie dejstvuyushhego zakonodatel'stva RSFSR. T. 12. B/m., 1979.*

13. *Social'no-e'konomicheskoe i kul'turnoe razvitie sela Nechernozem'ya v usloviyax perestrojki: sb. nauch. trudov. Yaroslavl': YaGU, 1990. 186 с.*

14. *Shevel'kov A.I.* *Agrarnaya politika po razvitiyu Nechernozem'ya v 1970–1980-e gg. // Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost': materialy' Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vy'p. 8. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2007. S. 180–199.*

S.A. Piskunov

**The State Resettlement to the Countryside of the Non-Chernozem Zone
of the RSFSR in the Second Half of 1960s – the First Half of 1980s**

The policy of the state resettlement to the agricultural sector of the Non-Chernozem Zone of the RSFSR during the second half of 1960s – the first half of the 1980s is examined in the article. The list and the volume of the main measures to stimulate migration (the irrevocable allowance, the crediting of construction of houses and the purchase of livestock) are considered. The results of the carrying out of planned resettlement in the region economies are determined.

Keywords: resettlement; state; demographic transition; urbanization; resettlement benefits.

Б.С. Ляпустин

Проблема «шкалы доходности» Катона в контексте *mos maiorum*

В статье рассматривается «шкала доходности» Катона, которую с античности и до наших дней оценивали по-разному. Автор показывает, что данный список Катон составил, исходя из бережливости как традиционной крестьянской ценности. Он включает перечисление тех отраслей, которые позволяли владельцу поместья получать от земледелия доход, сведя к минимуму ненужные расходы.

Ключевые слова: Катон; земледелие; «шкала доходности»; *mos maiorum*; бережливость.

В первой главе трактата «Земледелие», где Катон дает советы будущему хозяину, как выбирать имение, он приводит описание идеального в представлении автора поместья (*praedium quod primum siet*: De agr. 1. 7). Оно должно быть: «Во-первых, с виноградником (*vinea*), если вино хорошее и если вина много; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с ивняком; в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебной нивой; в-седьмых, с лесом, где можно рвать листья на корм скоту; в-восьмых, с виноградником, где лозы выются по деревьям (*arbustum*); в-девятых, лес с деревьями, дающими желуди» (*Cat. De agr. 7. 1*; пер. М.Е. Сергеевко).

Уже античные авторы — Варрон (RR. I. 7. 9) и Плиний Старший (NH. XVI. 176) — этот пассаж Катона восприняли как «шкалу доходности» отраслей в поместье. После них такое название данного текста закрепилось в современной научной литературе. Однако та иерархия доходности отраслей, которую составил успешно применявший свои знания на практике автор трактата, уже у знаменитых ученых древности вызывала недоумение. Варрон и Плиний не понимали, как Катон мог поставить на третье место по количеству полученной прибыли ивовую лозу, отодвинув на задний план такие доходные сферы производства, как масличный сад, хлебное поле и луг для выпаса скота.

Этот странный порядок перечисления культур в «шкале доходности» пытались объяснить и современные исследователи древнеримского сельского

хозяйства. Так, М.Е. Сергеенко отвергла точку зрения о пассаже как о продуманной шкале сравнительной доходности каждой культуры. По ее мнению, Катон перечислил все известные хозяйственные статьи дохода в том порядке, «в каком они пришли ему в голову» [6: с. 126]. Однако эту нелогичность все-таки не стоит воспринимать как небрежность в изложении материала автором. Ведь в других главах при описании поместья Катон перечисляет все тщательно и последовательно. С М.Е. Сергеенко был не согласен В.И. Кузицин, утверждавший, что здесь Катон имел в виду именно получение дохода в денежной форме. [2: с. 65–70]. Мароти видел в «шкале доходности» иерархию рентабельности отдельных отраслей хозяйства. Правда, это потребовало объяснить, почему малоурожайный традиционный виноградник (*vinea*) он поставил на первое место, а заимствованный из завоеванных провинций высокодоходный виноградный сад, где лозы вьются по деревьям (*arbustum*), опытный и знающий Катон поставил на восьмое место. Мароти считает, что в «шкале доходности» место культуры определяется тем, какой урожай от них получали [11: с. 47]. Он видел в упомянутом списке перечень поместий с указанием их специализации наподобие *forma sensualis*, приведенной Ульпианом (D. 50. 15. 4 pr.) [11: с. 41].

Однако, чтобы понять, почему Катон в трактате представил сферы производства именно в таком порядке, необходимо учитывать, когда трактат был написан, каких ценностных ориентиров придерживался автор и какая духовная атмосфера доминировала в ту эпоху. О времени составления «Земледелия» единой точки зрения в науке нет. Большинство ученых считают, что Катон написал данное сочинение в середине II в. до н. э. (о точках зрения на датировку земледелия Катона см.: [1: с. 54]). Однако, на наш взгляд, наиболее аргументированной выглядит точка зрения В.И. Кузицина, которую здесь и рассмотрим подробнее.

Историк отталкивается от сообщения Плутарха, который выделяет в жизни Катона два этапа. В молодости он активно занимался обустройством поместий, и «в ту пору у него было только два источника дохода — земледелие и бережливость» (*Plut. Cato Mai. 25; пер. С.П. Маркуша*), а в зрелом возрасте «сельские работы доставляли ему приятное времяпрепровождение», доход же в это время Катон стал получать от различных торговых сделок и финансовых операций порой сомнительного свойства (*ibid. 21*). Это свидетельствует об эволюции в воззрении на ведение хозяйства фамилии у Катона. В.И. Кузицин верно подметил, «что дух, идеи, характер трактата соответствуют не тому времени, когда Катон считал уже деревню местом отдыха и развлечения, но первому этапу жизни Катона, когда земледелие было для него важнейшим источником дохода» [1: с. 55–56].

Свое наблюдение ученый подкрепил развернутой системой доказательств. На основе фактов, собранных из различных источников, он убедительно обосновал, что *De agricultura* была написана автором в период первого этапа

жизни. А точнее — в короткий промежуток времени непосредственно после возвращения Катона из Греции в 191 г. до н. э., но не позже 187 г. до н. э., когда начали чеканить денарии, но о которых в тексте трактата нет ни слова [1: с. 64]. Именно тогда, на рубеже III–II вв. до н. э. в Италии получают распространение сельские виллы классического типа [2: с. 53–55; 10: р. 13–133], и у новых владельцев поместий нет достаточных знаний и опыта, чтобы их обустроить наилучшим образом. В этой ситуации Катон после окончания Ганнибаловой войны, ознакомившись с передовыми сельскохозяйственными знаниями пунийцев и греков и накопив личный богатый практический опыт, сумел в кратчайший срок наладить оптимальные формы функционирования собственных имений. Результаты своей деятельности он и изложил в трактате, предназначенном для новых владельцев поместий, остро нуждавшихся в советах подобного рода. В этот период Катон еще считал возможным получение достаточно высокого дохода от занятия земледелием.

Кроме того, как подчеркнул В.И. Кузищин, честолюбивый Катон, опубликовав трактат, преследовал еще и цель завоевания политической популярности и славы, которая ему была нужна в начале 80-х годов, когда он готовился к выборам на должность цензора [1: с. 65]. Поэтому принцип изложения текста в трактате «О сельском хозяйстве» базировался помимо собственного опыта автора также и на заветах предков [1: с. 63]. Эти выводы исследователя весьма значимы для нашей темы. Однако В.И. Кузищин, акцентируя внимание на товарном производстве в катоновских поместьях, оставил без внимания упомянутую Плутархом бережливость, которая наряду с рационально организованным производством была важным источником дохода. Однако именно этот момент весьма важен для понимания сущности «шкалы доходности» в сочинении Катона.

В этот период бережливость и умеренный образ жизни, как сообщают античные источники, действительно предстают одними из главных черт практической деятельности, мышления и духовных ценностей Катона. Примером Катону с юности служил Маний Курий, который в римской традиции предстает олицетворением простоты и воздержанности в духе заветов предков. Этот прославленный победитель Пирра и трижды триумфатор жил в скромном жилище, которое Катон, живший по соседству, видел своими глазами. Маний Курий сам обрабатывал небольшой участок и ел непритязательную крестьянскую пищу. Катон, стремясь быть похожим на прославленного квирита и подражая ему, стал следовать простоте и умеренности, характерной для крестьянского образа жизни, отвергая расточительность (*Plut. Cato Mai.* 2), а борьбе с роскошью посвятил всю свою жизнь, нажив себе этим немало врагов (*ibid.* 18).

Сам Катон никогда не носил платья дороже 100 денариев, а припасов для обеда покупалось только на 30 ассов. Во время исполнения магистратур он пил то же вино, что и простые работники (*ibid.* 4). А когда плыл на корабле в Испанию, откуда возвратился с триумфом, то пил то же вино, что и гребцы (*Plin. NH.* 14. 91). Сам

Катон утверждал, что в военных походах и поездках по государственным делам всегда избегал излишних трат и не позволял своим друзьям и свите обогащаться за счет государства (*Cat. Orat. Fr.* 173). А в речи 164 г. до н. э. Катон с гордостью заявлял, что у него нет ни постройки, ни вазы, ни одежды какой-либо дорогостоящей, ни дорогого раба или рабыни (*Cat. Orat. Fr.* 174).

Особенно ярко ценностные ориентиры Катона проявились, когда в 195 г. до н. э. разгорелась борьба за отмену закона Оппия о роскоши (*Liv.* 34. 1–7), принятого в трудный период Ганнибаловой войны (о законе Оппия см.: [4: с. 50–62; 3: с. 28–49; 12: S. 49–72]). Катон, исполнявший в этот год консульскую магистратуру, возглавил тех, кто ревностно отстаивал необходимость сохранения закона. В защиту своей позиции Катон выступил перед гражданами с яркой речью, которую привел в своем сочинении Тит Ливий (34. 2–4). Хотя относительно подлинности этой речи у некоторых исследователей были сомнения (подробнее см.: [4: с. 54–55]), однако все историки признают, что изложенные Ливием мысли и оценки события, полностью соответствуют образу жизни и деятельности Марка Порция Катона Старшего [9: s. 81–86]. Как суровый ревнитель старины, обращаясь к согражданам, он призывал их следовать нормам предков и строить жизнь на основе воздержанности и бережливости. А сторонников отмены закона Катон укорял: «самый отвратительный стыд, когда стыдятся бережливости и бедности» (*Liv.* 34. 4. 13: *pessimus quidem pudor est uel parsimoniae uel paupertatis*). По Катону, сохранить Оппиев закон необходимо потому, что на бесполезные украшения для жен, главы семей будут тратить те средства, которые могли бы с пользой вложить в рачительное ведение домашнего хозяйства. Отменив закон, квириды поступят против себя, своего достоинства и своих детей (*Liv.* 34. 4. 18).

Занятая Катоном бескомпромиссная позиция по сохранению закона Оппия не была лишь сиюминутной позой или политической демагогией. Катон как носитель идеи воздержанного образа жизни, традиционной добродетели предков, обрушивается с моральными обличениями на всех, кто выступает не бережливыми накопителями, а расточителями. Речь консула отражала те принципы, которыми он руководствовался в жизни в тот период, когда был написан трактат.

По свидетельствам античных авторов, бережливость была близка подавляющей части римских граждан и органично входила в систему традиционных ценностей *mos maiorum*, которой квириды издавна руководствовались в своей жизни. Саллюстий сообщает, что римляне во время молебствий любили пышность, но «в частной жизни были бережливы» (*domi parci: Sal. Con. Catil.* 9. 2, пер. В.О. Горенштейна). Об этом же свидетельствует и Цицерон, отмечая, что предки в частной жизни и в личных расходах «вели самую скромную жизнь» (*tenuissimo cultu viverent: Cic. Pro Flac.* 28; пер. В.О. Горенштейна; ср.: *Cic. Pro Mur.* 76). Действия Катона как магистрата и идеи трактата были близки и понятны большей части квиридов (о *mos maiorum* см.: [8: с. 30–47]). Эти представления сформировались еще во времена господства у римлян крестьянского хозяйства, когда

«скромны были доходы у каждого» (*privatus illis census erat brevis: Hor. Car. II. 15. 13*; пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского). Бережливость предстает исконно традиционной чертой крестьянского образа жизни в древнем Риме.

В духе этих представлений о необходимом образе жизни и деятельности Катон дает советы хозяину виллы. Исходя из личного опыта, он утверждает, что глава фамилии «должен быть скор на продажу, а не на покупку» (*Cat. De agr. 2. 7: patrem familias vendacem, non emacem esse oportet*; пер М.Е. Сергеенко). Строгая бережливость соблюдается при управлении сельской виллой: деньгами следует дорожить, расходовать их рачительно, после тщательных подсчетов. Доход Катон рекомендует получать не в погоне за прибылью, а путем сведения до минимума ненужных расходов (об этом см.: [5: с. 6–8]).

Хотя Катон и стремился учитывать передовые формы ведения помещного хозяйства, он все же не до конца порвал с крестьянским мировоззрением. В «Земледелии» он бережно сохранил крестьянский опыт и неосознанно придерживался крестьянских способов ведения хозяйства. Как подметила М.Е. Сергеенко: «Сквозь неуклюжие и деловые строчки проглядывает облик старозаветного италийского хозяина» [7: с. 25]. Ей вторит и Кузицин, отмечая, что начало трактата с его антиростовщическими настроениями и прославлением хороших земледельцев, из которых выходят самые стойкие солдаты (*Cat. De agr. Praef. 1–3*), написано с позиции крестьянского идеала [1: с. 61]. Мароти, отмечая хозяйскую сметку Катона и его готовность заимствовать то, что могло принести пользу (как, например, в случае с привнесением на италийскую землю виноградной лозы, выходящей по деревьям) указывал, что для Катона было характерно везде, где бы он ни был, на хозяйственную жизнь смотреть глазами крестьянина [11: с. 48].

Наиболее ярко его крестьянская ментальность пробивается при описании характера экономической деятельности. Тибилетти, с которым полностью солидаризировался В.И. Кузицин, характеризуя крестьянские подходы к экономической деятельности у Катона, отмечал отсутствие у него предпринимательской стратегии по регулярному получению максимальной прибыли от земельной собственности. Его рекомендации по распродажам (см.: гл. 2. 7 и 7. 1) позволяют получить лишь небольшую компенсацию за инвестиции в поместье. И такие «патриархальные наставления... больше подходят к небольшому полю старого времени с его натуральным хозяйством, чем к имению в сотни югеров...» (цит. по: [1: с. 61]).

Авторы указывают на противоречивость взглядов Катона в период написания трактата. С одной стороны, он уже умеет считать прибыль и знает, как ее получить наилучшим образом. Однако, с другой стороны, он — носитель гражданских ценностей, основанных на *mos maiorum*, с отношением к земле как статусной ценности. Эту черту Катона, нашедшую отражение на страницах трактата, кратко и точно обозначил В.И. Кузицин: «Во многих его советах сквозит скорее узкий крестьянский экономизм, чем трезвый деловой расчет крупного хозяина» [1: с. 61].

Если при рассмотрении вопроса отталкиваться от его взглядов на ведение фамильного хозяйства, то становится ясно, что шкала доходности введена отнюдь не для того, чтобы показать, на чем можно заработать больше денег. Наоборот, как отметил В.М. Смирин, здесь указывается, какие отрасли в имении дают наибольшую экономию и позволяют избежать лишних трат¹. Действительно, с этой точки зрения рекомендации Катона идеальны. Расположение ивняка сразу после виноградника и огорода не случайно, так как здесь даны основные и вспомогательные отрасли, которые позволяют владельцу поместья собрать, сохранить и переработать урожай с наименьшими потерями.

Рассмотрим, как Катон в 11 главе рекомендует оборудовать стоюгерное поместье с виноградником. Среди шестнадцати членов персонала упомянут работник, который специально смотрит за ивняком (11. 1). А далее, после указания на необходимое количества долиев для виноградного вина и хлеба, сразу же идет перечисление дополнительного оборудования из лозы, необходимого для изготовления вина: три фильтра, сплетенных из ивовых веток, столько же шумовок, чтобы снимать плесень с вина (11. 2) и три плетеных корзины для винного осадка (11. 4). Кроме того, для уваживания почвы необходимо иметь четыре навозных плетенки из лозы, из прутьев наверняка был сделан и сам навозный короб (11. 4). Наконец, в хозяйстве нужны были двадцать особо прочных америйских корзин для сбора урожая и два больших корыта, в которых носили виноград в давилню, да еще сорок корзин использовалось при посадке (11. 5). Несомненно, корзины и плетенки различных видов также широко применялись для сбора и транспортировки овощей и при других работах в поместье. Все это и изготавливал тот, кто следил за ивняком в поместье. Своя лоза позволяла не только собрать, транспортировать, переработать и сохранить выращенный урожай, но и не тратить денег на то, что можно было изготовить силами рабской фамилии. Поэтому лозняк следует рассматривать не как самостоятельную товарную отрасль на вилле, а как важную и обязательную сферу производства в поместье, которая позволяла бережливо вести хозяйство.

Экономить главе фамилии позволяли и другие отрасли, перечисленные в шкале доходности. Масличный сад обеспечивал оливками и маслом в рационе питания фамилии. Луг нужен для выпаса волов и овец. На корм овцам, из молока которых приготавливали сыр, идут и листья из леса. Урожай с зерновых дает хлеб для фамилии. Виноград, выющийся по деревьям, — лучшие сорта вин при минимальных затратах. И, наконец, лес с желудями поставляет и корм для свиней, и материал для работ и поделок. Наличие такого набора отраслей позволяло владельцу бережливо вести хозяйство, обеспечивая основными продуктами питания свою семью, а также рабов и прислугу в городе и деревне.

¹ Несколько наблюдений над текстом Катона «Земледелие». См.: Научные чтения памяти С.Л. Утченко // Вестник древней истории. 1989. № 4. С. 184–186.

Таким образом, по Катону, такой порядок отраслей, перечисленных в «шкале доходности», показывает степень максимальной экономии, позволяющий владельцу поместья вести рачительный и бережливый образ жизни в духе заветов предков и даже получать доход, который будет самым чистым и верным (*ibid.* Praef. 3).

Литература

1. Кузицин В.И. О датировке катоновского «Земледелия» // Вестник древней истории. 1966. № 2. С. 54–67.
2. Кузицин В.И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э. – I в. н.э. М.: Изд. МГУ, 1973. 253 с.
3. Квашинин В.А. Генезис сumpтуарного законодательства в древнем Риме. Вологда: Изд-во ВПГУ, 2009. 126 с.
4. Ляпустин Б.С. Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // Из истории античного общества. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. С. 50–62.
5. Сергеенко М.Е. Введение // Ученые земледельцы древней Италии / пер., прим. и введение М.Е. Сергеенко. Л.: Наука, 1970. С. 5–27.
6. Сергеенко М.Е. Комментарии // Марк Порций Катон. Земледелие / пер. и комм. М.Е. Сергеенко. М.–Л.: Наука, 1950. С. 87–215.
7. Сергеенко М.Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.–Л.: Наука, 1958. 246 с.
8. Утченко С.Л. Еще раз о римской системе ценностей // Вестник древней истории. 1973. № 4. С. 30–47.
9. Hellmann F. Zur Cato- und Valerius-Rede // Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung. 1940. № 3. S. 81–86.
10. Marcone A. Storia dell'agricoltura romana. Dal mondo arcaico all'età imperiale. Roma: La Nuova Italia Scientifica, 1997. 237 p.
11. Maróti E. Die Probleme des *fundus suburbanus* bei Cato // Thracia. 1985. № 7. S. 40–50.
12. Sauerwein I. Die *leges sumptuariae* als römische Maßnahme gegen den Sittenverfall. Hamburg: Kurt Urlaub, 1970. 207 s.

Literatura

1. Kuzishhin V.I. O datirovke katonovskogo «Zemledeliya» // Vestnik drevnej istorii. 1966. № 2. S. 54–67.
2. Kuzishhin V.I. Rimskoe rabovladel'cheskoe pomest'e II v. do n.e'. – I v. n.e'. M.: Izd. MGU, 1973. 253 s.
3. Kvashnin V.A. Genezis sumptuarnogo zakonodatel'stva v drevnem Rime. Vologda: Izd-vo VPGU, 2009. 126 s.
4. Lyapustin B.S. E'konomicheskoe razvitie drevnego Rima v svete zakona Oppiya o roskoshi // Iz istorii antichnogo obshhestva. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 1991. S. 50–62.
5. Sergeenko M.E. Vvedenie // Ucheny'e zemledel'czy' drevnej Italii / per., prim. i vvedenie M.E. Sergeenko. L.: Nauka, 1970. S. 5–27.
6. Sergeenko M.E. Kommentarii // Mark Porcij Katon. Zemledelie / per. i komm. M.E. Sergeenko. M.–L.: Nauka, 1950. S. 87–215.

7. *Sergeenko M.E.* Ocherki po sel'skomu khozyajstvu drevnej Italii. M.–L.: Nauka, 1958. 246 s.
8. *Utchenko S.L.* Eshhe raz o rimskoj sisteme cennostej // Vestnik drevnej istorii. 1973. № 4. S. 30–47.
9. *Hellmann F.* Zur Cato- und Valerius-Rede // Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung. 1940. № 3. S. 81–86.
10. *Marcone A.* Storia dell'agricoltura romana. Dal mondo arcaico all'età imperiale. Roma: La Nuova Italia Scientifica, 1997. 237 p.
11. *Maróti E.* Die Probleme des *fundus suburbanus* bei Cato // Thracia. 1985. № 7. S. 40–50.
12. *Sauerwein I.* Die *leges sumptuariae* als römische Maßnahme gegen den Sittenverfall. Hamburg: Kurt Urlaub, 1970. 207 s.

B.S. Lyapustin

The Problem of Cato's «Profitability Scale» in Context of *Mos Maiorum*

Cato's «profitability scale», which has been differently estimated from antiquity to our days, is considered in this article. The author shows that Cato compiled this list based on frugality as a traditional peasant value. It includes the enumeration of those industries that allowed the estate owner to receive income from agriculture, reducing unnecessary costs to a minimum.

Keywords: Cato; agriculture; «profitability scale»; *mos maiorum*; frugality.

**Н.И. Винокуров,
С.М. Крыкин**

Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н. э.

Середина 40-х гг. I в. н. э. в римской истории отмечена несколькими интересными событиями. Царство фракийцев стало римской провинцией. В Крыму высадились римские войска и участвовали в свержении законного царя Боспора. Правителями Фракии и Боспора оказались родственники и вели они себя сходным образом. Как представляется, между двумя акциями римлян в Причерноморье существовала тесная взаимосвязь.

Ключевые слова: Рим; Боспор; Фракия; восстания; боспоро-римская война; заговоры.

Когда в 39 г. н. э. Митридат III, внук Митридата Великого, сын царя Аспурга, наследовал на Боспоре трон своей матери, фракийской царевны Гепепириис, на Боспоре, в важнейшей части Северного Причерноморья, произошло укрепление антиримской партии [12: с. 204]. Новый царь начал проводить определенно выраженную самостоятельную линию. Недвусмысленная демонстрация намерений царя отразилась в боспорской государственной эмиссии. Легенда и внешний вид царских монет прославляет величие имени Митридата и показывает его стремление вести независимую политику [11: с. 83], которую можно считать прямым вызовом Риму. Так, на золотых статерах Митридата III, где на аверсе был помещен портрет Калигулы, на реверсе чеканилась фигурка богини победы Ники с надписью по кругу ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ [11: с. 206–207, табл. XVII, 20–22], а на медных монетах — изображения палицы Геракла и трезубца Посейдона Митридата, которые должны были подчеркнуть связь боспорского царя Митридата III с великим понтийским царем Митридатом VI Евпатором и его фракийское происхождение по матери Гепепириис [11: с. 82]. Но годом ранее император Гай Калигула даровал царскую власть на Боспоре и Понте Полемону II, поэтому царские права Митридата III вряд ли могли быть утверждены Римом. Только в 41 г. Клавдий отменил постановления Калигулы и дал Полемону вместо Боспора родовую вотчину Полемонидов в Киликии (Cass. Dio. 60. 8. 2) [1: с. 127–128]. На аверсе редких статеров Митридата III, выпущенных в 41/42 г. н. э. (известно лишь два экземпляра), изображена голова Клавдия [11: с. 207, табл. XVII, 23–25]. Но в медных эмиссиях Митридата на аверсах демонстрировались образы его или его матери Гепепириис (позднее ее образ отражен и на меди Котиса I) с царской символикой [7: с. 326; 12: с. 205] и ничего проримского. М.Б. Щукин предположил наличие некоего «боспоро-фракийского заговора» (речь шла о контроле

значительной части побережья Понта в традиции Митридата Евпатора), подавленного римлянами двумя ударами: сначала в 45 г. экспедицией в Пантикапей, затем в 46 г. возвращением их базовых сил назад в Мёзию с целью усмирения и аннексии Фракии.

Раскопки последних десятилетий на городище Артезиан — царской крепости в Крымском Приазовье — принесли новые результаты, которые по-новому позволяют взглянуть на начало боспоро-римской войны и роль в ней боспорских военных поселенцев, часть которых, как показали новейшие исследования, была родом из европейской Фракии [10: с. 134–162].

Первый период существования крепости завершился трагически: она была взята штурмом в ходе боспоро-римской войны и полностью сгорела. При боспорском царе Котисе I (45–68/9 гг.) на руинах первой цитадели возникла новая постройка с мощными прямоугольными башнями и крепостными стенами, сооруженными из больших рустованных квадров. На артезианском некрополе мужчины, как правило, погребались с полным комплектом всаднического вооружения. Одна погребальная стела конца второй четверти – середины I в. н. э. сохранила имена Сос(т)ибия, сына Диониса, и двух его сыновей — Дисака и Падафа, открытой во вторичном использовании на некрополе городища Артезиан в перекрытии могилы I–II вв. н. э. [5: с. 18–22, рис. 2; 6: с. 77, прим. 1, рис. 7].

Мужские личные имена Σωσ{τ}ίβι(ος) = Σωσίβιος и Дионисий греческого происхождения, в то же время личное имя Δισακος на Боспоре и в других городах античного Причерноморья не встречалось. По мнению С.Ю. Сапрыкина, во фракийской ономастике встречаются имена с корнем Δισ-. Имя второго сына — Παδαφους — сарматское. Таким образом, если первый сын Сосибия, как считает С.Ю. Сапрыкин, носил фрако-иранское, или, скорее, фракийское имя, то второй сын был наречен иранским именем. Это свидетельствует о том, что семья Сосибия, сына Дионисия, была эллинизированной — глава семьи, отец Сосибия, был, вероятнее всего, эллинизированным боспорцем с фракийскими и сарматскими корнями [10: с. 148–150].

В состав гарнизона крепости могли входить отдельные воинские подразделения царской армии или наемники. В этой связи не кажутся случайными находки терракотовых фигурок вооруженных всадников и их фрагментов [5: с. 81, 82, рис. 1–3; 4: с. 377–381, рис. 54, 1–2]. Всадник-охотник на многих фигурках в скифском (иранском) костюме с поднятой правой рукой, в которой он держит копьё, поражая бегущего зайца. Охотника, как правило, сопровождает собака, преследующая зайца. Некоторые фигурки представляют всадника во фригийском колпаке, плаще и распахнутом на животе кафтане. В основе этого типа терракот образ Фракийского всадника — Хероса, — который изображался на фракийских посвященных рельефах вместе с собакой, преследующей объект охоты — кабана, олененка или зайца.

Нельзя также не упомянуть о еще одной удивительной находке — остраконе с многострочным двухсторонним граффито — школьным упражнением.

Данная надпись, как показывает проведенный палеографический анализ, начертана в период правления царя Аспурга двумя учениками, обучавшимися греческому языку в одном из северных помещений ранней цитадели городища Артезиан. Это были некие Салас (Σάλας) и Долес (Δόλης), которые помимо обычных ученических упражнений отметились довольно непристойными шутками. С.Ю. Сапрыкин уделил в совместной работе особое внимание происхождению имен Салас и Долес [10: с. 139–147]. Показательно существование во Фракии сочетаний Σάλας и Δόλης как в виде личных имен, так и патронимиков. Обладателями таких имен являлись фракийцы либо выходцы из малоазийских областей с преобладанием фракийского населения (Вифиния). На основании проведенного анализа С.Ю. Сапрыкин предположил, что носители такого имени на Боспоре, в том числе и среди обитателей крепости Артезиан, могли быть фракийцами или представителями фракоязычного населения Малой Азии, которые к III в. н. э. уже стали натурализованными боспорцами.

Слой пожара и гибели городища Артезиан датируется вторым годом боевых действий боспоро-римской войны — 46/47 г. В момент катастрофы закрома крепости были полны хлеба. Северные помещения крепости оказались завалены тоннами сгоревшего зерна. Археологический контекст вполне понятно свидетельствует о том, что драматические события, во время которых было сожжено городище, происходили после сбора урожая. Часть его хранилась в ямах, укупоренных крышками *in situ*, другая, скорее всего, посевной фонд, — на верхних этажах цитадели. Здесь же были заготовлены запасы вяленого или копченого мяса на костях. Значительное число найденных в горелом слое остатков длинных костей крупного рогатого скота может об этом косвенно свидетельствовать. Таким образом, пожар, видимо, случился в августе или начале осени, сентябре – октябре.

Крепость Артезиан, судя по всему, подверглась штурму без длительной осады и полностью сгорела. Победители пощады к жителям не проявили. Защитники крепости сгорели вместе с детьми, женщинами, стариками, домашним скотом, имуществом и припасами. Весь слой пожара насыщен перегоревшими и фрагментированными костями людей и животных. Множество монет чеканки Митридата III, прекрасной сохранности и в большинстве не бывшие в обороте, найденные в сгоревших помещениях икладах, могут говорить либо о выплаченном жаловании воинам гарнизона, либо о казне, которая могла храниться у наместника крепости.

Как известно, боевыми действиями во время боспоро-римской войны были охвачены значительные территории как на самом Боспоре, так и за его пределами. Описание Тацита сохранило нам только впечатляющие картины ожесточенных финальных боевых действий на азиатской стороне Боспора (Тас. Анн. XII. 15–21). Ход войны на европейской части можно только в общих чертах гипотетически предполагать. Возможно, вторжение разворачивалось от основных

портов Пантикапея и Феодосии, прибрежных городов. Очевидно, после захвата столицы и побережья боевые действия охватили отдаленную сельскую территорию, периферию Европейского Боспора, мелкие городки и крепости, сельские усадьбы и резиденции знати, башни, форты, линии обороны, в том числе по Асандрову валу. Войска сторонников Котиса и римлян с союзниками вышли на оперативный простор. Римляне и боспориты, сторонники Котиса, изолировали и последовательно уничтожали крепости и гарнизоны, которые оставались на стороне свергнутого династа — Митридата III. Судьбу городища Артезиан разделили, думается, многие другие боспорские крепости, расположенные в этом районе. По крайней мере, слои синхронных пожаров и разрушений выявлены на городищах Багерово-Северное, Ново-Отрадное, Маяк, Тасуново, Михайловка. Эти крепости, включая Артезиан, размещавшиеся вдоль нескольких важнейших дорог, прикрывали подходы к Пантикапею, Илурату и другим городам. Похоже, что и ранний Илурат, от укреплений которого уцелел остаток крепостной стены с рустованной кладкой, аналогичной артезианской ранней цитадели, также был уничтожен в этом ожесточенном боспоро-римском противостоянии. Этот укрепрайон долгое время являлся западной границей Боспорского царства, отделяя его от скифских степей. Но в это время пограничным он не являлся: Крымская Скифия с 23/24 г. подчинилась Аспургу боспорскому [8: № 39], а в столице скифов Палакии (Неаполе-Скифском) была найдена серебряная тарелка с именем его жены Гепепириис [12: с. 205]. Но тарелка была найдена в слое III в. и это не позволяет определенно интерпретировать значимость ее появления в столице крымских скифов.

Среди важнейших находок последних лет на городище Артезиан — десять золотых статеров Аспурга и Митридата III, открытые в слое пожара. Уникальный статер Митридата 343 года боспорской эры (46/47 г. н. э.) и археологический контекст слоя пожара позволяют датировать гибель крепости либо осенью 46 г. н. э., либо концом лета — осенью 47 г. н. э. Дата катастрофы свидетельствует о том, что Артезиан и другие форпосты Митридата III, где были найдены синхронные слои разрушений, оказывали сопротивление Котису I и римлянам в течение года или, скорее всего, двух лет после захвата теми столицы и центральных городов Боспора.

Вышеупомянутый золотой статер царя Митридата III, диаметром 20 × 21 мм, имеет на лицевой стороне изображение головы императора Клавдия (?) (41–54 гг.) (?), вправо в кольцевом ободке, по кругу надпись — ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, на оборотной — головы Митридата (?) вправо, посоха (?) справа, внизу даты — «ГМТ» (?) — 46/47 г. н. э.

Данная монета совершенно уникальна и не находит аналогов ни на одном штемпеле среди уже открытых боспорских монет. Обращает на себя внимание двойной удар при изготовлении данной монеты, что привело к заметной смещенности контуров и нечеткости изображения. При большом увеличении хорошо видно, что поле обработки монеты не гладкое, как у большинства боспорских

статеров, а имеет неровную поверхность. Это свидетельствует о небрежности работы, спешке или низкой квалификации мастеров.

На лицевой стороне изображение императора Клавдия в венке имело определенные черты сходства с его предшественником — Калигулой. Похоже, что резчик не имел возможности добиться портретного сходства или попросту мог использовать в качестве шаблона прежние штампы или изображения. Изображение бородатого пожилого мужчины показывает определенный отход от традиционной боспорской медальерной традиции, обычного для монет некоторого схематизма и утрирования в сторону большего портретного сходства. Резчик, похоже, гравировал монетный штамп непосредственно с натуры. При этом видно, что он допустил ошибку в композиции и изображение в верхней части оказалось практически под рельефным ободком, едва с ним не смыкаясь. Автор изображения был хорошим художником и резчиком, сумел мастерски передать образ волевого и мужественного человека, что нетипично для нумизматики, но в качестве изготовителя монет ему явно не хватило опыта.

Как полагает М.Г. Абрамзон, который изучал артезианские нумизматические материалы в хранилище КГИКЗ, эта монета чеканилась в передвижном монетном дворе, когда Митридат был выбит из столицы и находился в изгнании. По мнению С.А. Коваленко, налицо полный отход от принятой до сих пор на Боспоре схемы чеканки золотых монет. На оборотном изображении (Митридата?) отсутствуют какие-либо инсигнии царской власти (диадема, лавровый венок), но при этом впервые появляется дополнительный символ: посох как знак незыблемости божественных сакральных полномочий свергнутого царя. Легенда же лицевой стороны как раз недвусмысленно указывает на то, что именно изображенный на ней персонаж и есть Митридат (что со времени Рескупорида I становится неизменной схемой для боспорской чеканки). Может, на обороте — его божественный предок? В любом случае, монета необычна, но если правильно прочитана дата, она была чеканена не в самом начале войны, когда в распоряжении царя уже могло не быть квалифицированных резчиков или людей, хорошо знакомых с монетным производством.

Н.А. Фролова при ознакомлении с монетой посчитала ее поддельной. Современная подделка статера совершенно исключена. Монета найдена в слое и с соответствующим контекстом, ее поверхность покрыта патиной с впаянными продуктами горения, аналогично другим золотым монетам. Подделка золотой монеты в древности была оправдана только в том случае, если подобные монеты были в обороте и ценились как мерило стоимости или выступали средством накопления. Возможная фальсификация монеты, да еще с таким изобразительным рядом, в условиях военного хаоса и гражданского противостояния совершенно непонятна и экономически вряд ли оправдана.

Фактически, речь идет о том, что это реально последняя из известных золотых монет Митридата III, датированная 46/47 г. До этого его чеканка прерывалась

появлением золотого статера Котиса 44/45 г., которым и датировалось свержение Митридата с престола и начало боспоро-римской войны. В 46/47 г. Котис по каким-то причинам золотые не выпускал. Артезианская находка свидетельствует как раз о том, что у Котиса в этот период были довольно серьезные проблемы, связанные с покорением территорий и крепостей, оставшихся верными Митридату III. Причем Митридат, явно пытаясь продемонстрировать свою легитимность на престоле, выпустил этот необычный статер, который констатировал его положение изгнанника: у него не было знаков царской власти, которые были узурпированы Котисом, что намеренно и показательно противоречило легенде монеты на лицевой стороне: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. Ее помещение вокруг портрета римского императора — определенный вызов Риму и одновременно напоминание о сравнительно недавнем его утверждении на боспорский престол. Тем не менее изображение посоха призвано, очевидно, продемонстрировать божественную легитимность и законность царской власти Митридата. Монета, конечно, антиримская демонстрация, напоминание недругам и сторонникам Митридата о его законных правах на боспорских престол и грубом вмешательстве Рима в престолонаследие на Боспоре.

Итак, Корнелий Тацит описал в своих «Анналах» события римской истории с 14 по 65 г. н. э. В книгах I–IV раскрыты реалии 14–28 г., а в книгах XII–XV содержатся факты 48–65 г. Странно, но книги V, VI и XI дошли до нас во фрагментах, при этом в книге XI все-таки повествуется о некоторых сюжетах 47–48 г.

Между тем в 45 г. у границ Римской империи произошли два похожих события. Началась война на Боспоре и была превращена в провинцию Фракия — оба события потребовали участия римских войск, дислоцированных в Нижнем Подунавье (провинция Мёзия). Была смещена одрисско-сапейская династия во Фракии, и почти одновременно на Боспоре был заменен один царь на другого — оба родные братья, при этом по матери из этой же фракийской династии. До недавней поры считалось [9: с. 237–238; 3: с. 215–216], что в 44/45 г. н. э. дукс Дидий Галл примерно с 7–8 тыс. воинов вспомогательных войск прибыл на Боспор в помощь сменявшему на престоле Митридата VIII его брату Котису. Всадник Юлий Аквила с римскими когортами при помощи ряда местных племен добился победы, после чего римляне покинули Боспор (Тас. Ann. XII. 17). Причем отряды эти прибывали из Вифинии и потому по окончании войны прокуратор провинции Юний Цилон удостоился консульства, а Юлий Аквила стал претором.

Еще следует отметить: римская новая провинция Фракия сразу же была объявлена сенатской — т. е. должна была контролироваться минимальным количеством вспомогательных войск (как правило, таковым считалась пара миллиарных когорт). К тому же Иосиф Флавий (Bell. Jud. II. 16. 4) по поводу ситуации примерно в 66 г. н. э. пишет о базировании во Фракии именно 2 тыс. бойцов.

Любопытным образом история подчинения Фракии Риму связана с чередой царей одрисско-сапейской династии по имени Реметалк [13: с. 230–231]. Все трое сотрудничали с римлянами, и гибель третьего из них обозначила финал независимого существования Фракии. Собственно Фракия несколько раз попадала под плотный контроль: полцарства под опекой в качестве примера. Выяснилось, что без участия римских войск одрисско-сапейские династии не в состоянии навести порядок: четыре восстания за полвека — и императорам это надоело. Последний из сапеев воспринимался как *Φιλοκαίσαρ*. Реметалк Третий правил недолго... В поздней Хронике Георгия Синкелла в 46 г. Фракия была превращена в римскую провинцию после того, как Реметалк был убит при участии собственной жены. У Кассиодора, Проспера Тирона и Иеронима это событие относится к 45 г. после начавшегося в 44 г. восстания (против римлян и сапеев?). При этом Антония Трифена и сыновья ее, братья погибшего Реметалка, сохраняли царский статус в Кизике и дальше, при Клавдии. Историю последних независимых правителей Фракии основательно рассматривала известная болгарская исследовательница М. Тачева [14: с. 66–93; 15: с. 68–95].

И таким образом, Авл Дидий Галл никак не мог в 44–45 гг. (и даже, похоже, в 46) отправиться с войсками из Мёзии на Боспор, оставив нерешенными проблемы во Фракии — римлянам из Вифинии это было гораздо удобнее, но там крупных сил у них давно уже не было. Г. Юлий Аквила мог оказаться в Пантикапее с помощью не очень мощного византийского флота и поначалу курировать переход власти там к Котису, озаменованный царской эмиссией. Далее с эмиссиями наблюдаем заминку минимум на год — вероятное двоевластие на Боспоре в целом. Наладив ситуацию в Мёзии и Фракию, получив необходимые подкрепления, легат Авл Дидий Галл совершил бросок на Боспор и разгромил силы и объекты Митридата в его европейской части. После этого он вернулся и был почтен триумфом за несомненные успехи как во Фракии, так и на Боспоре. Римские военные акции, которые сопровождались разгромом крепостей и показательным уничтожением противников из антиримской партии, способствовали немедленной реакции со стороны Ольвии и Херсонеса: в 46–47 гг. (еще до окончания войны на Боспоре!) эти полисы и без обязательного присутствия римских оккупационных отрядов признали свое непрерываемое вхождение в орбиту внешнеполитических интересов Рима. Все Северное Причерноморье вскоре оказалось, по замечанию Иосифа Флавия (Bell. Jud. II. 16. 4), под контролем римских 40 кораблей и 3 тыс. бойцов, став удаленным берегом внутреннего моря Римской империи.

Фракия стала римской провинцией после наместничества в Мёзии Авла Дидия Галла в 46 г. Исходя из вышеизложенного, это удалось римлянам не *после* экспедиции дукса во главе ударного корпуса вторжения в Пантикапей, а *перед* ней. Митридат сдался царю аорсов Эвнону и тот передал пленника римлянам на условиях не убивать его и не унижать участием в триумфе (Tac. Ann. XII. 18).

И триумфа в 49 г. не было. Судя по всему, триумф в честь блистательных побед над фракийцами и Митридатом уже был несколько раньше. И чествовали А. Дидия Галла вполне заслуженно.

В 45 г. римляне реально оказались в Пантикапее и участвовали в свержении Митридата в пользу его брата Котиса, но сил вифинских когорт Г. Юлия Аквилы хватило только на помощь в контролировании столицы Боспора. Конкретно оформилось двоевластие двух братьев, причем позиции Митридата находились не далее суточного перехода от Пантикапея. Но в помощь Котису прибыл из Мёзии корпус А. Дидия Галла, разгромил оставшиеся в европейском Боспоре позиции Митридата, причем сделал это даже вероятнее осенью 47-го г., нежели 46-го г. После этого Дидий Галл вернул свою армию в Мёзию и вскоре был почтен наивысшими римскими почестями — праздновать столь пышно пленение упрямого потомка великого недруга римлян Митридата Евпатора Клавдий уже счел неполитичным. Ожидавшие успеха римлян греки в Ольвии и Херсонесе отметили это свершившееся событие в те же 46 и 47 гг. Победа именно А. Дидия Галла знаменовала взятие римлянами под контроль практически всего северопонтийского региона. Для подчинения Фракии и Боспора в низовья Дуная были стянуты три легиона плюс *auxilia*, которые сформировали передовую линию для ведения агрессивной внешней политики. В Мёзии оформился *limes*, из лагерей которого уходили в походы или в качестве гарнизонов целые римские формирования или их *вексилляции*. Дунайский лимес стал важнейшим для Римской империи, сменив Рейнский, — на нем далее решалась судьба великого античного государства.

Римляне из фракоязычной Мёзии оккупировали Фракию. Войска оттуда и из фракоязычной Вифинии вторглись в Северное Причерноморье — и на Боспоре повлияли на судьбы местных правителей фракийского происхождения. Да и позднее многие римские солдаты, служившие в гарнизонах в Северном Причерноморье, оказались фракийского происхождения. По иронии судьбы уже много лет фракийцы воевали за противоборствовавшие стороны: служили то Митридату Евпатору и его потомкам, то Риму, пока не определился сильнейший.

Литература

1. *Абрамзон М.Г., Винокуров Е.И., Трейстер М.Ю.* Два клада монет и ювелирных изделий времени боспоро-римской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // Вестник древней истории. 2012. № 3. С. 93–146.
2. *Абрамзон М.Г., Винокуров Е.И., Трейстер М.Ю.* Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии: тезисы докладов Международной конференции «XV Боспорские чтения». Керчь: Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, Центр археологических исследований БФ «Деметра». 2014. С. 5–16.
3. *Блаватский В.Д.* О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. // *Archaeologia Polona*. 1973. Т. 14. С. 215–222.

4. *Винокуров Н.И.* Изучение некрополя городища Артезиан в 2001 г. // *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор.* Москва; Киев; Запорожье: Дикое поле, 2007. С. 351–401.
5. *Винокуров Н.И.* Надгробные памятники некрополя и городища Артезиан // *Материалы Вторых Боспорских чтений.* Керчь: Керченская городская типография, 2001. С. 16–24.
6. *Винокуров Н.И.* Новые изображения всадников на Боспоре // *Древности Боспора.* Вып. 5. М.: ИПШ Гриф и К, 2002. С. 70–86.
7. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: АН СССР, 1949. 624 с.
8. Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
9. *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 332 с.
10. *Сапрыкин С.Ю., Винокуров Н.И., Белоусов А.В.* Городище Артезиан в Восточном Крыму (его жители и культы) // *Вестник древней истории.* 2014. № 3. С. 134–162.
11. *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (сер. I в. до н. э. – IV в. н. э.). Ч. 1. М.: Наука, 1997. 448 с.
12. *Щукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 323 с.
13. Кратка енциклопедия на тракийските древности. София: Аргес, 1993. 315 с.
14. *Тачева М.* История на българските земи в древността. Ч. 2. София: Наука и изкуство, 1987. 281 с.
15. *Тачева М.* История на българските земи в древността. Ч. 2. 2-е изд., доп. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1997. 358 с.

Literatura

1. *Abramzon M.G., Vinokurov E.I., Trejster M.Yu.* Dva klada monet i yuvelirny'x izdelij vremeni bosporo-rimskoj vojny' 45–49 gg. s gorodishha Artezian // *Vestnik drevnej istorii.* 2012. № 3. S. 93–146.
2. *Abramzon M.G., Vinokurov E.I., Trejster M.Yu.* Xronologicheskie indikatory' i problemy' interpretacii sloya bosporo-rimskoj vojny' gorodishha Artezian // *Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Aktual'ny'e problemy' xronologii: tezisy' dokladov Mezhdunarodnoj konferencii «XV Bosporskie chteniya».* Kerch': Kry'mskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya NAN Ukrainy', Centr arxeologicheskix issledovanij BF «Demetra». 2014. S. 5–16.
3. *Blavatskij V.D.* O rimskix vojskax na Tavricheskom poluostrove v I v. n. e'. // *Archaeologia Polona.* 1973. T. 14. S. 215–222.
4. *Vinokurov N.I.* Izuchenie nekropolya gorodishha Artezian v 2001 g. // *Antichny'j mir i varvary' na yuge Rossii i Ukrainy'.* Ol'viya. Skifiya. Bospor. Moskva; Kiev; Zaporozh'e: Dikoe pole, 2007. S. 351–401.
5. *Vinokurov N.I.* Nadgrobny'e pamyatniki nekropolya i gorodishha Artezian // *Materialy' Vtory'x Bosporskix chtenij.* Kerch': Kerchenskaya gorodskaya tipografiya, 2001. S. 16–24.
6. *Vinokurov N.I.* Novy'e izobrazheniya vsadnikov na Bospore // *Drevnosti Bospora.* Vy'p. 5. М.: IPP Grif i K, 2002. S. 70–86.
7. *Gajdukevich V.F.* Bosporskoe czarstvo. М.; Л.: AN SSSR, 1949. 624 с.
8. Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.

9. *Kry'kin S.M.* Frakijczy' v antichnom Severnom Prichernomor'e. M.: Prometej, 1993. 332 s.
10. *Sapry'kin S.Yu., Vinokurov N.I., Belousov A.V.* Gorodishhe Artezian v Vostochnom Kry'mu (ego zhiteli i kul'ty') // *Vestnik drevnej istorii*. 2014. № 3. S. 134–162.
11. *Frolova N.A.* Monetnoe delo Bospora (ser. I v. do n. e'. – IV v. n. e'). Ch. 1. M.: Nauka, 1997. 448 s.
12. *Shhukin M.B.* Na rubezhe e'r. Opy't istoriko-arxeologicheskoy rekonstrukcii politicheskix soby'tij III v. do n. e'. – I v. n. e'. v Vostochnoj i Central'noj Evrope. SPb.: Farn, 1994. 323 s.
13. *Kratka enciklopediya na trakijskite drevnosti*. Sofiya: Arges, 1993. 315 s.
14. *Tacheva M.* Istoriya na b'lgarskite zemi v drevnostta. Ch. 2. Sofiya: Nauka i izkustvo, 1987. 281 s.
15. *Tacheva M.* Istoriya na b'lgarskite zemi v drevnostta. Ch. 2. 2 izd., dop. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Oxridski», 1997. 358 s.

*N.I. Vinokurov,
S.M. Krykin*

Rome, Bosphorus and Thracia in the Middle of the 1st Century AD

Some interesting facts in Roman history took place in the middle of 40s of the 1st century AD. Thracian kingdom became a Roman province. Roman forces landed in the Crimea and participated in dethroning of the legitimate king of Bosphorus. Thracian and Bosphorus governors turned to be relatives and they acted in similar ways. It seems there was a close connection between two Roman actions.

Keywords: Rome; Bosphorus; Thracia; rebellions; Bosphorus-Roman war; conspiracies.

Н.В. Сидоров

Значение турниров и турнирных поединков в формировании европейского рыцарского сословия

Основной темой статьи является анализ значения турниров в военной истории средневековой Европы. Автором структурированы и проанализированы различные виды турнирных боев. Показано консолидирующее значение турниров, способствовавшее формированию единой европейской рыцарской культуры.

Ключевые слова: военная история; Средневековье; европейская культура; поединок; рыцарство; турнир.

Представление о Средних веках в современной массовой культуре строится в основном вокруг военной истории. Окутанный ореолом романтики образ благородного рыцаря до сих пор будоражит многие умы. О рыцарстве пишут книги, снимают фильмы, в одних из них стараются поддержать создаваемый веками образ, в других, напротив, пытаются сыграть на чувстве противоречия и показывают рыцарей с неприглядной стороны. Одним из самых популяризированных элементов рыцарской культуры является турнир. Это мероприятие представляется красивым праздником со зрелищными боями и представлениями [7: с. 34–35]. Однако мало кто рассматривает турниры как значительное культурное явление, имеющее свои причины возникновения и путь эволюции, предпочитая глубокому анализу поверхностное рассмотрение внешней стороны этих мероприятий. Тем не менее значение турниров для формирования и сохранения образа Средних веков трудно переоценить.

Турниры (Tournois) или «бой на ристалище» (bataille en lice) возникли в XII веке в качестве военной тренировки, необходимой для поддержания боеспособности армии во время мира. Поскольку средневековая война была войной малых армий, огромное значение имели личные боевые навыки каждого конкретного бойца [5: с. 92–94].

Эффективность бойца зависела от многих факторов, таких как качество наездника, фехтовальное мастерство, сила, выносливость и, конечно, опыт. Кроме того, на результат сражения влияли также навыки взаимодействия между людьми в малых отрядах (рыцарь вместе со своими конными слугами, как правило, выступал одной боевой единицей). Однако в Средневековье еще не существовало методики регулярной воинской подготовки, которая начала появляться лишь в XV веке [2: с. 47–49]. До этого момента ее роль исполняли турниры.

Существовало два вида турнирных боев: *поединок* и *бугурт*. Более ранней формой турнирного поединка был *бугурт* — массовое сражение. Первоначально он представлял собой сражение отрядов двух феодалов. Бойцы, участвующие в бугурте, должны были сражаться верхом, в полном боевом облачении и с боевым оружием. Боец выходил из боя, будучи выбит из седла, или же признав свое поражение в той ситуации, когда не мог продолжать сражаться. Естественно, в таких условиях бугурт был жестоким и кровавым боем с множеством убитых и раненых, практически ничем не отличающимся от настоящего сражения.

Второй тип — *поединок*. Любой рыцарь на турнире мог стать авантюрьером (зачинщиком), вызвав на поединок другого рыцаря, который становился мантенадором (принимающим вызов). При этом заранее устанавливались правила проведения поединка. Стороны договаривались об оружии (список допустимого снаряжения ограничивался рыцарским боевым обмундированием). А также об условиях победы, среди которых могли быть такие: введение противника в крайность (*outrager*), т. е. доведение его до такого состояния, в котором он уже не мог сопротивляться; признание поражения, нанесение оговоренного числа попаданий, за чем следили специальные судьи. Поскольку в поединке рыцари сражались также боевым оружием, сохранялась высокая вероятность гибели одного из бойцов [6: с. 24–25].

Подобные поединки происходили не только во время турниров, но и при дворах государей. Свою готовность к участию в поединке рыцарь обозначал обычно символическим предметом костюма. Таким предметом, например, мог быть платок дамы, небольшие оковы из драгоценных металлов, с которыми был связан обет рыцаря — сразиться с каждым, кто прикоснется к этому символу [8: с. 156–157]. От того, как претендент прикоснется к вещи, зависело, предстоит ли куртуазный бой по турнирным правилам (*combats de plaisance*) или же сражение до смерти (*combat a outrance*). Традиция позволяла вызвать на поединок любого рыцаря ради славы.

Турниры приурочивались к праздникам или дням святых. С развитием турнирной культуры усложнялся церемониал, турниры стали неотъемлемой частью благородного образа жизни. Празднества, которые открывали и завершали турниры, были местом встреч для простого общения между рыцарями и серьезно влияли на формирование рыцарской этики. Именно здесь обзаводились новыми полезными знакомствами и будущими врагами. На турнирных встречах рыцари имели возможность показать себя не только как бойцы, но и как щедрые и богатые господа, доказать свое благородное происхождение путем гербовой экспертизы. Немаловажным элементом турнирной культуры был образ прекрасной дамы, который воодушевлял рыцарей на бой. Турнирные подвиги совершались ради внимания прекрасной дамы, которая, оказывая честь самому достойному рыцарю, повязывала на его шлем или копье свой платок или шарф [8: с. 139]. Конечно же, как и в случаях с остальными рыцарскими подвигами, в турнирах рыцари участвовали ради собственной славы.

До XIV века с турнирами боролась католическая церковь, подвергая участников проклятию и запрещая хоронить убитых на турнире в освященной земле, если только те перед смертью не успели принять монашеский постриг. Участники турниров обвинялись в том, что они, благородные люди, берут на себя грех убийства и самоубийства. Слава возвеличивает гордыню, а подвиги в честь прекрасной дамы приводят к нарушению супружеской верности [8: с. 140]. Только в 1316 году папа Иоанн XXII снял церковные запреты с участников турниров, признав бессмысленность этой борьбы.

До начала XIV века с турнирами боролось также и государство. Несмотря на то, что турниры были полезны для обучения воинов, они в то же время угрожали центральной власти. Во-первых, скопление в одном месте агрессивно настроенных рыцарей могло с легкостью перерасти в феодальную войну [1: с. 78–81]. Во-вторых, турниры иногда использовались для того, чтобы мятежные землевладельцы могли собраться вместе, не вызывая подозрений. Так, в 1215 году английские бароны использовали турнир в качестве повода для начала войны против короля Иоанна Безземельного, в результате чего он вынужден был подписать Великую хартию вольностей. На турнире в 1400 году в Оксфорде противники английского короля, собравшись вместе, попытались убить его и его детей [3: с. 14–15]. В-третьих, турниры отвлекали рыцарей от военных действий, будучи гораздо более привлекательным времяпрепровождением. В-четвертых, турниры становились местом безнадзорных расправ с личными противниками. В целом турниры слишком угрожали жизням членов благородного сословия, которые исполняли ряд важных функций в осуществлении контроля над территориями государства.

Попытка королевского запрета турниров не принесла желаемого результата. Вместо того, чтобы отказаться от них, крупные феодалы перехватили контроль над организацией турниров, тем самым лишь увеличив их количество. К началу XIV века одновременно со снятием церковных запретов были сняты и запреты светские, что косвенно повлекло за собой смягчение правил и появление нового турнирного вооружения и, соответственно, специальных доспехов, предназначенных для защиты от нового оружия. Появились тупые широкие мечи, ломкие копыя с широкими наконечниками. Смягчение правил проявилось в том, что в бугурте начали уравнивать число бойцов с каждой стороны. Кроме того, набирали популярность турнирные пешие схватки с боевым оружием, которые прежде были уделом «военных бугуртов»¹. Это связано с изменением рыцарской тактики на поле сражения. Во времена Столетней войны рыцари впервые использовались массово в пешем строю. Вместе с тем в XIV веке появляются новые доспехи и оружие, которые были удобнее для пешего боя.

Все это значительно снижало травмоопасность турниров, но отнюдь не защищало от несчастного случая или умышленного убийства. Более того,

¹ Военный бугурт — договорное сражение между рыцарями в ходе полномасштабной войны.

далеко не всех удовлетворяли новые, «гуманные», правила турниров, и многие бои все же проводились заточенным оружием [4: с. 234–235].

Так, например, турнир в Павии в 1453 году стал местом настоящего боя между гвельфами и гибеллинами². А в 1605 году шевалье де Гиз тяжело ранил копьем Франсуа де Бассомпьера, узнав о его связи со своей любовницей Генриеттой д'Антрэг. Во время конной сшибки он направил свое копье не снизу вверх, метаясь в корпус или шлем (таким ударом было проще выбить человека из седла), но сверху вниз, в живот. При ударе копье сломалось, и щепа вошла в бедро будущему маршалу Франции, надолго приковав его к постели [9: р. 134].

В XVII веке турниры уже были явным анахронизмом и проводились крайне редко. Завершение эпохи турниров связывают с турниром, посвященным Като-Камбрезийскому миру (29–30 июня 1559 года), который положил конец Итальянским войнам. Во второй день турнира, во время конной сшибки короля Генриха II с капитаном шотландской гвардии Габриэлем де Лоржем, графом де Монтгомери, копье графа сломалось о щит, обломки попали в забрало, выбили глаз королю и частично вышли через висок. 10 июля 1559 года Генрих II умер, несмотря на оказанную медицинскую помощь, и смерть короля сильно охладила интерес дворянства к турнирам [3: с. 19].

Турниры зародились в качестве тренировок для дружин, но гораздо важнее их значение в качестве мероприятий общеевропейского уровня. На турнирах собирались рыцари, служившие разным феодалам, благодаря чему налаживались связи как внутри страны, так и вне ее. Тем самым турниры способствовали формированию единого информационного пространства благородного сословия. Турнирные традиции изначально устанавливали правила боя и набор применяемого вооружения. Но главное, в турнирных схватках культивировалось уважение к сопернику, которое проявлялось в том числе в неприемлемости использования недостойных приемов. Тем самым турниры обеспечили возможность формирования единого рыцарского кодекса чести, постулаты которого до сих пор вызывают интерес людей по всему миру.

Литература

1. *Кленшан Ф.* Рыцарство. СПб.: Евразия, 2004. 194 с.
2. *Макиавелли Н.* О военном искусстве. СПб.: Азбука-Классика, 2010. 256 с.
3. *Новосёлов В.Р.* Последний довод чести. Дуэль во Франции в XVI – начале XVII столетия. СПб.: Атлант, 2005. 284 с.
4. *Такман Б.* Загадка XVI века. М.: АСТ, 2013. 700 с.
5. *Флори Ж.* Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб.: Евразия, 1999. 314 с.
6. *Хаттон А.* Меч сквозь столетия. Искусство владения оружием. М.: Центрполиграф, 2006. 336 с.

² На территории Италии в XIII–XVI веках шла непрекращающаяся борьба между двумя враждующими партиями — гвельфами и гибеллинами. Первые являлись сторонниками ограничения влияния императора Священной Римской империи в Италии и поддерживали римского папу. Вторые были сторонниками императора.

7. *Xatton A.* Холодное оружие Европы. Приемы великих мастеров фехтования. М.: Центрполиграф, 2008. 221 с.
8. *Xёйзинга Й.* Осень Средневековья. М.: Прогресс, 1996. 416 с.
9. *Brantome P.* Oeuvres completes. La Haye: Aux dépens du Libraire, 1740. 396 p.

Literatura

1. *Klenshan F.* Ry'czarstvo. SPb.: Evraziya, 2004. 194 s.
2. *Makiavelli N.* O voennom iskusstve. SPb.: Azbuka-Klassika, 2010. 256 s.
3. *Novosyolov V.R.* Poslednij dovod chesti. Due'l' vo Francii v XVI – nachale XVII stoletiya. SPb.: Atlant, 2005. 284 s.
4. *Takman B.* Zagadka XVI veka. M.: AST, 2013. 700 s.
5. *Flori Zh.* Ideologiya mecha. Predy'storiya ry'czarstva. SPb.: Evraziya, 1999. 314 s.
6. *Xatton A.* Mech skvoz' stoletiya. Iskusstvo vladeniya oruzhiem. M.: Centrpoligraf, 2006. 336 s.
7. *Xatton A.* Xolodnoe oruzhie Evropy'. Priemy' velikix masterov fehtovaniya. M.: Centrpoligraf, 2008. 221 s.
8. *Xyojzinga J.* Osen' Srednevekov'ya. M.: Progress, 1996. 416 s.
9. *Brantome P.* Oeuvres completes. La Haye: Aux dépens du Libraire, 1740. 396 r.

N.V. Sidorov

The Role of Tournaments and Tournament Combats in the Formation of European Knightage

The main theme of the article is to analyze the values of tournaments in the military history of medieval Europe. The author structured and analyzed various types of tournament fights. Consolidating value of tournaments, that promoted the formation of a common European chivalric culture is shown.

Keywords: military history; Middle Ages; European culture; duel; knighthood; tournament.

Р.В. Фурцев

Рейхстаги и имперские реформы в конце XV – начале XVI веков

В статье рассматриваются вопросы установления места и роли рейхстага как института власти в системе государственного управления Священной Римской империи, а также проблемы взаимоотношений между сословиями и Максимилианом I Габсбургом в свете процесса инициирования имперских реформ.

Ключевые слова: империя; сословия; рейхстаг; политика; реформы.

Священная Римская империя немецкой нации вступила в раннее Новое время с характерной двойственной структурой управления: территориально-княжеская власть венчалась короной, имея собственные институты власти в наследственных землях. Оба полюса были слишком сильны, чтобы сдвинуть вековое противоборство в чью-либо сторону. Зачастую этот период именуют временем «уплотнения» социально-политических процессов, высокой динамики общественной жизни, позволившей династии Габсбургов создать в империи мощный плацдарм в виде австрийских княжеств и выйти из опасного кризиса времен Фридриха III (1440–1493). Время властно требовало реформ в тесном взаимодействии с имперскими сословиями: только так династия могла сохранить реальный вес среди своих подданных.

Как известно, в империи в роли законодательного органа выступал рейхстаг, решения которого формально были обязательными для всех имперских сословий. Однако на практике его постановления далеко не всегда выполнялись, поскольку сословия обладали значительным суверенитетом как во внутренней, так и во внешней политике. Более того, со временем их полномочия постепенно расширялись. Если такие западноевропейские государства, как Франция и Англия, в рассматриваемый период уже начали движение по пути формирования современного бюрократического государства, то в империи этот процесс происходил на территориальном уровне, т. е. уровне отдельных имперских сословий. Тем не менее попытки превратить империю в сильную централизованную монархию активно предпринимались императорами из династии Габсбургов, прежде всего Максимилианом I (1493–1519) и Карлом V (1519–1556), и не в последнюю очередь ввиду нараставшей турецкой угрозы.

Но империя не могла стать централизованным государством, пока в ней широкое распространение имело независимое от королей дворянство. К тому же она была слишком велика и разнородна для осуществления эффективного контроля со стороны центральной власти. А избрание императоров

целиком зависело от коллегии курфюрстов, выторговывавших привилегии для своих территорий. С течением времени место собрания придворной знати (Hoftag) занял съезд имперских сословий (Reichstag), разделенный на три курии, т. е. курфюрстов, князей и городов. Разумеется, для создания единого централизованного государства требовалось провести реформы. Однако их можно было реализовать только с согласия и при помощи рейхстага. С другой стороны, Германия играла в политике как Максимилиана I, так и особенно Карла V все же подчиненную роль. А сопротивление высшей имперской аристократии приобрело при Карле V еще и религиозную форму. Во всяком случае земельные князья становились территориальными князьями, которые начинали приобретать право установления законодательства. Но даже в XVI веке родовые земли Габсбургов еще нельзя было в полной мере считать государством [13: s. 45].

Специфика государственного строительства германских земель раннего Нового времени отличалась от аналогичного процесса, протекавшего в других частях Западной Европы, главным образом в двух аспектах: оно было запоздалым как минимум на полстолетия и происходило на территориальном уровне, а в вольных городах и на локальном уровне. Кроме того, подчинение церкви государству вследствие Реформации давало возможность германским территориальным князьям усиливать свою автономию по отношению к императорам и спокойно развивать собственную государственность. Несомненно, в отношениях между сословиями и императорами большую роль играли унаследованные от Средневековья и растущие в еще большей степени финансовые потребности империи в области госуправления, внешней политики и войн. Именно территориальные силы, а не императоры, имели к началу XVI века достаточную силу для того, чтобы приблизиться к осуществлению построения абсолютистских территориальных государств. Сословия уже давно и настойчиво требовали реформ в сфере имперского управления. Реформистские устремления Максимилиана I, а именно установление в 1495 году Вечного мира, создание имперского суда, введение имперского налога, элементов общеимперской системы госуправления, создание имперских округов, должны были бы способствовать существенному улучшению управления империей на пути создания единого государства. Но этому процессу препятствовало отсутствие необходимых органов исполнительной власти и финансовых средств. Причем ни Максимилиан I, ни его внук особо не стремились решать эту проблему. К территориям кайзеры обратились слишком поздно, и те уже не могли отказаться от прав, которые им достались в прежние времена [7: s. 86]. Теоретически рейхстаг был органом представительства имперских сословий для содействия управлению и законотворчеству в империи. Однако на деле многое происходило по иным сценариям.

Опорой императоров вплоть до конца существования империи были отдельные группы имперских сословий и социальные группы, представлявшие собой клиентелы по отношению к своему патрону точно так же, как это было везде в Европе в Средние века и в раннее Новое время. Это были группы

из высшего и низшего духовенства, графов и баронов, из рыцарей и городских бюргеров. Проблема финансирования политических мероприятий императора и общеимперских учреждений являлась важнейшим индикатором их отношений с имперскими властями и катализатором территориализации. Собрания знати в средневековой Священной Римской империи открывали дорогу к рейхстагам раннего Нового времени, на которых монархи пытались скорректировать имперскую конституцию в своих интересах. В этом смысле разного рода союзы, вроде Швабского союза, и региональные ассоциации имперских сословий были средствами проведения такой политики. Но в словесном смысле они занимали традиционные позиции, политически и экономически сочлененные в иерархическом плане [9: s. 10–11].

В конституировании рейхстага большая роль принадлежала коллегии курфюрстов, которая уже в середине XIV века стала в высшей степени закрытым собранием, а в конце XV века приобрела по отношению к другим группам имперских сословий особое положение. Другим важным моментом стало введение принципа большинства при принятии решений рейхстага в ходе имперской реформы конца XV века, что подготовило возникновение в 30-е и 50-е годы XVI века собраний имперских округов (Reichskreistag) и имперских депутаций (Reichsdeputationstag), на которых предварительно представители сословий обсуждали вопрос, проводить рейхстаг или нет. Участники этих собраний представляли на них интересы тех групп имперских сословий, к которым они принадлежали [11: s. 139, 141]. Тогда же окончательно определился порядок проведения рейхстагов, которые начинались с чтения предложений императора, а заканчивались заседанием трех коллегий, на котором зачитывались резолюции рейхстага самим императором либо эрцканцлером. Монарх мог одобрить мнение рейхстага или его отклонить, хотя избирательная капитуляция обязывала его принять постановления высшего сословно-представительного органа империи [4: s. 91]. В принципе рейхстаг был строго иерархизированным учреждением согласно всем правилам ленно-вассальной иерархии, т. е. сверху располагалась курия курфюрстов, ниже — курия князей, затем — курия городов. Правило ранжирования строго соблюдалось. Сопротивление дворянства принципу получения большинства голосов путем деления наследственных владений хорошо объясняется тем, что благодаря родственным связям обеспечивалось большинство голосов в куриях [3: s. 100].

Возникновение курии курфюрстов вообще точно не датировано, но уже в XII веке четыре рейнских князя (три архиепископа и пфальцграф Рейнский) фигурировали в качестве «делателей королей», к которым несколько позднее присоединились герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский. Далее эта группа получила название «выборщиков короля» и лишь в 1298 году в результате соглашения в Нюрнберге между Альбрехтом Австрийским и его выборщиками ее члены впервые именуется как курфюрсты. Затем в Золотой булле Карла IV в 1356 году курия курфюрстов была окончательно определена в количестве

семи членов (седьмым был чешский король, т. е. сам Карл IV). Таким образом, завершился начатый еще в 1002 году процесс формирования круга высшей имперской аристократии, выбирающей императора: сам процесс избрания с соответствующими ритуалами считался выполнением курфюрстами своего служебного долга [19: s. 321]. В Золотой булле были окончательно определены права и обязанности курфюрстов во время избрания и коронации императоров. Далее устанавливалось право первородства, т. е. наследования звания курфюрстов старшими сыновьями светских членов курии или избранными соборным капиталом коадьюторами, иными словами, наследниками церковных иерархов. Формально курия курфюрстов была утверждена первый раз на рейхстаге 1486 года. В XVII веке в курию курфюрстов были введены соответственно герцог Баварский и герцог Ганноверский. Король Чешский (Богемский) принимал участие только в выборах императора. Окончательное решение о присутствии чешского короля в качестве полноправного члена курии курфюрстов на рейхстагах было принято только в 1708 году. А в роли эрцканцлеров империи традиционно выступали курфюрсты Майнцские [3: s. 104]. Курфюрсты рассматривали свою коллегия как санкционированную Золотой буллой олигархическую верхушку в имперской политике, всячески претендуя на ведущее положение в делах государственного управления. Имперские князья ревниво относились к такой роли курфюрстов, что неизбежно вело к соперничеству между обеими куриями.

На имперских собраниях XIV–XV веков среднее и мелкое дворянство не составляло сословной группы и, как правило, входило в клиентелу курфюрстов и князей. Что касается имперских и «вольных» городов, то юридическое оформление их представительства на рейхстагах происходит только в конце XV века, хотя значение бюргерства крупных городов в общественно-политической жизни империи этих столетий было совсем не маленьким. Императоры и князья стремились ослабить позиции бюргерства, которое, несмотря на это, усиливало свое влияние по мере укрепления городских союзов в Южной и Западной Германии. К концу этого же столетия заканчивается и институциональное оформление курии князей: они и имперские графы выступают в защиту своих интересов против императоров и коллегии курфюрстов. В их число входят также архиепископы, епископы, аббаты. Число духовных князей к этому времени уже уменьшилось с 70 до 50, а вследствие Реформации и перехода иерархов церкви в круг светских феодалов их количество продолжило тенденцию к сокращению. К ним примыкали бароны, не являвшиеся духовными князьями крупные прелаты и представители имперского дворянства. Все они, естественно, по мере территориализации отдавали свои голоса на рейхстагах за интересы своих территорий. Параллельно складыванию коллегии князей происходит и конституирование курии имперских «вольных» городов, которые получают право решающего голоса только в 1582 году (до этого они имели только два консультативных голоса), а равные права с другими куриями в 1648 году. Города видели в создании своего собственного собрания инструмент защиты своих интересов при решении важнейших

вопросов имперской политики. Последний всеобщий съезд представителей городов произошел в 1508 году. В это время количество его участников достигало 85, но в последующем уменьшилось до 50. Положение городов и их влияние на рейхстагах было, как видно, незначительным вплоть до Вестфальского мира. Императоры же, находясь на вершине ленно-вассальной пирамиды, по мере становления территориальной государственности были вынуждены в своих избирательных капитуляциях отказываться от некоторых своих привилегий и прав. Де-факто они сохраняли за собой право созыва и роспуска рейхстага, а также — при благоприятном раскладе сил — и влияние на ход работы рейхстага. Императорские комиссары имели, по сути, лишь право передать инструкции императора в канцелярию эрцканцлера. При Карле V его брат Фердинанд стал наместником императора на рейхстагах с правом созывать и распускать их [4: s. 99].

В целом же политическая конъюнктура того времени больше способствовала укреплению княжеского территориализма, нежели утверждению городских общин. Кроме того, имело место ранжирование курфюрстов и князей в зависимости от величины их владений, количества подданных, финансовых и военных ресурсов. Значительную роль играли также близость или отдаленность территорий от главных центров имперской политики, которые при Максимилиане I еще располагались на юге и западе Германии. Курфюрсты Бранденбургские находились, например, на периферии имперской политики, хотя по размерам владений превосходили герцогов Баварских [6: s. 29–30].

Рейхстаги второй половины XV века, предшествовавшие знаменитому Вормсскому рейхстагу 1495 года, отразили в своей деятельности проекты и попытки проведения имперских реформ, целью которых являлось установление единого государственно-политического порядка. В программе видного деятеля католической церкви и гуманиста кардинала Николая Кузанского «*Concordantia catholica*» предлагалось параллельное усиление власти императора и имперских сословий. Но в реальности дела обстояли несколько иначе. В этом смысле отдельное место занимает Франкфуртский рейхстаг 1485–1486 годов, где ряд курфюрстов во главе с эрцканцлером, курфюрстом Бертольдом Майнцским выступили против попыток Габсбургов, направленных на консолидацию монаршей власти. Максимилиан I, избранный на этом рейхстаге римским королем и зависевший от позиции курфюрстов в свете предстоящей императорской коронации, ничего не смог противопоставить такому развитию событий. Удалось лишь установить в стране земский мир сроком на 10 лет. Попытки же учреждения единого имперского суда тогда не увенчались успехом. Партия архиепископа Майнцкого, правда, добилась улучшения организации работы рейхстагов, однако исключительно с целью усиления роли имперской канцелярии, руководимой эрцканцлером, как органа исполнительной власти. Но поскольку эрцканцлер не был заинтересован в укреплении позиций императора, такой вариант фактически приводил бы только к двоевластию.

Бертольда Майнцского вполне можно было бы назвать федералистом, отстаивавшим идею территориального княжеского суверенитета. В целом, конечно, программа федеративного государственно-политического устройства империи в большей степени соответствовала реальному положению дел в стране. Однако в проекте Бертольда по созданию централизованного государства ведущая роль принадлежала коллегии курфюрстов, в то время как Максимилиан I стремился к централизации по франко-бургундскому образцу, что ему уже удалось осуществить в своих родовых австрийских землях [15: s. 67–69].

Необходимость проведения реформ по реорганизации государственно-политического устройства империи диктовалась во многом неопределенностью отношений императора и сословий, а также ситуацией на внешних границах и в родовых владениях Габсбургов. С одной стороны, еще были свежи в памяти войны между Фридрихом III и венгерским королем Матиашем Хуниади (Корвином), который в 1483 году даже захватил Вену. Только в 1491 году Максимилиану удалось решить венгерский вопрос военным, а затем и дипломатическим путем, когда новый венгерский король Владислав II из польской династии Ягеллонов заключил с ним Пресбургский мир, согласно которому в случае смерти бездетного Владислава венгерская корона должна была перейти к Габсбургам. Но в это же время Максимилиан I был втянут в затяжной конфликт с Францией из-за бургундского наследства. Лишь в 1493 году с Францией был подписан мир в Сенли, решивший проблему бургундского наследства и споров из-за Бретани. Но ресурсы Максимилиана I были исчерпаны, поэтому он нуждался в кардинальной перестройке финансовой системы империи. К тому же ему было необходимо укрепить свои позиции внутри империи и в Европе ради активизации восточной политики, главной целью которой служила подготовка крестового похода против турок [17: s. 185]. Именно организация отпора венгерскому королю и крестового похода были исходными моментами в разработке Максимилианом I имперской реформы в монархическом духе, основной упор в которой был сделан на вопросах земского мира, имперского суда и введения общеимперской денежной единицы. На рейхстаге в Нюрнберге в 1489 году Максимилиан I ради достижения широкого консенсуса в решении проблем даже согласился на ряд структурных изменений в работе рейхстага в пользу сословий. Естественно, что в годы, предшествовавшие Вормскому рейхстагу 1495 года, сословия могли сформулировать и обозначить собственные позиции по основным пунктам реформы [2: s. 150–151].

Рейхстаг в Вормсе 1495 года проходил в весьма неблагоприятной для Максимилиана I внешнеполитической обстановке. В свою очередь реализация сложных задач на внешнем фронте всецело зависела от финансовой помощи сословий. Итальянский поход французского короля Карла VIII, начавшийся в сентябре 1494 года, представлял собой угрозу не только для имперских владений Италии, но и в перспективе мог привести к изменению баланса сил в Европе в пользу

Франции и, следовательно, к ослаблению позиций империи. Поэтому в задуманной им широкомасштабной войне против Франции Максимилиан I намеревался не только укрепить свои позиции в Италии, но и восстановить власть бургундского дома в Пикардии, герцогстве Бургундском, графстве Артуа и Брабанте. Но для осуществления этих планов ему неизменно требовалась финансовая поддержка сословий, получить которую можно было только ценой новых уступок и фактического отказа от реализации своего проекта имперской реформы. Вормсский рейхстаг теперь должен был уже двигаться по совершенно другому пути, нежели тот, который ему предназначался в монарших планах проведения имперской реформы. Курфюрсты, так или иначе, собирались установить подконтрольную им систему имперского управления [8: s. 46].

Проблема имперской реформы в результате положения, сложившегося в европейской политике, стала лишь частью внутривполитической дискуссии. Курфюрсты и князья сделали вопрос о финансовой поддержке императора гарантией и фундаментом их политической самостоятельности. Шаг за шагом, как показывают документы и переписка вокруг рейхстага, они смягчали предложения советников императора и заменяли их предложениями Бертольда Майнцского. В результате Вормсский рейхстаг, как подчеркивает немецкий историк Х. Ангермайер, становился поворотным пунктом в формировании имперской политики и имперской конституции, ставившим Максимилиана I и имперское управление в новое положение на европейском уровне [1: s. 30].

Вормсский рейхстаг 1495 года работал очень долго — с 18 марта до 10 сентября. Если в централизованных западноевропейских монархиях того времени короли являлись источниками законного порядка и государственности, будучи одновременно законодателями, правителями и верховными судьями, то в империи ситуация была иной. Рейхстаг в конституционно-правовом отношении не представлял собой самостоятельного органа, его созыв относился к компетенции короля. Курфюрсты, князья, графы представляли по существу самих себя, а города — верхушку их населения. С одной стороны, рейхстаг становился партнером монарха, а с другой — о легитимной сословной оппозиции едва ли можно было говорить, поскольку законными являлись только действия и предложения императора. Но без согласия сословий ни одно из предложений монарха не могло обрести законную силу.

Каковы же были решения рейхстага 1495 года? Первое из них касалось установления Вечного земского мира, согласно которому запрещались междоусобные войны, что гарантировало сохранность территорий средних и малых имперских феодалов, а также вводилась подсудность священнослужителей светскому суду в случаях совершения ими уголовных преступлений. Не менее важным было создание институтов Высшего апелляционного суда. Но, конечно, до установления единой правовой системы было еще далеко. Максимилиан I акцентировал внимание на самостоятельности имперского апелляционного суда, т. е. независимости его от сословий, и в октябре 1495 года

в качестве верховного судьи в империи лично открыл первое его заседание. В целом можно сказать, что этот новый институт был скорее политическим компромиссом в отношениях между государем и сословиями, означавшим укрепление правовых норм по отношению к королевской власти и независимости его деятельности от двorca как центра средневековой системы власти. Это также означало выделение имперского Придворного Совета как нового органа персональной юрисдикции государя. Уже в 1498 году Максимилиан вывел Придворный Совет из системы имперских учреждений, что было завершено при императоре Фердинанде I в 1559 году, когда он окончательно стал самостоятельным судебным органом. Если имперский суд и Придворный Совет являлись центральными судебными органами, то в отдельных землях создавались земельные инстанционные суды, практически не подчинявшиеся центральному управлению. Кроме того, теоретическое обоснование римского права в качестве общеимперской нормы из-за сильного влияния территориального права и местных правовых обычаев было разрушено, что также помешало империи сделать важные шаги по пути формирования государства Нового времени [2: s. 174–175].

Кроме вышеперечисленных новаций огромное значение имело принятое рейхстагом 1495 года постановление о введении единого поголовного налога сроком на четыре года (имперского пфеннига). Данное решение в значительной степени являлось политическим, так как было принято в результате уступок со стороны Максимилиана I, а именно его согласием на введение налога каждый раз с санкции рейхстага. Фактически монарх лишился права учреждать налог с помощью собственных указов. Это была явная победа партии курфюрстов во главе с Бертольдом Майнцским. К тому же вместо запрошенных им субсидий в размере 8 миллионов гульденов Максимилиан I получил крайне ничтожную для ведения активной внешней имперской политики сумму в 300 тысяч флоринов [2: s. 182].

Начавшиеся на Вормском рейхстаге 1495 года имперские реформы затем были продолжены на рейхстагах 1496–1498 годов, где основной упор был сделан на дальнейших попытках упорядочить денежное обращение и ввести контроль за социальной жизнью путем «полицейского порядка» в том смысле, как он понимался в то время. В «полицейский порядок» включались соблюдение предписаний относительно ношения одежды представителями различных социальных слоев, постановления против брани, пьянства, фальсификации вина, распространения азартных игр и передвижений цыган, которые тогда считались турецкими шпионами [6: s. 77].

Принятие решений в рейхстаге большинством голосов во многом отвечало интересам не имперских органов власти, а интересам курий курфюрстов и князей. В принципе курфюрсты, имевшие свою клиентелу или просто сторонников или родственников среди князей, епископов и баронов, могли заблокировать любое невыгодное для них решение. По мнению немецкого

исследователя К. Шлайх, с одной стороны, консенсус требовался для всеобщего согласия, а с другой — складывавшаяся система голосования способствовала колебаниям при принятии заключительной резолюции большинством голосов. Императоры в свою очередь рассматривали принцип большинства как основание для обвинения тех сословий, которые не соглашались с их предложениями, требуя выполнения меньшинством решения большинства. Как утверждает К. Шлайх, нельзя проводить аналогии между решениями рейхстагов и категориями современного государственного права. Даже сопротивление сословий выплачивать требуемую сумму налогов объяснимо не только их нежеланием, но нередко и невозможностью сделать это по причине недостатка средств. Важно также отметить наличие корпоративного единства в куриях, несмотря на декларировавшиеся сословные свободы. Реально же это были корпоративные свободы, поэтому рейхстаг представлял собой скорее комбинацию объединений различных сословий, противостоящих императору. Свои обязанности сословия не рассматривали как выполнение юридического долга по осуществлению решений большинства на рейхстагах. Принцип большинства на рейхстагах XV–XVI веков не соответствовал принципу большинства при современной демократии, потому что рейхстаг не был представительным советом в широком смысле, ибо имперские сословия представляли только себя. Этот принцип имел гибкий характер и использовался в той мере, в какой его можно было использовать в политических целях [14: s. 302–305].

Наверное, стоит согласиться с тезисом Х. Ангермайера о том, что имперская реформа не была ни результатом, ни мотором политики. Собственно, компромисс 1495 года между монархом и сословиями был отражением сложившегося баланса сил в империи, что в свою очередь вело к созданию новой концепции политического устройства страны. Определенно можно говорить, что на этой основе на рубеже XV–XVI веков происходило развитие имперских институтов управления, которые развивались уже и по собственным законам, как бы защищаясь от политизации установленного конституционного порядка. Кстати, Х. Ангермайер выступает против давно сложившегося мнения о том, что Максимилиану I не удалось провести последовательного реформирования имперских институтов управления из-за того, что он был сильно отвлечен перипетиями итальянских войн в 1496–1500 годы, чем воспользовался для проведения в жизнь своего проекта имперской реформы Бертольд Майнцский. Вопрос, конечно, заключался в борьбе за финансовые ресурсы, а точнее, в решении проблемы имперского налога, ибо без постоянного имперского налогообложения нельзя было говорить об укреплении имперских институтов власти [2: s. 184–185]. Здесь необходимо учитывать позицию коллегии курфюрстов, которые хоть и не были заинтересованы в укреплении положения государя и имперских институтов власти, но, с другой стороны, они не стремились к распаду империи. Именно поэтому курфюрсты ставили вопрос о взимании имперского налога в зависимость от согласия сословий.

Вместе с тем, очевидно, нельзя полностью исключать роль итальянской политики Максимилиана I в сделанных им уступках сословиям. Как бы то ни было, но после завершения Вормского рейхстага 1495 года Габсбург имел перед собой только одну цель, заключающуюся в скорейшем проведении итальянского похода, урегулировании конфликтов со швейцарскими кантонами, создании антифранцузской коалиции и короновании императорской короной в Риме. А взятие и удержание Милана являлось ключевым моментом во франко-имперском соперничестве из-за установления гегемонии в Италии и во всей имперской политике в целом [18: s. 26, 28].

В конце XV века эрцканцлер империи во все большей степени становится выразителем чаяний сословий, нежели первым должностным лицом в высшем имперском управлении. Сопrotивление сословий политике Максимилиана I персонифицировалось в фигуре Бертольда Майнцского. Отношения между монархом и архиепископом становились все более напряженными. Имперская канцелярия зачастую действовала вопреки монаршим директивам, постепенно увеличивая свое влияние даже во внешнеполитической сфере, тем более что курфюрст Майнцкий выступал в роли представителя германского епископата в римской курии. Рейхстаг теперь оказался так или иначе вовлеченным во внешнеполитические дела империи и в зависимости от обстоятельств функционировал то как противник, то, наоборот, как партнер и совещательный орган императора. Следовательно, Максимилиану I было необходимо соответствующим образом представлять свои внешнеполитические проекты в посланиях к рейхстагу. Причем он не только информировал рейхстаг о своих намерениях, но также и испрашивал совета, содействия и помощи. Рейхстаг нередко становился местом оживленных дискуссий и словесных баталий между монархом и сословиями. Попытки эрцканцлера и некоторых князей противопоставить императору свое видение внешней политики империи приводили к обострению отношений между ними также и во внутривполитических вопросах.

В кажущейся хаотичности конфликтов, противоречий и трений между отдельными представителями сословий тем не менее существовал определенный порядок. Во-первых, сложились определенные зоны стабильности, находившиеся под контролем сильных княжеских династий. Во-вторых, выборы архиепископов, епископов, коадьюторов и аббатов крупных монастырей носили в достаточной степени консервирующий характер, так как крупные княжеские семьи стремились обеспечить вакантные духовные должности за своими родственниками. Каждый князь в силу родственных отношений и политических интересов принадлежал к какой-либо имперской партии. Даже коллегия курфюрстов не была единой. Так, четыре рейнских курфюрста были заинтересованы в сохранении единого таможенного контроля в прирейнских территориях и в проведении единой политики против имперских городов. Однако на этом их совместные интересы заканчивались, а дальше начинались противоречия,

особенно между Пфальцем и Майнцем. А Швабский союз 1488 года, в который входили сам Максимилиан I как эрцгерцог Австрийский, курфюрсты Майнцский и Трирский, ряд епископов, герцог Вюртембергский и большинство швабских имперских городов был явно направлен против преобладания династии Виттельсбахов в Южной Германии.

Следующим важным шагом в проведении имперской реформы, во многом определившим государственно-территориальную структуру империи, стало образование имперских округов (Reichskreisen). На рейхстаге в Аугсбурге 2 июля 1500 года Максимилиан предложил ввести «Regimentsordnung», т. е. порядок управления, согласно которому вводился имперский совет, в который входили шесть курфюрстов (кроме чешского короля), двенадцать князей и два представителя от имперских округов, с целью более упорядоченного управления имперскими делами. Кроме этого, устанавливались шесть имперских округов (Франконский, Баварский, Швабский, Рейнский, Нижне-рейнско-Вестфальский, Нижнесаксонский) [12: s. 3–5]. Впоследствии их число увеличилось до десяти. В рамках окружных собраний решались дела общеимперского внутреннего управления. Округа были лишены возможности влиять на решение внешнеполитических вопросов. Иерархия внутри округов способствовала снижению территориальной агрессивности и установлению по возможности справедливого разделения внутриимперских обязанностей (налогов, расквартирования войск и т. д.) [5: s. 582].

Совершенно очевидно, что инициированные реформы, пусть и обусловленные спецификой политического устройства империи, позволили Максимилиану I проводить достаточно активную внешнюю политику, несмотря на то, что французский король упорно рассматривал императора лишь как одного из курфюрстов.

Процесс реформирования продолжился и в начале XVI века. Последующие нововведения в организации имперского управления представляли собой детализацию реформ конца XV века. Так, в 1508 году был определен порядок подачи апелляций и обращений в имперский суд. А в 1512 году был введен в действие порядок нотариата, регулировавший дела о правах наследства, что было особенно важно для решения споров о наследственных делах между сословиями. В 1529 году наследственные права внуков были уравнены с правами сестер; тем самым был сделан первый шаг к преодолению средневекового родственного права в пользу частного личного права Нового времени. Кроме того, в 1532 году была сформулирована система наказаний по уголовным делам, т. е. «Каролина» Карла V. Начавший формироваться «полицейский порядок» в течение всего XVI века продолжал детализироваться по различным параметрам. Точно так же дополнялись новыми положениями антимонопольное законодательство и порядок чеканки монет. В 1523–1524 годах и в 1530 году были предприняты попытки распространения антимонопольных законов на деятельность крупных компаний, занимавшихся международной торговлей. Однако к середине XVI века ситуация

изменилась и запреты на монополии исчезли в имперских и территориальных «полицейских порядках». Ревизии подвергались также и воинские статуты, которыми регулировались наем войск, компетенция командующих войсками, содержание военнопленных, продажа оружия и пороха и т. д. Но попытка создания единой регулярной армии натолкнулась на активное сопротивление со стороны сословий. Предоставление солдат в имперскую армию так и не стало их обязанностью. Этот вопрос решался не только на уровне рейхстагов, но и на уровне ландтагов. Вормский рейхстаг 1521 года решил эту проблему так, что формирование имперской армии было возможно, но лишь с помощью средств и сил, предоставляемых сословиями, которые, как показывает практика, предпочитали всячески уклоняться от выделения необходимых ресурсов [16: s. 701].

В целом имперское законодательство отражало характерный для всей Западной Европы процесс рецепции римского права в отличие от местного законодательства в крупных германских территориальных княжествах. Если глава империи и сословия сотрудничали друг с другом в составлении юридических актов, то эффективность новых норм была существенной, тем более что многие земельные установления часто базировались на имперских законах. Единственное, что мешало успешному функционированию права на территории империи, так это отсутствие действенной исполнительной власти в стране [2: s. 216–218].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть тесную связь процессов конституирования рейхстага, проведения имперских реформ и усиления территориализации в империи в конце Средневековья и в начале раннего Нового времени. Реформы создали многие элементы правового государства, основанные на рецепции римского права как основы гражданского общества и классического права частной собственности, что было важно для будущей модернизации как страны в целом, так и ее отдельных земель. В то же время укрепление позиций коллегии курфюрстов способствовало аристократизации имперской конституции и блокировало ее продвижение по пути создания правового государства Нового времени западноевропейского образца. Рейхстаги стали важным фактором стабилизации внутреннего положения в империи, гарантом вечного имперского мира и выразителями интересов сословий. В определенном смысле они представляли собой рудименты будущего федеративного устройства Германии. Но в условиях отсутствия общей внешней угрозы для всех земель империи, которая могла бы их консолидировать с целью укрепления центральной власти, реформа и конституирование рейхстагов одновременно маркировали собой усиление процессов территориализации и формирования имперской предгосударственной системы.

Литература / Literatura

1. Angermeier H. Einleitung // Deutsche Reichstagakten unter Maximilian I. Bd. 5. Reichstag zu Worms 1495. Bd. I, Teil I: Akten, Urkunden und Korrespondenzen / bearb. von H. Angermeier. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1981. 590 s.

2. Angermeier H. Die Reichsreform, 1410–1555: Die Staatsproblematik in Deutschland zwischen Mittelalter und Gegenwart. München: Beck, 1984. 702 s.

3. *Aulinger R.* Das Bild des Reichstages im 16. Jahrhundert. Beiträge zu einer typologischen Analyse schriftlicher und bildlicher Quellen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. 520 s.
4. *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. Karlsruhe: Kraemer & Hansen GmbH, 1966. 370 s.
5. *Dotzauer W.* Die deutschen Reichskreise (1383–1806). Geschichte und Aktenedition. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. 687 s.
6. *Gollwitzer H.* Einleitung // Deutsche Reichstagakten unter Maximilians I. Sechster Band. Reichstage von Lindau, Worms und Freiburg 1496–1498/ bearb. von H. Gollwitzer. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1979. 798 s.
7. *Heinemeyer W.* Die Territorien zwischen Reichstradition, Staatlichkeit und politischen Interessen // Säkulare Aspekten der Reformationszeit/hrsg. von H. Angermeier. München: Bohlau, 1983. S. 77–89.
8. *Hollegger M.* Die Grundlinien der Außenpolitik Maximilian I und der Wormser Reichstag von 1495 // 1495 – Kaiser, Reich, Reformen. Der Reichstag zu Worms. Ausstellung des Landeshauptarchivs Koblenz in Verbindung mit der Stadt Worms zum 500-jährigen Jubiläum des Wormser Reichstags von 1495. Koblenz: Landesarchivverwaltung Rheinland-Pfalz, 1995. S. 39–55.
9. *Moraw P.* Versuch über die Entstehung des Reichstags // Politische Ordnungen und soziale Kräfte im Alten Reich/hrsg. von H. Weber. Wiesbaden: Beck, 1980. S. 1–36.
10. *Moraw P.* Der Reichstag zu Worms von 1495 // 1495 – Kaiser, Reich, Reformen. Der Reichstag zu Worms. Ausstellung des Landeshauptarchivs Koblenz in Verbindung mit der Stadt Worms zum 500-jährigen Jubiläum des Wormser Reichstags von 1495. Koblenz: Landesarchivverwaltung Rheinland-Pfalz, 1995. S. 25–37.
11. *Neuhaus H.* Die Rheinische Kurfürsten, der Kurrheinische Kreis und das Reich im 16. Jahrhundert // Rheinische Vierteljahrsblätter. Jg. 48, 1984. S. 138–160.
12. Quellen zur Verfassungsentwicklung des Heiligen Römischen Reiches deutscher Nation (1495–1806). Bearb. von H. Duchhardt. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. 178 s.
13. *Reinhard W.* Geschichte der Staatsgewalt. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart. München: Beck, 1999. 631 s.
14. *Schlaich K.* Die Mehrheitsabstimmung im Reichstag zwischen 1495 und 1613 // Zeitschrift für historische Forschung 10, 1983. S. 299–340.
15. *Steinmetz M.* Deutschland 1476–1648. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1978. 428 s.
16. *Tischer A.* Reichsreform und militärischer Wandel. Kaiser Maximilian I. (1493–1519) und die Reichskriegsreform // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft 8, 2003. S. 685–705.
17. *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Bd. I. München: Verlag f. Geschichte u. Politik, 1971. 608 s.
18. *Wiesflecker H.* Kaiser Maximilian I: das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Bd. 2. Wien: Verlag f. Geschichte u. Politik, 1975. 576 s.
19. *Wolf A.* Die Vereinigung des Kurfürstenkollegs. Zur Reformacio sacri status imperii bei der Königserhebung Albrechts von Österreich im Jahre 1298 // Im Spannungsfeld von Recht und Ritual. Soziale Kommunikation in Mittelalter und früher Neuzeit/hrsg. von H. Duchhardt und G. Melville. Köln: Oldenbourg, 1997. S. 305–371.

R. V. Furtsev

Reichstags and Imperial Reforms in Late XV – Early XVI Century

The article considers the problems of establishment of the place and role of the Reichstag as an institution of power in the system of state administration of the Holy Roman Empire, as well as the problems of the relationship between the estates and Maximilian I of Habsburg in the light of the process of initiation of imperial reforms.

Keywords: empire; estates; the Reichstag; policy; reforms.

Д.П. Шульгина

**Комплексный анализ
действующих УМК по истории
для 11 класса с позиции их соответствия
федеральным нормативным актам,
историко-культурному стандарту
и социальным ожиданиям**

В статье рассматриваются действующие учебно-методические комплекты по истории для старшей школы, анализируется их соответствие современным требованиям, а также необходимые шаги для их усовершенствования.

Ключевые слова: история России; учебно-методический комплект; историко-культурный стандарт.

В последние годы очень остро стоит проблема обновления школьного исторического и обществоведческого образования: усовершенствование предметных курсов; разработка новых учебников и методического сопровождения в соответствии с современными требованиями. Особенно актуальна эта проблема на старшей ступени общего образования, в 10–11 классах школы.

Новый Федеральный государственный образовательный стандарт предъявляет широкий ряд требований к учебно-методическим комплектам по истории. Не менее важным фактором являются современные общественные ожидания и запросы.

Целью изучения истории, как и всех общественно-научных предметов, является, в конечном итоге, воспитание всесторонне развитой личности, формирование основ мировоззрения, гражданской идентичности, социального и правового самосознания, толерантности, выработка основных жизненных ценностей [5]. Кроме того, изучение истории позволяет сформировать этническую, культурную, национальную самоидентификацию, способствует воспитанию толерантного отношения к многообразию культур, созданию культурно-исторических

ориентиров. Это в свою очередь способствует повышенному общественному вниманию к преподаванию истории и к учебным пособиям, по которым оно ведется.

В настоящее время отмечается все возрастающий интерес к событиям в истории России и роли нашей страны в общемировом историческом и культурном процессе. Это потребовало создания историко-культурного стандарта — научно-методической основы, на которой должен базироваться современный УМК по истории. В соответствии с этим стандартом изучение истории не должно ограничиваться только важнейшими историческими событиями, но и должно включать в себя освещение духовной и культурной сфер деятельности человека, а также региональной истории и социальных процессов как в масштабе страны, так и на отдельных территориях [4].

История нашей страны является одним из решающих факторов в формировании образа России, представлений о ее месте в мировом экономическом, политическом, историческом и культурном пространстве. Понимание этого места, его значимости, воспитание в учащихся патриотизма и гордости за свою страну должны складываться благодаря всестороннему освещению различных факторов — от географического положения России до ее богатейшей культуры. Следовательно, современный УМК должен предполагать междисциплинарный подход к изучению предмета. Одновременно системно-деятельностный подход, заявленный как приоритетный во ФГОС, требует стимулировать учащихся к большей активности на уроках, способствовать формированию сознательного оценочного отношения к различным событиям и изучаемым концепциям в целом.

УМК по истории для старших классов должны также уделять внимание анализу (в том числе компаративному) различных процессов и выработке критического отношения к разным трактовкам исторических событий. Проблема фальсификации истории и политизированности исторических исследований стоит в настоящее время очень остро. В процессе изучения истории школьники должны научиться оценивать полученную информацию на основе приобретенных знаний и изученных источников, а также сопоставлять источники информации.

Кроме того, задачей современного УМК по истории является выработка бережного отношения к культурному наследию страны. Охрана памятников культуры — одна из наиболее актуальных глобальных проблем современного общества. Изучение культуры различных народов, населяющих нашу страну, способствует лучшему пониманию национального многообразия России, способствует осознанию равноценности различных культур, воспитывает уважительное отношение к другим культурам и народам.

Эту же цель преследует изучение региональной истории, которое в соответствии с историко-культурным стандартом должно помочь учащимся более полно познакомиться с историей и культурой территории проживания, а также создать эффект «приближения» изучаемого материала, личностного переживания,

которое способствует лучшему и более прочному усвоению знаний. Но этот раздел вызывает наибольшие сложности, так как требует комплексного изучения специфики регионов, их социально-экономического развития, истории и культуры, что требует разработки новых методических приемов.

Таким образом, современный УМК по истории представляет собой сложный многосоставный комплекс материалов. Авторы стоят перед необходимостью осветить широкий круг вопросов, не перенасыщая учебник и дополнительные материалы информацией, а также предоставить разнообразное методическое сопровождение и необходимые сопутствующие пособия, отвечающие запросам современной школы. Материалы, включаемые в УМК, должны отражать современный уровень развития исторической науки, предусматривать логически последовательное изложение учебного материала, использование современных методов и технических средств обеспечения учебного процесса [5]. Требуется также учитывать изучение других предметов в рамках междисциплинарности обучения.

Современные УМК необходимы как ученикам, так и учителям. Они включают в себя теоретические материалы, практические задания, методические рекомендации, наглядные пособия и пр., которые в комплекте обеспечивают наилучшее освоение образовательной программы.

В старшей школе история может изучаться на базовом или профильном уровне. УМК для 10 и 11 класса представляют собой единую структуру, в которой изучение отечественной и мировой истории современного периода (XX–XXI вв.) приходится на 11 класс. Параллельное изучение истории России и мира позволяет учащимся лучше осознать роль и место нашей страны в современном историческом, политическом и культурном процессе.

Анализ структуры и содержания УМК по истории, используемых в 11 классе в настоящий момент, необходим для объективной оценки учебно-методического обеспечения учебного процесса.

Учебно-методический комплект представляет собой подборку основных и дополнительных учебных и учебно-методических материалов, которые определяются содержанием утвержденной образовательной программы дисциплины. Эти материалы обеспечивают теоретическое содержание дисциплины, регламентируют структуру урока и самостоятельной работы школьников, а также процесс контроля над освоением дисциплины.

Среди УМК, включенных в Федеральный перечень на основе соответствия ФГОС для использования в образовательных учреждениях, выделяются комплекты для базового и профильного уровней.

Издательством «Просвещение» в 2013 году был выпущен УМК по истории России на основе учебника для 11 класса «История России, XX – начало XXI века» под редакцией С.П. Карпова [3].

Учебник, составляющий основу УМК, является логическим продолжением линии учебников, разработанных для старшей школы (*Борисов Н.С.*

«История России с древнейших времен до конца XVII века (базовый уровень), 10 класс»; Левандовский А.А. «История России. XVIII–XIX века (базовый уровень), 10 класс»). Учебник отражает современные научные подходы к преподаванию отечественной и мировой истории. Специально для него разработан методический аппарат, ориентированный на системно-деятельностный подход к обучению и современные образовательные технологии.

Изложение материала в учебнике ведется одновременно по хронологическому и проблемному принципу. Все факты освещены с позиции современной историографии и учитывают основные достижения отечественной и зарубежной исторической науки. Материал распределен по трем крупным разделам:

- Российская империя;
- Великая российская революция. Советская эпоха;
- Российская Федерация.

Изложение каждой темы внутри раздела начинается с определения наиболее значимой проблемы, подобный же вопрос открывает каждый из параграфов. В начале параграфа даются основные понятия и задаются вопросы, на которые учащиеся должны найти ответ в ходе изучения материала. Таким образом, сразу определяется ориентация на активную деятельность учащегося в ходе урока. Параграф завершается заданиями для самостоятельной работы. Текст сопровождается богатым иллюстративным материалом, который включает, помимо остального, исторические карты. Каждый из разделов содержит общий список вопросов и заданий, в том числе для творческой работы. Учебник содержит вспомогательный аппарат: примерные темы проектных работ, список рекомендуемой литературы, словарь основных понятий и список наиболее значимых дат.

Дополнительные материалы представляют собой справочник, который содержит краткую информацию о всех ключевых датах истории России, что позволяет учащимся оперативно искать требуемую информацию. Тетрадь-тренажер содержит задания трех уровней сложности, соответствующие уровням ЕГЭ, при этом основное внимание уделено высокому уровню: анализ документов, работа с контурными картами и графическим отображением материала, систематизация исторических сведений и т. д. Для учителей предлагаются методические рекомендации по построению урока и учебные программы.

Поддача материала небольшими блоками, которые разделены информационными врезками или иллюстративным материалом, делают учебник простым для восприятия. Проблемный подход в изложении и разнообразие творческих заданий стимулируют активность учащихся.

Оценивая содержательную часть учебника, следует отметить, что события политической, экономической и военной истории изложены в нем достаточно полно. Авторами предпринята попытка осветить различные исторические концепции.

Большое внимание в учебнике и сопутствующих материалах уделяется теме Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (она была значительно

расширена в последнем издании). Но именно в параграфах, посвященных этой теме, авторы частично обращаются к устаревшим концепциям подачи исторического материала.

Меньшее внимание уделено развитию духовной и материальной культуры. Почти не упоминается культура СССР в годы Великой Отечественной войны, не освещена национальная политика СССР в области культуры во второй половине XX века, нет раздела, посвященного культуре постсоветской России. Мало внимания уделено и региональному фактору, который отмечен как один из необходимых элементов учебника нового поколения в историко-культурном стандарте. Те же недостатки можно проследить и в остальных элементах УМК.

Многие исторические события представлены как следствие решений государственных деятелей, не всегда достаточное внимание уделяется объективным причинам событий. К недостаткам учебника можно отнести и излишне литературный стиль изложения, усложняющий восприятие информации.

Методический аппарат учебника недостаточно структурирован. Не всегда видны различия между вопросами к тексту параграфа и заданиями для самостоятельной работы. Также к недостаткам можно отнести отсутствие атласа или сборника карт.

Большое число разнообразных методических материалов и рекомендаций дает учителю возможность оптимально подготовиться к уроку и составить план самостоятельной работы.

Еще один широко распространенный учебно-методический комплекс для 11 класса выпущен издательством «Дрофа» в 2012 году [2]. Его ядром является учебник: А.Ф. Киселев, В.П. Попов «История России. XX – начало XXI века. Базовый уровень: учебник для общеобразовательных учреждений» [2].

Учебник охватывает период с начала XX века по 2008 год. Текст построен таким образом, что изучаемый материал прорабатывается дважды: в основном тексте параграфа и в кратких выводах, концентрирующих внимание учащихся на наиболее значимых идеях. Каждый параграф учебника снабжен богатым иллюстративным материалом, в конце урока предлагаются вопросы и задания, рассчитанные не только на работу с недавно пройденным материалом, но и на повторение предшествующих тем.

Учащимся предлагается строить свой ответ в разных формах — текстовой, графической, работать с контурными картами. Таким образом, акцент сделан на самостоятельной работе школьников. Кроме того, для исследования предлагаются выдержки из различных документов.

Учебник сопровождается кратким глоссарием, списком наиболее важных дат, перечнем рекомендуемой литературы. Рабочая тетрадь и сборник контурных карт способствуют разнообразию творческой работы. Важной частью УМК являются хрестоматия в двух частях и практикум, содержащие тексты, характеризующие политическую, социальную, экономическую и духовную жизнь России XX–XXI веков. Практикум предлагает также набор заданий

и вопросов. УМК ориентирован на системно-деятельностный подход, названный основным в Федеральном государственном образовательном стандарте. Но следует отметить, что большая часть сопровождающих материалов практически ориентирована и представляет собой аппарат для самостоятельной работы. Методические указания для педагогических работников представлены в гораздо меньшем объеме.

Для учителей было создано методическое пособие, в котором содержатся поурочные планы, образовательные задачи уроков, рекомендации для учителя. Этим же целям отвечают программы для 10–11 классов общеобразовательных учреждений, составленные с учетом учебника.

Содержание и методический аппарат УМК ориентирован на развивающее обучение, формирование умений объективно оценивать события, работать с источниками. Много внимания уделяется культурной жизни страны, в том числе постсоветской России, но в гораздо меньшей степени отражена повседневная жизнь населения. Почти не затронуты вопросы истории регионов и локальной истории, а также проблемы национальной политики.

В целом учебник ориентирован на политическую и военную историю. Реформы в экономической сфере, национальная и культурная политика, социальные процессы освещены по остаточному принципу, большая часть приведенных документов также имеет отношение к событиям внутренней и внешней политики. Делается акцент на роли личности в истории, которая иногда выводится на передний план, недостаточно подробно освещаются комплексные причины исторических событий. Стиль изложения в некоторых параграфах, более характерный для публицистики, чем для учебного пособия, затрудняет анализ фактов.

Для профильного уровня образования издательство «Просвещение» выпустило УМК для 10–11 классов под редакцией А.Н. Сахарова [6].

УМК предназначен для изучения истории на углубленном уровне. Проблемно-тематическое изложение материала отвечает целям профильного исторического образования. Материал изложен сжато, академическим языком, текст отличается высокой степенью информативности. Важное место занимают фрагменты различных исторических источников, которые сопровождаются вопросами для самостоятельной работы. В конце каждого параграфа предлагаются вопросы и задания, ориентированные на творческую и исследовательскую деятельность учащихся. Среди прочих видов работы учащимся предлагается заполнить таблицы, проведя аналитическую работу с текстом. Предлагаются также дискуссионные вопросы, предполагающие полемику учащихся с автором учебника. В конечном итоге самостоятельная работа школьника направлена на прослеживание причинно-следственных связей между событиями и формирование собственного мнения о ключевых моментах отечественной истории.

Текст сопровождается кратким глоссарием, списком основных дат и иллюстрациями, как цветными, так и черно-белыми, а также географическими картами.

УМК предполагает активную работу с внешними источниками (помимо приведенных в учебнике документов приводятся ссылки на другие материалы), разнообразную деятельность учащихся. Полноценно освещены проблемы социальной, политической и экономической истории. Недостаточное внимание уделяется культурной и духовной жизни страны, вопросы повседневности практически не затронуты.

УМК не содержит отдельных изданий с заданиями для самостоятельной работы, эту роль принимает на себя учебник. Это можно назвать главным недостатком комплекта — объем заданий недостаточен, требует привлечения дополнительных материалов. В частности, в учебнике содержится множество отсылок к документам, но нет цитат из них, что предполагает использование других книг.

По сути, учебник представляет собой справочный аппарат, но его сложно использовать как единственное учебное пособие из-за чрезмерно сухого и академического стиля, характеризующегося громоздкими предложениями и обилием дополнений, а также из-за того, что текст перенасыщен информацией, статистическими и иными данными, большим количеством обобщений. Дискуссионные и сложные вопросы, такие как холодная война или причины сталинских репрессий оказываются вынесены за рамки учебника и должны рассматриваться в ходе самостоятельной работы.

Книга для учителя содержит методические рекомендации (теоретические и практические) по преподаванию истории на профильном уровне, справочные сведения, материал по подготовке отдельных уроков курса, рекомендации к поурочному планированию, проведению обзорных лекций, дискуссий, подготовке учеников к самостоятельной аналитической работе. Но отсутствие сборника заданий, хрестоматии или какой-либо подборки необходимых документов, примеров внеклассной деятельности делает данное пособие недостаточным для автономной работы. По сути, учебник и книга для учителя представляют собой ядро УМК, которое требует дополнительных материалов.

Иной подход к преподаванию истории в старших классах представляет собой УМК издательства «Дрофа» — «История. Россия и мир» [1].

Цель учебника — углубить и расширить знания школьников о наиболее важных событиях истории России XX–XXI веков в контексте мировой истории. Сравнительный анализ событий в нашей стране и за ее пределами позволяет составить целостную картину исторического процесса в Новейшее время. В центре курса находится история России, что и определяет его структуру. Главная цель — осознание учащимися места России в истории человечества и в современном мировом сообществе, взаимосвязи истории страны с мировой историей, вклада России в мировую культуру.

Изложение материала построено по хронологическому и проблемному принципу. Основное внимание уделено политической и экономической истории. Отдельный раздел посвящен духовной жизни России и мира. Каждый

параграф снабжен иллюстрациями и статистическими данными. Текст завершается краткими выводами. Предлагаются различные задания — в форме устных ответов, работы с картами, заполнения таблиц и т. д. Некоторые задания предполагают анализ документов. В конце учебника дан краткий словарь основных понятий и сводная таблица основных дат отечественной и всемирной истории XX–XXI веков.

Общий объем информации и необходимость панорамного представления обуславливает излишнюю краткость изложения. Главное внимание уделено ключевым событиям и личностям, наиболее значимым закономерностям исторического процесса. Несмотря на одновременное изучение событий в России и мире, авторам не всегда удается проследить связь между ними, события рассматриваются параллельно, а не взаимосвязано. Недостаточно полно освещена логическая связь между отдельными событиями и процессами. Учебник почти полностью посвящен политической и военной истории. Остальные аспекты исторического процесса вынесены за рамки рассмотрения и используются как задания для самостоятельной работы.

Тренировочные задания и сборник контурных карт расширяют возможности для самостоятельной работы учащихся. Для учителей предлагаются программы, составленные на основе учебника, другие методические материалы в УМК не входят. Главный недостаток этой части комплекта — отсутствие методических рекомендаций по составлению планов уроков на базе учебника и по подготовке учащихся к самостоятельной работе. Учитывая, что методики преподавания отечественной и всемирной истории в рамках одного курса на данный момент недостаточно распространены, подобные рекомендации необходимы, и их отсутствие затрудняет работу педагогического состава.

Анализируя действующие УМК по истории для старшей школы с позиций соответствия ФГОС нового поколения и историко-культурному стандарту, можно отметить несколько ключевых моментов.

Все рассмотренные УМК отражают четкую ориентацию на системно-деятельностный подход, приоритетный для современного образования и старшей школы в частности, основная задача которой — научить школьников самостоятельно работать с текстами и источниками, анализировать и оценивать полученный материал. Задания, различающиеся по типу и сложности, представлены в каждом из учебников и дополнены справочными и другими сопроводительными пособиями. В качестве главных задач авторы видят воспитание самостоятельного мышления и стимулирование дискуссии, а основная цель учебника — научить учащихся пониманию исторического процесса и причинно-следственных связей между событиями.

Несмотря на разницу в подаче материала, можно отметить, что общий подход достаточно традиционен. Авторы концентрируют основное внимание на политической, экономической и военной истории, наиболее значимых событиях и личностях, рассматривая исторический процесс как хронологию

политических событий. Социальному и социально-культурному фактору уделяется гораздо меньше внимания.

Историко-культурный стандарт предполагает усиление акцента на социокультурных факторах [4]. Это необходимо помнить при анализе структуры учебника. В сложившейся традиции политическая, социальная и культурная история рассматриваются отдельно, в разных разделах, и из-за этого часто воспринимаются учащимися как параллельные процессы, в которых сложно найти точки соприкосновения. Такое построение изложения, которое мы можем видеть во всех рассмотренных учебниках, усложняет освоение многоуровневой структуры исторического процесса.

Заметим, что речь не идет о том, чтобы представлять весь значительный объем материала без разделения на смысловые части. Но необходимо создать неразрывную и взаимосвязанную картину, объединяющую все аспекты исторического процесса так, чтобы политика, экономика, география, культура и социальные факторы не воспринимались отдельными самостоятельными блоками.

Кроме того, многоуровневый подход, заявленный в историко-культурном стандарте, предполагает большее внимание к таким вопросам, как локальная и региональная история и история повседневности. В действующих УМК эти темы фактически не рассматриваются, упоминаясь только в разделах, посвященных культуре. Авторы делают очевидный акцент на «верхнем уровне», т. е. политической и социальной истории, не затрагивая в подробностях остальные процессы.

Ограниченное количество часов, выделенное на изучение истории в 11 классе, и формат учебника в целом не позволяют полностью осветить эти вопросы. Но в качестве заданий для самостоятельной и творческой работы учащихся темы повседневности и локальной истории могут и должны быть включены в процесс обучения. Для этого требуется также разработка методического аппарата и методических указаний для учителей, что также входит важной частью в УМК.

Еще одна проблема — рассмотрение истории нашей страны как неотъемлемой части мирового исторического процесса. Здесь авторы УМК вновь сталкиваются с ситуацией лимита часов для преподавания большого объема информации. УМК «История. Россия и мир» предполагает концентрацию на всемирной истории с акцентированием роли в ней нашей страны, но за счет этого меньшее внимание уделяется культуре, локальной истории и повседневности. С другой стороны, авторы остальных УМК затрагивают мировую историю только в виде упоминаний и рассказа о событиях, непосредственно связанных с событиями в России. Параллельное изучение всеобщей истории XX–XXI веков создает проблему «синхронизации», создания понятной и взаимосвязанной картины исторического процесса.

Введение историко-культурного стандарта требует новых методических подходов к составлению УМК по отечественной и всемирной истории, и, в конечном итоге, разработки новых принципов преподавания дисциплины.

Литература

1. Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. История. Россия и мир. 11 класс. Базовый уровень: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2013. 351 с.
2. Киселев А.Ф., Попов В.П. История России. XX – начало XXI века. Базовый уровень: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2012. 318 с.
3. Левандовский А.А., Щетинов Ю.А., Мироненко С.В. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: базовый уровень / под ред. С.П. Карпова. М.: Просвещение, 2013. 384 с.
4. Проект Историко-культурного стандарта. URL: http://минобрнауки.рф/13.07.01-Проект_Историко-культурного_стандарта.pdf (дата обращения: 12.12.2015).
5. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <http://www.prikrmk.sfedor.ru/fgos/1530-stoosnabr.html> (дата обращения: 12.12.2015).
6. Шестаков В.А. История. История России. XX – начало XXI века. Учебник. 11 класс. Углубленный уровень / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Просвещение, 2013. 399 с.

Literatura

1. Volobuev O.V., Klokov V.A., Ponomarev M.V., Rogozhkin V.A. Istoriya. Rossiya i mir. 11 klass. Bazovy'j uroven': uchebnik dlya obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij. M.: Drofa, 2013. 351 s.
2. Kiselev A.F., Popov V.P. Istoriya Rossii. XX – nachalo XXI veka. Bazovy'j uroven': uchebnik dlya obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij. M.: Drofa, 2012. 318 s.
3. Levandovskij A.A., Shhetinov Yu.A., Mironenko S.V. Istoriya Rossii, XX – nachalo XXI veka. 11 klass: uchebnik dlya obshheobrazovatel'ny'x uchrezhdenij: bazovy'j uroven' / pod red. S.P. Karpova. M.: Prosveshhenie, 2013. 384 s.
4. Proekt Istoriko-kul'turnogo standart. URL: http://minobrnauki.rf/13.07.01-Proekt_Istoriko-kul'turnogo_standarta.pdf (data obrashheniya: 12.12.2015).
5. Federal'ny'j gosudarstvenny'j obrazovatel'ny'j standart osnovnogo obshhego obrazovaniya. URL: <http://www.prikrmk.sfedor.ru/fgos/1530-stoosnabr.html> (data obrashheniya: 12.12.2015).
6. Shestakov V.A. Istoriya. Istoriya Rossii. XX – nachalo XXI veka. Uchebnik. 11 klass. Uglublenny'j uroven' / pod red. A.N. Saxarova. M.: Prosveshhenie, 2013. 399 s.

D.P. Shulgina

Complex Analysis of Current Educational-Methodical Sets for 11th Form from the Position of their Compliance with Federal Regulations, Historical and Cultural Standard and Social Expectations

This article considers current educational-methodical sets for history in senior school. The author analyses their compliance with modern demands and also necessary steps for their improvements.

Keywords: history of Russia; educational-methodical set; historical and cultural standard.

Д.Н. Сергованцев

**В России «...свобода вводится через армию».
Рецензия на книгу Б.Б. Давыдова
«Военные поселения в России XIX века.
Очерки истории» (М.: Минувшее, 2015. 48 с.)**

В сентябре 1842 года военные поселения на юге России в свите императора Николая I посетил знаменитый французский художник-баталист Орас Верне. Он восхищался всем, что там увидел, особенно прекрасным состоянием лошадей (Верне больше всего любил писать именно лошадей, причем сам был превосходным наездником, объезжавшим английских скакунов) и системой подготовки унтер-офицерского состава через институт военных кантонистов. В письме жене Луизе из Елисаветграда (ныне г. Кировоград, Украина)¹ от 30 сентября Верне, характеризуя русскую действительность, приходит к выводу, что в России «...свобода вводится через армию». В этом его убеждала система подготовки кантонистов, при которой, по словам художника, «каждый солдат становится свободным человеком, а его дети получают образование и достигают унтер-офицерских чинов. Ежегодно из военных поселений их выходит более шести тысяч...» [1: с. 22].

Русскому читателю, хорошо знакомому с ситуацией в военных поселениях и с тяжелыми условиями обучения в школах военных кантонистов [3]², покажутся странными и не соответствующими действительности эти слова

¹ В настоящий момент власти Украины решают вопрос о переименовании города снова в Елисаветград или в Ингульск.

² Публикация очерков В.Н. Никитина в журнале «Отечественные записки» в 1871 году вызвала изумление и недоверие читателей и автор вынужден был приложить к первому отдельному их изданию «Объяснение», в котором писал: «Все, в Очерках изображенное, смеем уверить читателей, — чистая правда (курсив автора. — Д.С.), которую подтвердят, мы убеждены, многие, прошедшие раннюю свою юность в неранжированных баталионах учебных карабинерных полков и отдельных баталионах кантонистов, так как в тех и других... воспитание кантонистов было совершенное одинаковое во всех отношениях» [3: с. 257–258]. Книга В.Н. Никитина впоследствии выдержала еще несколько изданий.

француза, гордившегося своим либерализмом и выполнявшего роль «теневого посланника» французского короля-буржуа Луи-Филиппа при особе Николая I [5; 1: с. 104]. Но здесь мы сталкиваемся с любопытным историческим феноменом. Военные поселения, которые в советской историографии оценивались однозначно отрицательно, были введены в эпоху правления Александра I как способ экономии средств государственного бюджета (с. 3) (об этом см.: [4: с. 18]) и формирования особого социального слоя — лично свободных крестьян, находящихся под защитой и на службе у государства³. Александр I предпринял эту реформу в надежде постепенно подготовить Россию к отмене крепостного права, не затрагивая кардинально интересов помещиков. В стране должно было появиться «среднее сословие» — опора правительства в период проведения либеральных реформ. С другой стороны, в случае усиления недовольства или даже восстания помещиков власть могла противопоставить им военных поселян, должным образом мотивированных, дисциплинированных и хорошо владеющих оружием.

Главное направление реформы (создание слоя военных поселян) в целом сохранилось и при Николае I⁴. Именно в этом смысле следует понимать слова Верне о свободе, вводимой через армию. Правда, когда он, после возвращения в Петербург, получил больше информации о порядках, существовавших в военно-поселенных округах, настроение художника изменилось. В частности, его поразил рассказ о бунте в Новгородских поселениях в 1831 году. В письме к жене от 21 октября 1842 года из Петербурга он ужасался тому, что «взбунтовалось целое военное поселение, — ни один офицер не уцелел, все были хладнокровно перерезаны. <...> Должно быть, наказание было ужасно, поскольку об этом ничего не известно. Все эти полки расформированы. Вот, моя дорогая, как все устроено в России. Здесь трудятся, не заботясь об урожае. Прививают апельсины к елям и надеются на хорошие плоды» [1: с. 33, № XX].

³ Историю военных поселений изучали в советское время и продолжают изучать сейчас такие ученые, как Т.Н. Кандаурова, А.С. Тургаев (Россия), Ю.А. Блашков (Белоруссия), Т.Д. Липовская, К.М. Ячменихин (Украина). В Великобритании этой темой плодотворно занимаются сотрудники Лондонской школы экономики и права (LSE) Александр Байтис и Джанет Хартли (о военных поселениях см.: [6: с. 249–256; 7]).

⁴ В течение всего времени правления императора работали секретные комитеты для рассмотрения крестьянского вопроса. Но невозможность освободить крестьян без ущемления интересов помещиков делала бесплодной эту работу. Например, в мемуарах известного публициста и общественного деятеля славянофила А.И. Кошелева сказано: в октябре 1847 года он обратился к министру внутренних дел Л.А. Перовскому с предложением об освобождении крестьян. В ноябре министр прислал ему письмо с извещением, что император ознакомился с предложением «...и что хотя оно вполне согласно с видами правительства, однако, Его Величество находит неудобным в настоящее время (напомню, что Европу тогда сотрясала волна революций. — Д.С.) подвергать это дело обсуждению дворянства. К этому министр присовокупил, что, если бы я желал подать такой благой пример по моим имениям, то такая моя действия вполне заслужили бы одобрение Его Величества» [2: с. 65; письма см. в «Приложении первом»: с. 1–5, вторая пагинация]. Пользуясь полученным позволением, автор в 1850 году подал Л.А. Перовскому проект освобождения его (Кошелева) собственных крестьян с наделением их землей за выкуп в 40 руб. серебром за десятину, но «...на это... письмо... не получил никакого ответа» [2: с. 67].

Именно обширная мемуарная литература (русская и иностранная), вкупе с новыми архивными документами, позволяет объективно изучить историю военных поселений в России. Этим давно и плодотворно занимается кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) Б.Б. Давыдов. Все историки, которые работали в архиве, знают Бориса Борисовича как человека, влюбленного в свое дело, выполняющего роль живого «путеводителя» по Лефортовскому дворцу для начинающих исследователей. В течение многих лет он публиковал статьи по данной тематике, которые были напечатаны в научных журналах, тематических сборниках, материалах различных конференций и энциклопедиях. В 2015 году он объединил некоторые из них в подборку очерков под общим названием «Военные поселения в России XIX века», посвященных его маме — Валентине Алексеевне Давыдовой.

Первый очерк рассказывает о формировании в 1820 году из воинских частей, входивших в состав военных поселений, нового гвардейского Семеновского полка после раскассирования старого состава из-за произошедших 16–18 октября 1820 года волнений среди нижних чинов (с. 5–6). Второй очерк («Воспоминания Н.Б. Броневского как источник по истории военных поселений середины 20-х гг. XIX в.», с. 7–9) показывает читателю «...картину развития Слободско-Украинских военных поселений первой четверти XIX в.», увиденную глазами русского генерала-мемуариста. «А при сравнительном анализе воспоминаний Н.Б. Броневского с мемуарами других очевидцев событий, происходивших в поселениях (в частности, И.Е. Репина), появляется возможность расширить рамки изучения истории военных поселений вплоть до момента их ликвидации в середине 60-х гг. XIX столетия», — пишет автор (с. 9).

Очерки четвертый, пятый и шестой как раз и дают возможность сравнить мемуары Броневского с воспоминаниями гр. М.Д. Бутурлина, гр. А.Д. Блудовой и тайного советника А.М. Фадеева (с. 14–22). Бутурлин характеризовал военные поселения со слов своего отца гр. Д.П. Бутурлина, который до 1817 года был директором Эрмитажа, а после выхода в отставку покинул Россию. Здесь можно найти мнение старшего Бутурлина о том, что «...из этого милитарного учреждения может со временем выйти преторианская стража, способствовавшая падению римской империи» (цит. по: с. 14–15). Оно подтверждает существование в среде помещиков опасений по поводу появления в России нового социального слоя, после чего император может отказаться от поддержки со стороны дворянства. Писательница и общественный деятель гр. А.Д. Блудова — дочь министра внутренних дел в 1832–1838 годах и председателя Комитета министров (1861–1864 гг.) гр. Д.Н. Блудова — оставила в своих записках безрадостную картину внешнего вида поселений, увиденных ею проездом в момент упадка детища гр. А.А. Аракчеева. Управляющий экспедицией государственных имуществ за Кавказом А.М. Фадеев вспоминал, как в 1850 году наместник на Кавказе кн. М.С. Воронцов поручил ему (под видом поездки на отдых) проинспектировать местные военные поселения и составить проект их передачи из военного в гражданское ведомство. Одной

из главных причин разорения поселений (изначально имелись все шансы этого не допустить) он называл подчинение поселян полковым командирам, «...которые об их нравственности и домашних распорядках вовсе не заботились, а считали их чем-то вроде приписных к полковым квартирам крепостных крестьян, и извлекали из них всевозможную материальную в своих видах пользу» (цит. по: с. 21).

В третьем очерке Б.Б. Давыдов исследует проблему закрытости системы военных поселений для людей «со стороны» (с 1829 года) и приводит конкретный пример запрещения проживать в одном из округов пахотных солдат⁵ заслуженному офицеру подполковнику Пасенко, лечившемуся от ран в д. Белобелка. «Нарушитель» не имел возможности уехать оттуда из-за длительного неполучения от своего (Гренадерского генералиссимуса князя Суворова) полка жалованья за год, столовых и прогонных денег. Но, в конце концов, его заставили после выплаты денег покинуть закрытую территорию (с. 10–13).

Однако знаменитым иностранцам поселения по приказу Николая I показывали практически «без изъятий» и с гордостью. Император стремился убедить правительства ведущих держав в усилении военной мощи России, а европейское общественное мнение – в либеральных устремлениях высшей власти, заботящейся о благополучии простого народа. В своих предыдущих работах Б.Б. Давыдов рассказал о визитах в военные поселения французского маршала О.Ф. Мармона, шведского наследного принца Оскара, турецкого посла Галиль-паши, англичан Р. Лайелла, Д.Э. Александера, прусского экономиста и юриста А. Гакстаузена и др. При следующем императоре Александре II положение изменилось. Поскольку всем стало ясно, что военные поселения не достигли поставленных перед ними целей, в 1857 году было принято решение об их ликвидации. В такой ситуации правительство уже не заботилось о том, чтобы иностранцы не получали никакой негативной информации об этом государственном институте. Подобным сюжетам посвящены очерки седьмой («Письма... Ораса Верне как источник по истории военных поселений в России начала 40-х гг. XIX в.», с. 23–26) и восьмой (««Путевые впечатления. В России» Александра Дюма как источник к биографии А.А. Аракчеева и по истории военных поселений», с. 27–30). О впечатлениях Верне говорилось выше. Знаменитый писатель А. Дюма-отец путешествовал по России с 19 июня 1858 года по 16 февраля 1859 года. Итогом путешествия стал ряд журнальных статей, публиковавшихся в 1859–1862 годах, и «Путевые впечатления. В России», изданные в 4-х книгах в 1865 году. В «Путевых впечатлениях» есть отрывок под названием «Правая рука царя», рассказывающий об Аракчееве, о его жестокости и отношениях с генералом А.П. Ермоловым. Дюма замечает, что Ермолов «не боялся возражать Аракчееву и чуть не поплатился за это своєю карьерою» (с. 28). Другая история касается одновременно жестокости Аракчеева, а также «звериной» системы муштры и мертвящего

⁵ После восстания 1831 года в Новгородских военных поселениях они были реформированы и получили название округов пахотных солдат.

однообразия жизни в военных поселениях. Дюма пересказывает анекдот, услышанный им от кого-то из русских знакомых (от гр. Г.А. Кушелева-Безбородко или от писателя Д.В. Григоровича), о том, что некий майор Р., желая отомстить Аракчееву за жестокие выходки и одновременно скучая в военном поселении, куда был сослан, создал армию из гусей и индюков и стал обучать их строевой подготовке. История кончилась плохо и для майора Р., и для его «солдат». Аракчеев, лично устроивший смотр птичьей армии, приказал посадить офицера в крепость и кормить только гусятиной и индюшатиной. На двенадцатый день заключения майор объявил голодовку и вскоре Аракчеев его простил.

Желающим продолжить знакомство с темой я рекомендую обратиться к полному списку (192 наименования) публикаций Б.Б. Давыдова за 1988–2015 годы (с. 31–46, приложение). Они дают яркую картину жизни в военных поселениях, увиденной глазами разных людей и с разных сторон, а также позволяют читателю получить собственное представление об этом сложном и неоднозначном явлении русской жизни первой половины XIX века.

Автору можно пожелать в следующих изданиях снабдить свою работу одним общим заключением. В рецензируемом труде каждый очерк, первоначально опубликованный как отдельная статья, заканчивается примерно одинаково и это создает ощущение некоторой повторяемости. Общее заключение позволит сохранить сделанные Б.Б. Давыдовым выводы и избежать их дублирования.

Литература

1. *Верне О.* При дворе Николая I. Письма из Петербурга 1842–1843 / пер., вступ. ст. и коммент. Д.[В.] Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 175 с.

2. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1833 годы). С семью приложениями. Berlin: V. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. 272 + 232 с. (прил.).

3. *Никитин В.Н.* Многострадальные. Очерки быта кантонистов. Издание [Ф.И.] Колесова и [Ф.Г.] Михина. 1-е изд. СПб.: В типографии Гогенфельдена и К°, 1872. 261 с.

4. *Орлов А.А.* «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX в. (1814–1826 гг.): монография. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 200 с., ил.

5. *Соловьев Д.[В.]* Орас Верне, живописец трех императоров // Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга 1842–1843 / пер., вступ. ст. и коммент. Д.[В.] Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 77–124.

6. *Хартли Дж.М.* Александр I / пер. с англ. Н. Сухорукова. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 320 с.

7. *Bitis A., Hartley J.M.* The Russian Military Colonies in 1826 // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 78. № 2 (April 2000). P. 321–330.

Literatura

1. *Verne O.* Pri dvore Nikolaya I. Pis'ma iz Peterburga 1842–1843 / per., vstup. st. i komment. D.[V.] Soloveva. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N), 2008. 175 s.

2. Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1833 gody'). S sem'yu prilozheniyami. Berlin: B. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. 272 + 232 s. (pril.).
3. *Nikitin V.N.* Mnogostradal'ny'e. Ocherki by'ta kantonistov. Izdanie [F.I.] Kolesova i [F.G.] Mixina. 1-e izd. SPb.: V tipografii Gogenfel'dena i K°, 1872. 261 s.
4. *Orlov A.A.* «Shkoly' dlya vsekh». Lankasterskaya sistema obucheniya v Rossii v pervoj chetverti XIX v. (1814–1826 gg.): monografiya. M.: RIC MGGU im. M.A. Sholoxova, 2014. 200 s., il.
5. *Solov'ev D.[V.]* Oras Verne, zhivopisech trex imperatorov // Verne O. Pri dvore Nikolaya I. Pis'ma iz Peterburga 1842–1843 / per., vstup. st. i komment. D.[V.] Solov'eva. M.: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya (ROSSPE'N), 2008. S. 77–124.
6. *Xartli Dzh.M.* Aleksandr I / per. s angl. N. Suxorukova. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 320 s.
7. *Bitis A., Hartley J.M.* The Russian Military Colonies in 1826 // The Slavonic and East European Review. Vol. 78. № 2 (April 2000). P. 321–330.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2016, № 2 (22)**

Бессонова Татьяна Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета (bessonovav@list.ru).

Винокуров Николай Игоревич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков им. В.Ф. Семенова МПГУ (vinokurovn@list.ru).

Зеленская Юлия Николаевна — аспирант кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета (yulia-zelenskaya2008@yandex.ru).

Крыкин Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГПУ (smkrykin@mail.ru).

Ляпустин Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД РФ (bsl51@mail.ru).

Печерский Владимир Арнольдович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (volody75.75@mail.ru).

Пискунов Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета (grew5@mail.ru).

Сергованцев Денис Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России МПГУ (sergovancev@yandex.ru).

Сидоров Никита Владимирович — аспирант кафедры новой и новейшей истории МПГУ (umbergys@rambler.ru).

Скотони Джорджо Ренато — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета (giorgioscotoni@ya.ru).

Фурцев Роман Витальевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики МПГУ (marinaio0707@mail.ru).

Черножуков Алексей Сергеевич — соискатель кафедры истории МПГУ (tchernoz@mail.ru).

Шульгина Дарья Павловна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории МПГУ (fsvids@yandex.ru).

The Authors
of «*Vestnik Moscow City University*»,
a Series of «*Historical Studies*», 2016, № 2 (22)

Bessonova Tatiana Victorovna — Ph.D. (History), docent, department of Social and Humanitarian disciplines, Naberezhnye Chelny Institute of Kazan (Volga region) Federal University (bessonovatv@list.ru).

Vinokurov Nikolai Igorevich — Doctor of History, professor, head of V.F.Semenov department of History of Ancient World and Middle Ages, MSU (vinokurovn@list.ru).

Zelenskaya Yulia Nikolaevna — postgraduate student, department of History of Russia, PSU (yulia-zelenskaya2008@yandex.ru).

Krykin Sergei Mikhailovich — Ph.D. (History), docent, department of World History, MCU (smkrykin@mail.ru).

Lyapustin Boris Sergeevich — Ph.D. (History), docent, department of World and National History, Moscow State Institute of International Relations of the MFA of Russia (bsl51@mail.ru).

Pecherskij Vladimir Arnoldovich — Ph.D. (History), leading researcher of History sector, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History (volody75.75@mail.ru).

Piskunov Sergey Aleksandrovich — Ph.D. (History), docent, department of History of Russia and special historical disciplines, Blagoveshchensk State Teachers' Training University (grew5@mail.ru).

Sergovantsev Denis Nikolaevich — Ph.D. (History), docent, department of History of Russia, MTTSU (sergovancev@yandex.ru).

Sidorov Nikita Vladimirovich — postgraduate student, department of Modern and Contemporary History, MTTSU (umbergys@rambler.ru).

Scotoni Giorgio Renato — Ph.D. (History), docent, department of History of Russia, Voronezh State Teachers' Training University (giorgioscotoni@ya.ru).

Furtsev Roman Vitaljevich — Ph.D. (History), docent, department of Contrastive linguistics, MTTSU (marinaio0707@mail.ru).

Chernozhukov Aleksei Sergeevich — postgraduate student, department of History, MCU (tchernoz@mail.ru).

Shulgina Darja Pavlovna — Ph.D. (Art criticism), docent, department of History, MCU (fsvids@yandex.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpru.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета

Серия «Исторические науки»

№ 2 (22), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*

Редактор:

И.Е. Посоха

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

А.С. Джанумов

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 01.06.2016 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.

Бумага офсетная.

Объем 7 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.